

ПБ₂₁ 1405

КАЯ БИБЛИОТЕКА.

Книга

32

ИВ. ШМЕЛЕВЪ

Родное

БЪЛГРАДЪ

1931

ИВ. ШМЕЛЕВЪ

РОДНОЕ

Дорогому другу русским писателем
Александром Шмелевым
Белигу
с любовью признательного
автора

Сербия

БЕЛГРАДЪ

1931

Мил.

И. Бр. 1417

Всѣ права сохранены.
Tous droits réservés.

РОДНОЕ

(Изъ потерянной рукописи)

...быстро, смѣшно мѣнялось, — словно во снѣ мѣнялось. Двѣнадцать лѣтъ, — и столько чудесныхъ превращеній! Русскій студентъ, политическій, эмигрантъ-бѣглець, проклявшій свое родное. — это онъ съ болью помнилъ: какъ грозилъ кулакомъ въ пространство, всему, всему, въ тотъ безпріютный вечеръ, когда очутился за-границей, за той границей, куда ѣхалъ теперь съ восторгомъ, съ пылавшимъ сердцемъ. Потомъ — бельгійскій уже студентъ, чуть не принявшій подданства, — удержали мольбы отца, — ученія работы, профессура, такая ранняя, съ шумомъ въ ученомъ мірѣ... политическая амнистія, право „обнять Россію“, — такъ и сказала тогда! — поѣздка во Францію, женитьба, миллионы тестя-шелковника, ожидавшіеся на дняхъ къ получкѣ... бурный разрывъ съ Ивонной, опьянившею на полсотню дней, испарившеюся изъ сердца съ грязью, отказъ отъ профессуры со скандаломъ, бѣшенная недѣля съ дѣвушкой изъ кафе, въ Остэндѣ... спѣшный вызовъ къ умирающему отцу — въ Заволжье...

Словно во снѣ мѣнялось. Скоро — свое, родное! Только бы увидать отца. Восторгъ погасалъ въ тревогѣ, въ щемящей боли. Кочинъ вспомнилъ присылъ иконы-благословенія, вспомнилъ слова отца — узенькую записочку, сунутую отцомъ подъ ризу: „Спасъ приведетъ тебя“, — три слова, только. И вотъ, приводитъ. Все

разлетѣлось дымомъ — въ какой-то мѣсяць. И вотъ ведетъ...

Кочинъ вошелъ въ вагонъ и ему стало легче.

Скоро разбѣгутся родныя поля, съ перелѣсками, церковками, телѣгами на проселкахъ; пойдутъ свои станціи, съ звонкими колоколами, съ безтолковою суетней, съ лѣнливо-небрежнымъ выкрикомъ — „тре-тій давай!“ — съ очумѣлой бабой, тычущейся съ мѣшкомъ и клянущей какого-то Михайлу — „шуты его возьми, чисто какъ провалился!..“ — съ плотниками-галдежью, упрашивающими начальника погодить, не пускать машину, — „съ билетами нашъ, который, Ондрей Высоковъ... чайку заварить побѣгъ, за кипяткомъ...“ — съ мужиками въ тулупахъ, чего-то ждущими съ кнутьями, навалившись локтями и спинами на палисадникъ, съ жандармомъ-памятникомъ, съ неспѣшною суетолокой и говоркомъ.

Вспоминались забытыя картинки — зимы и лѣта. Подъ снѣгами еще поля, только весна подходитъ. Вспоминались звуки, и голоса, и запахи. Стосковался Кочинъ по говорку, будто двѣнадцать лѣтъ заграничной жизни только о томъ и думалъ, только того и ждалъ, когда, наконецъ, услышитъ.

Германія, сигарами запахло. Сосѣди-нѣмцы говорили о наукѣ, сыпались имена — чужія. Назывались нѣмцы, нѣмцы и нѣмцы, бельгіецъ, японецъ, итальянецъ, — имена славныя. И ни одинаго, — Кочина это взволновало, — ни одинаго русскаго. Въ области ему близкой, — въ физиологіи растений и агрономіи, — о чемъ толковали нѣмцы, были славныя имена, родныя. Онъ позволилъ себѣ вмѣшаться:

— А какъ въ этой области русская наука? Последнее время, помнится, она очень успѣшно развивалась... Если не ошибаюсь, вегетативная теорія Т., его знаменитый опытъ съ сосудами...?

Нѣмцы переглянулись — и задушили сигарами, съ апломбомъ:

— Но это же несерьезно! Теорія Т. обратила, правда, вниманіе... первое время завоевала сторонниковъ въ Англіи, но нашъ знаменитый Д. опрокинулъ ея основы!

— Но позвольте, — замѣтилъ Кочинъ, закуривая трубку, — вашъ, дѣйствительно славный, Д. получилъ отвѣтъ на послѣднемъ конгрессѣ въ Лейпцигѣ отъ француза К., страстнаго приверженца теоріи Т.!.. — и конгрессъ раскололся, помните?!..

— Да, казалось. Но послѣдній отвѣтъ за Д., и уже готовъ, скоро узнаете. К. блестящій ученый, но слишкомъ парадоксаленъ. Нельзя ему отказать въ оригинальности. Его гипотеза „вегетативной наслѣдственности“... У васъ, во Франціи, наука имѣетъ устойчивую почву, чего о русской наукѣ сказать нельзя... Слишкомъ все скороспѣло и...

Это задѣло Кочина. Его принимали за француза! Онъ, съ запаломъ, отъ чего онъ давно отдѣлался, выкинулъ имъ десятокъ русскихъ именъ, славныхъ на многихъ поприщахъ. Нѣмцы опять переглянулись, задымили.

— Вы... русскій?! — услыхалъ Кочинъ возгласъ и почувствовалъ въ немъ и покровительство, и — что-то легкое. Это его опять задѣло.

— Да, я русскій! — сказалъ онъ гордо, запальчиво. — Я знаю европейскую науку, въ частности и нѣмецкую, и отдаю вамъ должное, господа. Но я знаю... и онъ загорѣлся молодо, горячо, — и русскую науку! Къ сожалѣнію, мало она извѣстна европейцамъ во всей ширѣ и полнотѣ... запаздываетъ она — сюда. Да и вообще, мало Европа знаетъ подлинную Россію. Очень мало, а часто и превратно. Будемъ надѣяться, что скоро и узнаете... заставимъ узнать себя!..

Вышло не совсѣмъ вѣжливо. Выдержка загранич-

ной жизни слетѣла вдругъ. Нѣмцы не пожелали спорить. Впрочемъ, одинъ сказалъ, будто подвелъ итогъ:

— „Послѣ вашей революціи въ 905 году, „отдушина“ стала шире, о Россіи мы знаемъ больше. Россія начинаетъ приобщаться къ міру, и это благотворно подѣйствуетъ и на науку. Только вотъ слишкомъ тратите вы на вооруженіе!.. За восемь лѣтъ вы сильно шагнули въ этомъ.“

— Да... — сказалъ Кочинъ, не безъ усмѣшки, — Россія и въ этомъ отстать не хочетъ... отъ добраго сосѣдства.

Всѣ добродушно посмѣялись — и кончили острый разговоръ.

Странное совершалось съ Кочинымъ: даже дурное, что зналъ въ родномъ, начинало ему казаться оправданнымъ и законнымъ. А когда услышалъ первое русское — „носильщика не потребуется ли, баринъ?“ — ему захотѣлось крикнуть бородатому мужику: „Нѣтъ, голубчикъ... мнѣ еще въ самую глубину ѣхать, туда, за Волгу!“ Хотѣлось обнять за широкія плечи въ черномъ полушубкѣ и сказать что-то еще, такое чудесно-важное, радостное, какъ жизнь! Сказать, что двѣнадцать лѣтъ, съ девятьсотъ второго, онъ не видалъ Россіи, не говорилъ, какъ надо, не слышалъ рѣчи... что вотъ наконецъ-то здѣсь! А когда увидалъ вагонъ — „Варшава—Москва“, — въ немъ задрожало сладко. А тамъ и пошло вбирать, взмывать и раскачивать невиданное давнымъ-давно: хлопанье рюмочекъ у буфетной стойки, перебранки на станціяхъ лѣзущихъ мужиковъ съ кондукторомъ, пиликающая гармошка гдѣ-то, тусклые огоньки жилья, радостно-пьяный возгласъ вваливагося во 2-ой классъ овчиннаго мужика съ пилами, — „никакъ, мать честная, не туды!?“ — и насмѣшливый окрикъ проводника — „прешь-то куда, де-ре-вня!...“

Даже воздухъ совсѣмъ уже былъ другой — знакомо-давній: дыханье талыхъ снѣговъ, потеплѣвшихъ

ометовъ, дровъ, бурыхъ дорогъ, навозныхъ, пролетаго гдѣ-то дегтя, вздувшихся хмурыхъ, студеныхъ рѣкъ. Русскіе пѣтухи орали на пригрѣвахъ; русскія добрыя лошадки мотали головами въ торбахъ; гомозились грачи въ березахъ, поцокивали съ лаской галочки. „Никакъ журавли летятъ?“ — слышалъ черезъ окошко Кочинъ. — „Обязательно, журавли... ка-акъ, мать ихъ... весело-то кричатъ-то!“... Кочинъ смотре́лъ на свѣжіе скаты сосновыхъ бревенъ, и въ душѣ отзывалось — наше! — на череду вагоновъ, мотавшихся по просторамъ единой въ мірѣ великой цѣлины русской, несшихъ на западъ пряно-мучнистый духъ продвигавшагося неспѣшно хлѣба, — наше! И чувствовалъ радостно-покорно, какъ расплескавшаяся повсюду, не хотящая формы сила охватываетъ его любовно, тянетъ въ себя и топить. Онъ посмотрѣлъ на небо и призналъ Большую Медвѣдицу, радостно такъ призналъ, словно и она родная, словно и ее не видалъ лѣтъ десять. Въ неурочное время зашелъ въ буфетъ, — было къ полуночи, — выпилъ двѣ рюмки водки и закусилъ икоркой и балычкомъ. Купецъ по виду весело подмигнулъ ему, будто давно знакомый, и предложилъ — „по третьей?“... — и они выпили, съ кряканьемъ. „Къ дочери въ Вязму ѣду“, — радостно сообщил купецъ, — „перваго родила... выходитъ, и дѣдомъ сталъ!“ Кочинъ его поздравилъ, но четвертую выпить отказался. Купецъ выпилъ четвертую, — „ну, за ваше здорovie, подкачну!“ — и, закусывая грибкомъ, тутъ же и сообщилъ, что ему „и сорока пяти нѣтъ, а дѣдомъ сдѣлала, молодецъ-Анютка!“ Отъ буфета пошли знакомыми, поговорили часокъ въ купѣ, подышать вышли на площадку. Купецъ совѣтовалъ лѣскомъ попризаться, но хорошо и мучкой. — „Эхъ, за Волгой у васъ... да чтобы дѣловъ всякихъ не накрутить?!... Въ Россіи нашей, правду сказать, только дуракамъ быть бѣдными!“ — говорилъ купецъ, — „папаша мой крестьянствовалъ... я, бывалыча, въ ночное съ лошадами

скакалъ, а теперъ четыре лѣсопилки, склады свои въ Смоленскѣ, въ Можайскѣ, въ Вязьмѣ... въ Москву навстриваю. Деньги у насъ, можно сказать, на землѣ валяются, только умѣй поднять!“

Кочинъ курилъ и думалъ: какъ же опредѣлю себя въ этомъ безбрежномъ морѣ? Забралъ остраго воздуху и сказалъ себѣ: „нѣтъ, здѣсь — не тамъ, здѣсь не уложишь въ планчики... здѣсь — закружится голова отъ плановъ, здѣсь — непокоряющийся просторъ мечты“...

* * *

Кочинъ въ Москвѣ не задержался. Онъ засталъ на вокзалѣ телеграмму, отправленную теткой изъ-подъ Уфы: „вчера соборовали, полной памяти, сегодня гораздо лучше, кушалъ аппетитомъ уху, спрашивалъ тебя, ждешь“. И отлегло отъ сердца. До поѣзда, онъ поѣхалъ обѣдать къ „Тѣстову“, отвѣдалъ растегайчиковъ, ботвиньи и осетрины съ хрѣномъ, выпилъ ледяной водки, дивясь на себя, — „что это я распился!“ „Тѣстовъ“ ему понравился, — онъ еще никогда въ немъ не былъ, — понравился простотой и чистотой, чинностью встрѣчи и подачи, покойнымъ, московскимъ, тономъ, безъ суетливости, образомъ съ тихою лампадой, воздухомъ русской кухни, родною рѣчью, какъ музыкой.

— „Добраго здоровьица, Василиій Николаичъ, съ пріѣздомъ... давненько не бывывали у насъ“... — съ наслажденіемъ слушалъ онъ, какъ выговаривалъ мягко, чинно, сѣденькій, благообразный половой, съ подстриженной бородкой, во всемъ бѣломъ, съ малиновымъ узенькимъ пояскомъ и ласково-мягкимъ голоскомъ, встрѣчавшій съ поклономъ широкаго барина въ высокомъ хохлѣ и бакахъ, — „словно бы и помолодѣли!“

— „Здравствуй, Иванъ Максимычъ...—лѣниво-барственно отвѣтствовалъ господинъ, валясь на диванчикъ

тушей и заерзывая рукой въ хохлѣ,— „какъ дѣлишки— потаскиваешь штанишки?.. Морозной пылью все се-ребришься“...

— „Всѣ помаленьку серебримся, Василій Николаичъ... а вы вонъ золотитесь. Во всѣхъ вѣдомостяхъ пропечатано, въ Саратовѣ ѣздить изволили, Куркиныхъ-мукомоловъ оправлиали... прямо, изъ аду выхватили!“

— „Да, оправдалъ мошенниковъ. Вотъ говѣть буду, грѣхи замаливать. Ну, чѣмъ послужишь, Иванъ Максимычъ?..“

— „Чѣмъ прикажете. Къ закусочкѣ можно икорки свѣжей, троечной?.. Съ нарочнымъ съ Дону вчера доставлена, при немъ и вытряхнули... живыя сливки-съ. Лососинкой могу потрафить. Прикажете графинчикъ?“

— „Угу, дай потненькій. Да что-то миѣ, братецъ, соляночки захотѣлось, на сковородкѣ, по-моему... Семги, скажи, погуще, и груздиковъ тамъ“...

— „Понимаю-съ. Стелькинъ вашу охотку знаетъ, ему скажу. А къ закусочкѣ не прикажете копчушечку вашу, съ подогрѣвомъ, на можжевѣлкѣ? Самая нонче отборная „матка“ будетъ-съ?..“

— „Валяй. Андрей Семенычъ какъ, завтракалъ?“

— „Ужъ откушали. Въ угловомъ сидятъ за ведеркой, съ дамой“.

— „Да бургундеріи дашь, т о и, прежней выписки. Съ прежней своей?“

— „Съ незнакомой нонче-съ, пофасонистѣй прежней будутъ. Холостые, что же-съ!“

— „Попомъ бы тебя — всѣмъ бы отпускалъ!“

— „Чужая душа — потемки, Василій Николаичъ, а по деньгамъ и грѣхъ. Тамъ разберутъ-съ. А бургундеріи какъ прикажете... къ отбивной-съ, или рябчики есть первѣйшіе-съ?..“

„Вотъ онъ, россійскій воздухъ... „бургундерія“...— слушаю, думалъ Кочинъ, и ему захотѣлось и солянки, и

„бургундеріи“, и подогрѣтой копчущечки.— „Неспѣшка, и простота, и... чортъ его знаетъ что!“

Растрогалъ и извозчикъ — знакомымъ, давнимъ:

— Ба-ринъ, а со мной-то давеча обѣщались... на сѣромъ-то...

— На Рязанскій, да поживѣй!

— Духомъ помчу. Двугривенничекъ прибавьте...

* * *

... — Вол-га?.. — чувствуя въ словѣ ласку, спросилъ Кочинъ кого-то, стоявшаго на площадкѣ въ сумеркахъ, показывая въ мутную, бѣловатую ровень дали.

— Она-матушка... — отвѣтилъ ласковый говорокъ. — Зашумливаетъ никакъ. Ай вы не здѣшній? Не бывали въ нашихъ мѣстахъ...

— Са-мый здѣшній, самарскій! — отозвался дрогнувшимъ говоркомъ и Кочинъ. — Какъ не знать!.. Сколько годовъ не видалъ!.. — выговорилъ онъ мягко и почувствовалъ ласку слова: сказалъ — „годовъ“.

— Стало быть, земляки мы съ вами. По вашему разговору слышу. Она-матушка, она... тянется-просыпается, на работку подымается!..

Пахнуло такимъ роднымъ, что отъ радости духъ занялся. И Кочинъ подумалъ вслухъ:

— А вотъ французъ такъ никогда не скажетъ! Нѣтъ такой тихой шири...

— И никакъ и не можетъ быть съ... — отозвался ласковый говорокъ. — Потому — Волга называется. А я.. такъ вотъ гляжу на васъ давеча и думаю: съ лица — словно и нашъ, а по разговору-то... вы съ барышней-то, будто, по-французски говорить изволили?..

Кочинъ призналъ старика въ лисьей шубѣ, сосѣда по вагону, и, подхваченный ширью, крикнулъ:

— Са-мый что ни есть русскій! съ Заволжья русскій!..

— Такъ, такъ... очень хорошо-съ. Всѣ мы тутъ настоящіе, древней кости, правильные... — ласково по-смѣялся собесѣдникъ. — Давно не бывали здѣсь, сказали-съ? По службѣ на сторонѣ жить изволили?

— На чужой сторонѣ жилъ, въ Бельгіи да во Франціи... съ девятьсотъ второго, двѣ-над-цать лѣтъ. Бельгійцевъ и французовъ въ политехникумѣ училъ... а этого — не изжилъ!..

И крѣпко ударилъ въ грудь.

— Никакъ и не можетъ быть-съ иначе. Россія... она тягу свою имѣетъ, вродѣ какъ пламень! Воздуху у насъ много.

Кочинъ подумалъ: многому надо было сломаться въ жизни, чтобы почувствовать эту тягу — пламень.

— А дозвольте узнать фамилію-съ... съ какихъ мѣ-стовъ?

— Кочинъ, Иванъ Александровичъ, съ...

— Ко-чинъ?!.. Да не сынокъ ли вы будете Алек-сандра-то Парменыча? Конскіе у него заводы въ...?

— Вы отца знаете?! — радостно вскрикнулъ Ко-чинъ.

— Да какъ же не знать-то... Господи!.. Да вѣдь Александра-то Парменычъ дочку мою крестилъ, Але-нушку. Господи, да я-то вѣдь васъ какъ знаю... студен-томъ, бывало, какъ отмахивали-то на „Борчикъ“!.. Ан-тропа Столбина-то ужли не помните?!.. У папеньки по-купалъ лошадокъ... старые друзья-пріятели съ нимъ!

— Такъ вы Антропъ... Антропъ Кондратьичъ?! — воскликнулъ Кочинъ, — съ дѣвочкой пріѣзжали къ намъ!.. Бѣленькая такая... съ отцомъ спорили всегда о статьяхъ... знаменитый конятникъ?!.. Изъ-за кобылки у васъ еще ссора вышла...

— Изъ-за его „Ягодки“ знаменитой... Помните-съ! Да Господи... какъ я вамъ радъ-то, родной вы, прямо!.. — воскликнулъ, чуть не въ слезахъ, старикъ и полѣзъ цѣловаться съ Кочинимъ. — Ми-лостивый Господь!..

Стали большой ученый, слыхалъ, какъ же-съ... Папашенька-то, слышали, прихворнулъ... съ полгода я въ вашихъ краяхъ то не былъ, а дѣла дѣлаемъ. Да заѣзжайте ко мнѣ, старику... на Московской, собственный домъ, съ балкономъ, а садъ на Волгу... большущій у меня садъ, въ пять десятинъ... Столбина всякій мальчишка знаетъ... Да какъ я радъ-то, — прямо душа почувяла своего. Сижу, слушаю разговоръ, приглядываюсь... — ну, что-то знакомое! въ лицѣ у васъ такое, какъ у папашеньки, когда помоложе былъ... Ахъ, Господи!.. Надолго къ намъ-то изволите?..

— Надолго? Навсегда, Антропъ Кондратьевичъ... навсегда!

— Вотъ это хорошо-съ! вотъ это славно-съ!..

* * *

Въ самый зачинъ весны, когда все поплыло, забурлило и зажурчало, дотащился Кочинъ до уѣзднаго городка. До усадьбы оставалось еще верстъ сорокъ.

Какъ и раньше, когда гимназистомъ пріѣзжалъ на Пасху, рѣшил онъ переночевать и, напившись въ трактирѣ чаю, вышелъ на торговую площадъ.

Было все то же — сутолока и грязь, снѣговая мура, навозъ, съ бурой водой колдобины, шлепающія ноги... — и сыпучій, немолчный гамъ мелочного торга. Но какъ все это переливалось въ его душѣ! Что за крылья!? Откуда пѣсни въ душѣ, и хочется сладко плакать, и итти, и итти бездумно, по вешней водѣ въ просторы..

Лихіе пѣтушійные голоса, кобылы зовы, грызъ жеребцовъ и ржанье горячей крови, воробьиная гомозня въ пригрѣвахъ... — все куда-то зоветъ, поталкиваетъ и щекочетъ, и пробираетъ въ душевной глыби. А воздухъ! Нигдѣ неповторимый,—густой и топкій, и тонкій-тонкій, неуловимо!..

Главы собора, раздавшіяся въ небѣ синюю, смѣялись — звали золочеными звѣздами и крестами въ сквозныхъ цѣпяхъ, легкихъ, изъ золотого воздуха. Зѣвали лари на растопленной солнцемъ грязи, по-дѣтски казали сказочные цвѣта розановъ, пасхально-пышныхъ, — желтыхъ, лиловыхъ, алыхъ, — пушисто-шумныхъ, когда заиграетъ вѣтромъ. Цѣпочки розочекъ-мелкоты шептали свое — купи! Образочки угодничковъ сіяли цвѣтной фольгою, смѣялись на тепломъ солнцѣ: „а вотъ и мы... все тѣ же, старенькіе, ласковые... здравствуй, родной... вернулся!..“ Молодостью сіяли колпачки пасочницъ, изъ липки. Короба-брюхи пестраго токаря съ лѣсовъ, вѣчной забавы дѣтской, — свистульки, кубарики, бирюльки, — кричали яркими голосками — помнишь?!.. А вотъ и они, любимые, — семейки колокольцовъ валдайскихъ, колокольцовъ дорожныхъ, зудливо-звонко позванивающихъ по Руси, —

Ку-пи-де... ку-пи-де...
 Ку-пи-денегъ... ку-пи-денегъ...
 Ку-пи-денегъ-не-жалѣй...
 Со-мнои-ѣздить-веселѣй!..

И онъ купилъ одинъ, ему совсѣмъ ненужный.

Этотъ колоколѣцъ напомнилъ родное бездорожье, ночлеги, неурочныя стоянки и уносящее духъ — ухххты-ы...ать!.. — когда лошади вдругъ подхватятъ и помчатъ-понесутъ куда-то, — подъ гору-ли, въ оврагъ-ли, въ омутъ-ли, на луга... — кто тамъ знаетъ!..

Во всемъ было близкое и свое, приживившееся такъ къ сердцу, что никакими силами оторвать не можно... а оторвалъ если, — только съ кровью.

Бородатыя лица мужиковъ, подъ мохнатыми шапками, были неизмѣнно тѣ же, тесанья на вѣки-вѣчныя. Ясны были бойкіе бабьи глаза, свѣтлые со свѣтлаго неба русскаго, какъ бываетъ свѣтла вода на лѣсныхъ

прогалахъ. И вѣчно-весенни — дѣвичьи, въ тревожной весенней дымкѣ, — пытливые, пугливо-ищущіе судьбы. Вспомнились странные глаза „дѣвушки изъ кафе“, въ Остэндэ, звавшіе за собой... — не тѣ! Вспомнились обманувшіе глаза Ивонны, жены-не-жены, оставленной далеко, въ Ліонѣ... — не тѣ, не тѣ! Вспомнились... ручьиые глаза Тани, сѣро-розовые отъ пряниковъ, что покупалъ онъ въ Сладкихъ Рядахъ, — изъ Вязьмы, Торжка и Тулы: самые тѣ глаза! Разсыпаны эти пряники и глаза — по всей Россіи...

Глядѣли глаза—играли: на развѣшанное по шестамъ цвѣтастое лоскутье, на глазастые платки-пятна, на кованыя въ жестъ укладки-приданое, на подбитыя полосатымъ тикомъ точенія люльки пестрыя — качалки будущаго наплода, качающія вѣтеръ...

Вороха рухляди, ряды бѣлыхъ кадушекъ, полныхъ сверканьемъ новаго творога, сметаны, сочнаго масла русскаго, въ золотистой крупкѣ: выломы сотъ янтарныхъ, клейко текущихъ солнцемъ, съ лѣсовъ приволжскихъ...—все кричало ему изъ дѣтства: здравствуй! Окоренки съ розсыпями яицъ пасхальныхъ—луковыхъ, красныхъ, синихъ, — свѣтло кричали ему: Воскресе!

Безмятежно баюкающая, какъ колыбельная пѣсенка, дѣтская радость-счастье — плескалась и пѣла въ немъ. И теперь казалась ему не важнымъ, какъ устраивать жизнь свою. Это казалось важнымъ на чужбинѣ, гдѣ прямыя дороги, заборчики и канавки... А здѣсь, въ бездорожной хляби, — было совсѣмъ не важно: вольешься — и вотъ, не страшно! Устала его душа отъ многолѣтняго на-чеку, а здѣсь — все разливно-мягко, все льется-льется въ невѣдомыя глазу формы, все ищетъ мѣста, какъ этотъ пływучій снѣгъ, вливающійся неслышно въ землю.

Онъ купилъ много ненужнаго: и цвѣтовъ, и платковъ, и меду; и длинныхъ-длинныхъ пироговъ-лодокъ волжскихъ, съ запечеными въ нихъ кусищами рыбы-

сомовины, жирно-сладкой, — вкусныхъ въ бродяжномъ дѣтствѣ; и радостной, еще мерзлой клюквы, укрытой подъ соломкой, — гремучаго краснаго гороху; и каленыхъ орѣховъ жигулевскихъ, и... — вотъ они самые! — розовыхъ пряниковъ на меду, что покупалъ, бывало, у ручьиисто-глазастой Тани...

Онъ терся съ родной толпой, вбирая дыханія овчины, крашенины, коровьяго масла, дегтя... — запахи духоты и воли, земли и снѣга, грязи и солнца русскаго, въ гулъ толпы весенней. Трепетно-сладко слушалъ давно неслыханную пѣвучую рѣчь родную, крѣпко и кругло бьющую, сыплющую зубоскальствомъ смѣхомъ, по которой тосковалъ не чуя, которая нужна, какъ ласка, какъ родное сердце, что гдѣ-то тутъ и для него бьется...

Онъ вернулся на постоялку, гдѣ пріятно-знакомо пахло постными щами со сметками, гдѣ разверченный молодецъ лихо накрылъ ему столъ салфеткой, съ запекшимися на ней рыбьими костями и солянкой, и съ трескомъ поставилъ грязноглазую перечницу-акульку. Но даже и эта грязь показалась ему, требовательному въ отеляхъ Брюсселя и Парижа, совсѣмъ законной: на всемъ стояло клеймо — твое!

* * *

Ранней зарей, — еще не перелопались и не затекли лужи, подъ постный колоколокъ къ заутренѣ, съ хрустомъ выѣхали изъ городка на розвальняхъ, на парѣ лохматыхъ лошадокъ, въ веревочной упряжкѣ, съ круглолицымъ парнемъ, высвистывавшимъ скворчиное. И потянуло-поволокло его, мотая и колыхая, роняя въ ямины, выдирая на взлобья, — понесло по роднымъ просторамъ, подъ пѣсни жаворонковъ, подъ журчливую воркотню потоковъ, подъ скворчиную дробь и свистъ. Верба золотисто пушилась по рѣчушкамъ, смѣялась пуховками-вербешками на покраснѣвшихъ ножкахъ.

— А что, здорово разлилась Ворюга? — спросил онъ парня.

— Шумить словно... — бездумно отвѣтил парень, насвистывая скворчиное. — Надо-быть, разлилась. Пожалуй, и мостъ снясла!..

— Тогда... какъ же?

— Ды-ть... надо-быть, проѣдемъ. Въ полѣ, што-ль, ночевать будемъ! Должны проѣхать... иначе, какъ-жа!..

Бездумно говорилъ парень и свисталь безопасно.

И Кочину, аккуратно-точному тамъ, здѣсь казалось совсѣмъ простымъ—какимъ-то невѣдомымъ для него путемъ перебраться въ саняхъ черезъ разлившуюся на версты Ворюгу. И онъ повторилъ бездумно:

— Должны проѣхать... Иначе — какъ-же?..

— Обязательно должны проѣхать. Какъ-такъ, не проѣхать!..

И встрѣчный мужикъ, неожиданно выплывшій въ саняхъ-лодкѣ изъ-за пригорка, отозвался на окликъ:

— Сня-сла... какъ-жа! На энтогъ... На Кривой Хуторъ лучше!.. Слышь, ты!.. На Шеремѣтку, гляди, трафься... а то заливать шибко!

— Да у Шеремѣтки, ну-ка, плотину, поди, прорвало?!..

— Прорвало! Слышь, ты!.. На Шеремѣтку лучше не подавайся!.. Слы-шь!? Бери прямо на... Старую Сторожку, а тамъ... правѣй заводской трубы! Прямо, лу-пи...!

— Слышь!.. чутокъ лѣвѣй, смотри... лѣвѣй трубы то забирай лучше... на Барашково прямо выправишься!.. Тамъ, надо-быть, суконщики ужъ поромъ пустили!.. Прямо, стегай и стегай на трубу!..

— Вотъ ты его и пойми, далмата! — сказалъ парень, выглядывая по дали. — Вотъ что... Лучше я тебя на Костино поверну... а тамъ достигнемъ чего-нибудь. Я ужъ теперь все знаю. Лѣсъ тутъ у насъ свалили, ну... дороги-то все и путаемъ. А то прямо бы на лѣсъ, и безъ хлопотъ!..

А, пускай... Можно и на Костино, и на Барашково, и на трубу можно, — не уйдутъ со своего мѣста. Можетъ, и поромъ наладятъ. И въ полѣ ночевать можно...

И опять заплескала и закачала, втягивала въ себя, парила вешнимъ дыханьемъ даль — манила.

Глядѣлъ на нее Кочинъ — синѣло-голубѣло; глядѣлъ на солнечныя вербешки, на долгія лужи-стекла, — и чуялось въ разливающимся весеннемъ днѣ, въ плескахъ и шорохахъ, что гдѣ-то здѣсь бьется и для него никогда не стихающее родное сердце.

1920-1930 г.г.

ВЕСЕЛЫЙ ВѢТЕРЬ

(«ВЕРБА»)

Утромъ бѣлѣлъ на лужахъ сквозной ледокъ, а теперь, за полдень, бѣгутъ ручьи, нѣжата на солнышкѣ собаки и полощутся бойко воробьи. Вѣтеръ — „вскрышной“, тугой, сыровато-теплый. Потянетъ, рванетъ порой: бойкій, весенній вѣтеръ. Прислушаешься — шумить-смѣется. И небо — въ вѣтрѣ: сквозное-голубое, за золотистыми прутьями тополей. Тепло, и свѣжесть. И въ свѣжести этой — струйки: отъ тающаго снѣга, отъ потеплѣвшей земли и крышъ, отъ бьющихся въ вѣтрѣ прутьевъ, которые посочнѣли и сіяютъ? отъ вѣтра, пронесшагося полями и лѣсами?.. И голубыми, какъ будто, пахнетъ... томною воркотнею ихъ, — чуется молодому сердцу, — и теплой сыростью погребовъ, запоздавшихъ съ набивкою, и помягчѣвшимъ льдомъ, зелеными-голубыми глыбами, съ грохотомъ рухающимися въ темные зѣвы лавокъ. Весна... Она засматриваетъ въ глаза разрумяненными „жаворонками“ и бѣлыми колпачками пасокъ въ бумажныхъ розанахъ, киваетъ съ телѣги веселой вербой — красноватыми прутьями и сѣренькими вербешками, золотится крестами въ небѣ, кричитъ въ голосахъ разносчиковъ.

Пятиклассникъ Одея — если бы его звали: Георгій или Викторъ, что значитъ — „Побѣдитель!“ — а то все — „ахъ, ты, Одея, сѣлѣ медвѣдя!“ — сегодня со всѣмъ весенній: купленная для Пасхи легонькая фуражка,

съ широкою, модною, тульею и съ настоящимъ „гвардейскимъ“ кантомъ, весенняя шинелька, вынутая сегодня изъ сундука и пахнувшая невыносимо нафталиномъ, — къ четыремъ-то, пожалуй, выдохнется! — сіяющія новыя калоши и кремовый шелковистый шарфикъ. Шарфикъ дѣлаетъ очень интереснымъ. Въ новенькомъ портмонѣ — 1 р. 85 к., вырученныхъ вчера у букиниста за „Собраніе Сочиненій Загоскина“ въ роскошномъ переплетѣ. Но самое главное — „ровно въ 4, по Спасской Башнѣ!“ На „Вербѣ“, подъ самой стѣной Кремля, гдѣ съ возковъ продается верба, условлена у нихъ встрѣча съ Ниной. Дивное какое имя!..

„Женщины гораздо находчивѣе мужчинъ!“ — взволнованный близкимъ счастьемъ, мечтаетъ Одея, проходя мимо Иверской въ ворота, гдѣ горластые молодцы орутъ — „а вотъ, съ морскимъ, ярославскимъ-костромскимъ!“ — а старушки курятъ „монашками“ на жестянкахъ и призываютъ сладко: „возьмите благодѣтели-кормильцы, для духовнаго воздуха“... — „Вотъ Ниночка-милочка!.. — „Какъ на Спасской Башнѣ пробьетъ 4, буду въ вербахъ!“ — А то бы и не найти, миллионъ народу!..“

А надъ миллиономъ народа, надъ залитою дочерна великою Красной Площадью, на которой, покачиваясь, ходятъ грозди красныхъ и голубыхъ шаровъ, и незыблемо возвышаются подъ „Мининымъ“ сѣрыя спины и синія шапки съ султанчиками молодцовъ-жандармовъ, — стрѣльчатая, увѣнчанная золотымъ орломъ „Спасская“ указываетъ на черномъ великомъ кругѣ золотую стрѣлю — 3.

Одея — въ толпѣ, и его оглушаетъ и гоготомъ, и пискомъ, и щелканьемъ, и трескомъ, и свистомъ ревомъ, всѣмъ миллионнымъ гуломъ народной „Вербы“. Сверкаетъ и плещетъ въ вѣтрѣ, пестритъ и колетъ — бумажными цвѣтами, вязками розочекъ иконныхъ, пузатыми кувшинами съ лимонаднымъ морсомъ, стекломъ и глазастой жестью, сусалью и подвѣсками, качающимися

лампадками на пѣпочкахъ, золотомъ-серебромъ на солнцѣ, ризами и цвѣтными поясками, пущенными воздушными шарами, яркими лоскутами... — звонкою пестротою торга. Кружитьъ глаза и уши — „летающими колбасами“ съ визгомъ, „тещиными языками“ съ пискомъ, издыхающими чертями, свинками, русскими пѣтушками, „мекриканскими“ яблочками на резинкахъ, трескучими троицкими кузнецами, дудками и барабанчиками, пистолетиками, свистульками, шелкунами, ревушими медвѣдями, бякающими барашками со скрипомъ, барабанною дробью зайчиковъ...

Многоглавый и весь расписной „Блаженный“ цвѣтетъ на солнцѣ, надъ громкимъ и пестрымъ торгомъ, — пупырями и завитками, кокошничками и колобками цвѣтныхъ куполовъ своихъ, — главный хозяинъ Праздника. Глазѣютъ-пучатся веселые купола его, сіяютъ мягко кресты надъ ними, и голубиныя стаи округъ Него. Связки шаровъ веселыхъ вытягиваются къ Нему по вѣтру. А строгіе купола соборовъ изъ-за зубчатыхъ кремлевскихъ стѣнъ, въ сторонѣ отъ крикливой жизни, не играя старинной позолотой, — милостиво взираютъ на забаву.

Взглядываютъ на нихъ отъ торга — и вспоминаютъ: Пасха! И на душѣ теплѣетъ.

А „Спасская“ выбиваетъ переливомъ третью четверть.

„Пора къ вербамъ!..“ — спохватывается Федя, и у него замираетъ сердце.

Онъ представляетъ себѣ тоненькую фигурку Нины, съ длинными темными косами, милое личико, нѣжное, снѣжно-восковое, маленькій ротикъ-губки, жемчужно бѣлѣющіе зубки, остро закинутыя брови и быстрые синеватые глаза, умные-умные, отъ которыхъ онъ все робѣетъ, не въ силахъ оторваться. Онъ видитъ даже, какъ встряхиваетъ она головкой, и косы ея летаютъ,

какъ она чуть косится, оглядывая себя и щурясь. Какой уже разъ онъ вспоминаетъ:

„Сама спросила... „вы будете на вербѣ?“ — и первая же сказала, что непременно будетъ... „Въ 4... непременно!“ О, чудная, неземная... Ни-на!..“

Онъ медленно подвигается въ толкучкѣ, и все вокругъ — будто, неземное.

Пышныя, небывающія, розы протягиваютъ ему букеты, играютъ въ вѣтрѣ, киваютъ ему совсюду, — съ проволочекъ, съ палатокъ, съ вышекъ, — чудятся изъ чудесной сказки. Колышашіяся связки шаровъ гибко вытягиваются къ небу, и онъ неотрывно смотритъ, какъ оторвавшійся красный шарикъ тянетъ къ „Блаженному“ по вѣтру, стучается-ползетъ подъ куполь, трется по завитку, какъ клюковка, и вотъ уже у креста, и вотъ уже надъ крестомъ, дѣлается все меньше, меньше... — кружится даже голова.

— Животрепящія бабочки!.. А-вотъ, съ животрепящими-та-а!..

Мальчишка — съ пестрымъ щиткомъ товаровъ. Кричитъ до того пронзительно, словно у него въ глоткѣ дудка.

Радуютъ глаза блескомъ трепещущія яркія бабочки, — вспоминается почему-то Нина, — разноцвѣтныя, мягкія обезьянки изъ синели, такія милыя. Ѳедя покупаетъ себѣ и Нинѣ — и обезьянокъ, и бабочекъ, и накалываетъ, какъ и всѣ, на грудь.

— Па-слѣдній чижъ... па-слѣдній чижъ!.. Купите чи-жа-секлетаря!.. — размахиваетъ чижомъ въ клѣткѣ дѣтина въ фартукѣ, съ зеленой обезьяной на картузѣ.

— Чудо XX-го вѣка... самопоющіе водяные соловьи!.. Чу-до XX-го вѣка... чуввиль-чуввильлль... трррр..

— Ка-му жука..? самые мериканскіе жучки!.. Безъ ключа — безъ заводу, ор-ловскіе по ходу! Барыня, дозвольте жучка перекомендовать!..

— Ело-зющии му-хи... мму-хи елозющии!.. Купите

мушку для удовольствія!.. Му-хи еловьи, му-хи, мму-хи!..

— Самый-то брунеть, руку къ сердцу прижимаетъ!.. Ба-рышня, ба-рышня... даромъ отдамъ, только поглядите! Въ трубочкѣ ходитъ-прыгаетъ, ножкой дрыгаетъ, семь годовъ картошку копаль, на десятый въ баночку попалъ!

— Пѣтушки-пѣтушки, бьющіе пѣтушки! Баринъ, обратите такое ваше вниманіе — до чего яры!.. А-йя съ пѣтушками, съ гребешками!..

— Рыбки золотыя... рры-бки, рры бки живыя-золотыя!..

Золотая стрѣла на „Спасской“ — прямо. Четыре перезвона. Подождали... — и вотъ, четыре вязкихъ, какъ по старому чугуну, удара сонно упали въ гомонъ.

— Страшныя муки загробной жизни! видѣніе афонскаго монаха Діонисія въ аду... съ приложеніемъ фотографіи!..

— Па-слѣдній чижъ... па-слѣдній!..

— А ввотъ, съ Пуришке-вичемъ!.. Ко-му Пуришке-вича продамъ?..

— Покажи-ка Пуришкевича...

— Паж-жалуйте-сь, самый шустрый... Приказали бы ужъ парочку бы, баринъ!.. Морскіе-е жители! самые разживые, голубые, хвостъ шиломъ-петелькой!..

— Ши-ляпина продаю... Ши-ляпина! Не скворецъ, а... Ба-рыня, вѣрьте божецкому слову... себѣ двугривенный!..

— Небьющіи куколки секретъ! Извольте-сь, мордой объ морду бейте... Да-а, вамъ бы еще кирпичомъ ее!.. Васъ бы вотъ такъ стуканули объ чево!.. Небьющіи куколки-секретъ!..

— ...на построение Храма Божія... Въ селѣ Замости, Мещовскаго уѣзду, Калужской губерніи... на пятое число октября... Божимъ напущеніемъ... стихейный пожаръ-бѣдствіе испепелилъ... равноапостольнаго...

— Самый злющій тещинъ языкъ, съ жа-ломъ!

Шипить-свистить, на кончикѣ-то, гляньте... пистолетъ! Злющая была, вчерась только сдохла-померла!..

— Издыхающіи свинки! Барыня, издыхающая свинка!.. Ло-пну-ла..! Барыня моя ло-пнула..!

— Вонъ, вонъ... шары!.. Да вонъ, вѣтромъ сорвало..! Да вонъ, на кумпаль-то понесло... шары! Обошли..?! По-шли! Цѣльная вязка пошла... капиталу сколько! Мальчишки срѣзали, болѣ тыщи шаровъ!..

Вѣтеръ ерошитъ розы, треплетъ на вышкахъ перья, пузатить-трясетъ палатки, хлещетъ цвѣтами въ лица. Веселый вѣтеръ! Щелкаютъ кумачи и ситцы, качаются лампадки, плещутся золотыя рыбки, играютъ „зайчики“...

— Му-хи, м-мухи!.. елозющіи мухи!.. мухи елозющіи...! му-хи, му-хи!..

— Ай вѣ-теръ-вѣтрило, не дуй минѣ въ рыло; а дуй минѣ..!

Оедѣ и весело, и больно: пробиться трудно, а ужъ семь минутъ 5-го! Какъ же не разсчиталь?.. Нина ужъ тамъ, конечно...

За иконнымъ рядомъ, въ фольгѣ и блескѣ, съ летающими по вѣтру розочками на привязи, шествуютъ, возносясь на палкахъ, колко сіяющія клѣточки изъ жести, въ кольчикахъ, съ легкими золотыми канарейками.

— Самыя-то Жарь-Птицы! Мамаша, купите дитѣ вѣчную канареечку-Жарь-Птицу!.. Ни пьетъ, ни клюетъ, только пѣсенки поетъ!..

Оедѣ мелькаетъ дѣтство, первая вербочка, золотой лучъ солнца, и въ немъ — воздушная восковая канарейка, первая радость жизни. Позваниваютъ клѣтки на вѣтеркѣ, мечутся „канарейки“, сверкаетъ жесть.

А вотъ и вербы. Онѣ въ возкахъ. Держатся подъ стѣной неслышно, не путаются въ торгѣ. Красноватыя заросли, въ плюшево-сѣрыхъ мушкахъ, тянутся, что кусты на поймѣ. Сидятъ мужики въ кустахъ. Лошадиныя головы кротко дремлютъ. Стѣна за ними, подъ нею снѣгъ: несетъ холодкомъ полей. Сколько вѣковъ —

надъ ними, за ними, — дремлютъ! Мужики — въ охабняхъ, въ полушубкахъ, съ широкими откидными воротниками, въ дремучихъ шапкахъ, — исконная Россія.

Өдю волнуеъ сладко: гдѣ-то тутъ Нина, смотритъ. Онъ поправляетъ фуражку и принимаетъ серьезный видъ.

— Хрѣнку-то бы взялъ, родимый!

Отжатые шумнымъ торгомъ, топчутся на грязи съ корявыми пучками, — слабѣющая старость.

— Вашъ степенство!.. Самая святая верба, съ-подъ Нова-Русалима!..

— Не вѣрьте... — сипитъ сбоку красноносая фигура съ оборванными карманами, съ ворохомъ длинныхъ прутьевъ въ зеленомъ пухѣ, — обратите самое серьезное вниманіе!.. Передъ вами не кто, а бывший чиновникъ консисторіи, занимаюсь вербой! Глядите научный сортъ, по Кормчей Книгѣ! Какой составъ?.. У нихъ прутьё, а у меня въ мохнатку!.. Э-та не в-верба?! Самая вайя, на церковно-славянскомъ языкѣ!..

— Въ Лександровскомъ Саду сейчасъ наломалъ, сторожа погнали!..

— Ольха-а?!.. И вы можете повторить клевету?! Разъ это вайя священная! Можете покупать, можете... но только имѣйте въ виду, для таинства недѣйствительно!..

Боже, но гдѣ же Нина?!..

— Вотъ... ужъ хотѣла итти домой!.. — радостно, но съ укоромъ, восклицаетъ за вербой Нина. — Купила... хотите, подѣлюсь?..

Онъ, прямо, очарованъ, не можетъ найти слова. Нина совсѣмъ необыкновенная, среди вербъ, въ новой весенней кофточкѣ. Ужасно идетъ къ ней синее, и розовый бантъ на шейкѣ, и синяя шляпка съ широкими полями, совсѣмъ назадъ, съ крылышками, какъ у Гермеса... Похожа... на итальянку?.. Совсѣмъ, какъ Кавальери!..

Она счастлива, понимая его восторгъ. Она отдѣляетъ ему пучочекъ. Краснѣя и волнуясь, Одея прикалываетъ ей бабочку и розовую обезьянку.

— Ну, какая же она миленькая, прелесть!.. — восторжено шепчетъ Нина и даже цѣлуетъ обезьянку.

— Будемъ ходить?.. — почему-то робѣя, говоритъ Одея, не вѣря счастью. — Такъ тамъ ужасно весело!.. Только крѣпче держаться за руки, а то разобьютъ!..

Радостная дрожь въ немъ. Нина, какъ-будто, выше. Новые башмачки, и безъ калошъ!

— Ни-на, вы же ноги промочите... ужасная грязь и лужи! — съ ужасомъ шепчетъ онъ, оглядывая смущенно бурья свои калоши.

— Могу по камушкамъ, пустяки!.. Купила обувь... — показываетъ она носочекъ, уже запачканный, — и не могла подобрать калошъ, такая маленькая нога!..

Онъ готовъ опуститься передъ ней въ лужу, съ плавающими вербочками и рванымъ „тещинымъ языкомъ“, и взять осторожно въ руки эту восхитительную ножку.

Они крѣпко берутся за руки и сливаются съ гулкимъ моремъ.

— Мыши заводныя, мы-ши, мы-ши! Мы-ши самыя заводныя, живыя мыши!.. Мы-ши живыя-заводныя!..

— Самотреща-щіе барабаны!.. трещащій барабанъ!.. Барышня, поддержите... самотреща-щіе барабаны!..

— А вотъ, самыя длисированныя лигушки! Ко-му продамъ, самыя длисированныя лигушечки!.. Барышня, глядите, — сама елозить!..

— Вѣ-чное стеклянное перо! Самопищее перо, вѣ-чное!..

— Спички съ мышью, тайная коробка для знакомыхъ! Желаете, парижскій секретъ?.. потише отойдемте, выскакиваетъ воспрещенная цензура!..

— Господинъ гимназистъ, желаете... полнографію приобрѣсти, рѣдкое изданіе?.. — сыплется воровато-ба-

систый шопоть. — Полное собраніе сочиненій господина Баркова, любимаго поэта Пушкина, „Горе отъ ума“?... Ррѣдкій случай, полное собраніе сочиненій...

— Барышня, купите про любовь! „Любовь за гробомъ“, или драматическій романъ въ трехъ частяхъ двугривенный! „Черная Галка“, веселый народный пѣсельникъ, пять копѣекъ!..

— Китайскій физическій секретъ, магическая фотографія, химическимъ нагрѣвомъ открывается сюжетъ! Вѣрьте, господинъ, Богу, безо всякаго обману, монахъ въ секретномъ помѣщеніи, штука двадцать копѣекъ! Химическимъ нагрѣвомъ раскрывается сюжетъ, увлекающій научный опытъ!..

— Са-мые знаменитые садисты любви, маркизь Садъ. Самые зна...

— Которые сады сажаютъ?

— Пожалуйста проходите безъ любопытства! Са-мые знаменитые...

— Всемирные анекдоты про Суворова, шута-Балакирева, Наполеона, Лександру Македонскаго, баснописца Крылова и проч!.. Гир-рои-куртизаны, фавориты и всемирные анекдоты про Суворова, шута Ба...

— Натурально-японскія розовыя мыши, шесть гривенъ пара, можетъ разводиться въ цвѣтномъ горшкѣ на пидисталѣ, украшеніе гостинной! Розовыя мыши, рѣдкій сортъ, можетъ разводить ручнымъ способомъ...

— Моментальная электрическая вакса „Молнія“, безъ натуру!..

— Камень-стеклорѣзь, точить-рѣжетъ-полируетъ-сверлитъ замѣсто драгоценнаго алмаза, незамѣнимое средство для путешествія за полтинникъ! Гордость русскаго ума! магическій камень-саморѣзь замѣсто драгоценнаго алмаза за полтинникъ...

— ... въ селѣ Боры, Гороховецкаго уѣзда, неисповѣдимымъ Божіимъ гнѣвомъ... съ градомъ попалило до основанія... Петра и Павла...

— Вѣчная свѣча, горитъ нескороаемо безъ хлопотъ!
Вѣвѣчная...

— Па-слѣдній чижъ! па-слѣдній чижъ! Ку пите чижа-секлетаря!..

Рука съ рукой, Нина и Федя идутъ въ весеннемъ очарованіи, въ гикѣ-свистѣ, въ немолчномъ трескѣ сыпучей, бойкой, смѣшливой народной рѣчи. Струится по ихъ глазамъ, смѣется и уплываетъ, какъ эти шары по вѣтру. Все имъ смѣшно и ново. Ловятъ глаза другъ друга, и говорятъ глазами: какое счастье! Веселый вѣтеръ срываетъ фуражку съ Феде, сбиваетъ на Нинѣ шляпку, — и это радость! Качаетъ шесты въ гирляндахъ, бѣшено вертитъ „мельнички“, кокаетъ пасхальныя яички на подвѣскахъ. Какая розсыпь! Сахарныя, синелевыя, сусальныя, съ херувимчиками — „хотьковскія“, шоколадныя, плюшевыя, картонныя, фарфоровыя, хрустальныя, глиняныя, живыя...

— Вкладывающія яйца, дюжина въ одной! Лекоръ красоты, кустарей Троицкаго Посаду, заграничныя медали! Пунцовыя вкладывающія!..

— Вѣчная водяная панорама, тайны океана! Въ ночномъ освѣщеніи ефехтъ! Вѣчная панорама океана-чуда, наглядное показаніе!..

Любуются стеклянными шарами на подставкѣ, съ травками и стеклянной рыбкой въ голубоватомъ „морѣ“. Роются въ пестрой розсыпи токаря, совсѣмъ уже имъ ненужнаго, — въ кубарикахъ, рюмочкахъ, грибочкахъ; покупаютъ расцвѣтающіе въ водѣ японскіе цвѣточки; покупаютъ сбитаго монпансье, розовато-стеклянными комами разсыпаннаго по прилавкамъ съ кучами липкихъ финиковъ, шепталы, мушмалы, кишъ-миша, фисташекъ, рахатъ-лукума, халвы и заливныхъ орѣшковъ,—всякаго сладкаго товара, въ которомъ коряво роются волосатые пальцы высокаго желтолицаго перса въ бараньей камилавкѣ.

— Баришни-сладки-товарь... — блудливо мурлычить персь.

Они гуляют и сладко облизывают губы.

— Ахь... что за прелесть! — радостно восклицаеть Нина.

Голубочки изъ алебаstra! Они удивительно воздушны, нѣжны, какъ... сливочное мороженое! Лапки у нихъ, какъ изъ коралла. Носиками цѣлуются, нѣжные, снѣговые голубки!..

— Парочка восемь гривенъ. Чего-съ? Это обнаковенно-сѣрые, вѣрно-съ, за полтинникъ. А эти... виницианскіе, первые образцы скульптуръ! Въ городѣ три цѣлковыхъ отдадите!..

Чась тому эти самые стоили полтинникъ! Но какъ же торговаться?.. При Нинѣ неудобно.

— Это же безумно дорого! — шепчетъ Нина. — Зачѣмъ вамъ?!..

— Но это же шедевръ... произведение искусства!.. — шепчетъ смущенно Федея и видитъ съ грустью, что остается всего полтинникъ.

Онъ беретъ бережно голубковъ, отходитъ и говорить, волнуясь:

— Ниночка, это... на память о нашей... встрѣчѣ...

— Что за глупости... Федея!.. — съ радостной укоризной пробуетъ возражать Нина, грызя орѣшекъ и быстро облизывая губки. — Конечно, они красивы, но... какъ вамъ не стыдно!..

— Можно поставить на этажерочку, и... будетъ напоминать о нашей... „Вербъ“!..

— Ну... мерси... — шепчетъ она, не поднимая отъ голубковъ лица, — какія у ней рѣсницы!.. — и на щекахъ ея появляется румянецъ. — Впрочемъ... это насъ ни къ чему не обязываетъ, надѣюсь?

— Ммм... я, вообще!.. — спохватываясь и ежась, не находитъ отвѣта Федея, и сердце ему сжимаетъ. — Правда, они очень... стильные?

— То-есть, въ какомъ смыслѣ?..

— А ввотъ, съ животрепещущими-то!..

— Мальчикъ, мальчикъ!..

Нина выбираетъ на щитѣ самую уморительную обезьянку, съ перышками-букетцемъ въ лапкѣ, и даетъ храбро гривенникъ вмѣсто четвертака.

— А это вамъ отъ меня! — прикалываетъ она Оедѣ обезьянку.

— Отъ васъ... лучше бы самый простой цвѣточекъ! — вздыхаетъ онъ.

— Вы недо-вольны?!..

Черезъ минутку она выбираетъ крупнѣйшую голубую розу и прикалываетъ Оедѣ къ сердцу.

— Я безмѣрно счастливъ!.. — говоритъ онъ восторженно.

Золотая стрѣла показываетъ половину седьмого. Вереница нарядныхъ экипажей великаго вербнаго катанья начинаетъ понемногу разрываться. Въ толпѣ свободнѣй, и видно лужи, какъ шлепають. Но крики не слабѣютъ. Ревутъ изъ послѣднихъ силъ. Много силъ! Отъ весенняго воздуха, отъ будоражащаго все тѣло вѣтра, отъ Праздника, уже глядящаго изъ-за стѣнъ, отъ безшабашнаго гомона, дразнящаго молодое, какъ лязганье по тарелкѣ — птичку, отъ благовѣстовъ ко все-нощной, отъ силы великаго народа...

— Ахъ, надо ко всенощной!.. — спохватывается Нина. — Вербу обѣщала мамѣ!..

— Ну... еще, немножко!.. умоляю васъ!..

Стайки гимназистовъ кричатъ въ уши трещетками, „языками“, выпаливаютъ бомбочками съ конфетти, тычутъ орущихъ свинокъ. Чаше летятъ шары. По всему небу таетъ клюковками и голубыми бусинками. Много прижалось ихъ въ складкахъ по куполамъ „Блаженнаго“.

— А-а-а-а!!! На-ши!..

Встрѣча, гимназисты.

— „Ахъ, ты, Федея... съѣлъ медвѣдя!“...

Негодяй Калгашкинъ, живорыбникъ, болванъ-верзила. Расходятся, обмѣниваясь колкостями. Нина ведетъ себя, прямо, непозволительно: вся изломалась, покатывается, какъ въ истерикѣ. Давится даже:

— Ой... ха-ха-ха... „Фе...дя... съѣлъ ме... медвѣдя“!..
Какъ это некультурно!

— Глупая пошлость, а вы... рады?!.. — говорить рѣзко Федея.

Она взглядываетъ на него сквозь слезы, розовая вся, хочетъ что-то сказать — и прыскаетъ, перегибаясь чуть ли не до колѣнъ, роняя косы. Ужасно!.. Высокій, плотный, въ бобровомъ воротникѣ, въ цилиндрѣ, сося сигару, приостанавливается и смотритъ сверху на ея плечики и косы, на ея совсѣмъ дѣтскій, туго оттянутый бѣлый проборчикъ на затылкѣ и позволяетъ себѣ сказать о совсѣмъ незнакомой приличной дѣвушкѣ:

— Ахъ, какая чудесная дѣвчушка!

Федея вытягивается и кричитъ нахалу:

— Прошу безъ замѣчаній!..

— Тот-то-то-то-то-то!.. — передразниваетъ его наглець, окидывая съ фуражки и до калошъ нагло развратнымъ взглядомъ, — сальный альфонсъ, конечно! — и повторяетъ настойчиво:

— Ми-люсиньякая дѣвчу-рочка!..

Подчмокиваетъ даже!

Федея готовъ крикнуть ему — нахалъ! Но взлетаетъ передъ глазами клѣтка, и его оглушаетъ ревъ:

— Па-слѣдній чижъ! па-слѣдній чижъ!.. Купите чижа-секлетаря!..

Замѣтно тише. Повсюду — благовѣсть. Слабый багрянецъ на куполахъ, съ заката. Не отстаютъ сопливый, выклянчиваетъ купить послѣдній коробокъ спиць.

— Жлайте... Мсимъ-Го-рькова... па... слѣдняго продамъ?...

Пьяный, чуть на ногахъ, верзила въ загнутомъ фар-

тукъ, весь въ цвѣточкахъ, обезьянкахъ и бабочкахъ, съ „летучею колбасою“ на картузъ — султаномъ, разглядываетъ опустившагося на дно синяго „морского жителя“ въ трубочкѣ, яростно нажимаетъ въ пленочку — и смаху расшибаетъ объ мостовую.

— Взять!.. — пальцемъ городовому приставъ.

— Ваше... благородіе!.. да вѣдь... сдохъ вѣдь!..

Федя съ Ниной уже въ Воскресенскихъ Воротахъ.

Идутъ молча.

— Погодите... — трогаетъ за рукавъ Нина, беретъ свою розовую обезьянку и прикалываетъ на грудь Федѣ.

— Храните ее, всегда! — шепчетъ она значительно.

Какой золотистый вечеръ! Какія чудесныя „монашки“, курятся рубиновыми головками и понеземному пахнутъ! Какія золотистыя яблочки плещутся въ новенькихъ, золотистыхъ шайкахъ! Дочего румяны и вкусны „грѣшники“ на лоткѣ, и какое чудно-зеленое масло льется сонною струйкой въ сѣро-ноздристые ихъ надрѣзы!.. Обоимъ хочется „грѣшниковъ“, — и не могутъ сказать объ этомъ. Хочется и яблочковъ моченыхъ. Вспоминаютъ оба кислую, сочную мякоть ихъ и красныя зернышки въ сердечкѣ, которыя разгрызать такъ вкусно!

Въ остромъ, съ навозцемъ, воздухъ — холодокъ. Мелкія лужицы подергиваетъ морщинками. Подъ ногами шершавѣй стало: морозить въ вѣтрѣ.

— Ниночка... — говоритъ Федя нѣжно, вдыхая необыкновенный, напитанный счастьемъ воздухъ. — Хотите... моченыхъ яблоковъ?

— Н-нѣтъ... — кокетливо говоритъ она, встряхивая косами.—Знаете, лучше... пирожковъ съ яблоками!..

— Вѣрно!—радостно говоритъ онъ, тревожно щупая портмонэ. — Сейчасъ по Тверской, вначалѣ... Чуевъ будетъ!

Страшно хочется ѣсть обоимъ.

Почти бѣгутъ, сжимая другъ другу пальцы.

У Чуева не протолкаться. Столики заняты. Но можно стоя, гораздо интереснѣй. Стѣсняясь, обжигаясь, радостные, они глотаютъ пухлые пирожки, роняя яблочную кашицу себѣ на грудь, на плюшевую даму за столикомъ, на подбородки, обсасываютъ украдкой пальцы.

Идутъ, уже подь-ручку, Александровскимъ Садомя, въ сумеркахъ. Присаживаются, болтаютъ. Много такихъ же, — и все одни. Надъ ними уже звѣзды. Поверху пробѣгаетъ вѣтромъ, свиститъ и шуршитъ вѣтвями. Звѣзды горятъ, мигаютъ. Синяя ночь, весенняя.

На Каменномъ Мосту черно народомъ: ледъ пошелъ! Стоять у чугунной рѣшетки, смотреть. Шипитъ бѣлая каша, пѣнится, претъ-идетъ. Онъ прижимаетъ ея руку, и у обоихъ кружится голова.

— Смотри..! смотрите, ѣдемъ!.. Ѧдея... ѣдемъ!!.. — радостно вскрикиваетъ Нина, сжимая его руку.

Ѧдетъ и ѣдетъ мостъ, а рѣка недвижна. Ихъ унести неслышно, плавно, а все — стоитъ! Навстрѣчу вѣтеръ, веселый, бойкій, — только держи фуражку. Ѧдутъ, а все — на мѣстѣ. Направо, впереди, — смутная, подь мутно-золотымъ шлемомъ, громада Христа-Спасителя. Ѧдутъ, а онъ — на мѣстѣ! И онъ съ ними? И весь притихшій народъ, и тихіе огоньки по берегу, и домики съ клѣточками-огоньками, и невидныя, гдѣ-то тамъ, Воробьевы Горы, и позади — Кремль туманный, и вся Москва, и звѣзды въ дочерна-синемъ небѣ... Все подвигается тихо-плавно, — куда?..

Радостные, нѣмые, они отдаются вмѣстѣ этому дивному, уносящему ихъ теченію.

Идутъ молча. Пора. На углу надо разставаться.

— Нина, вы у Успенья говѣете?..

— Да, конечно... А вы?..

— Я... Пожалуй, и я тоже!..

— У насъ скоро служить, батюшка старенькій... Рукъ все не выцускають.

— Ахъ, итти... Скажу, что была... въ Казанскомъ Соборѣ? Тьлько вотъ... голубки-то?.. Подруга подарила! Оба тянутся за руки, смѣются тихо.

— Ну... ухожу! — первая говоритъ Нина и, встряхивая, вырываетъ руку.

Бойко обертывается, и косы ея летятъ, какъ на гигантскихъ шагахъ. Ѳедя готовъ побѣжать за ней, но это неудобно: крыльцо черезъ два дома.

— Хотите, на рѣку завтра... приходите!..—неожиданно оборачивается Нина.—Непремѣнно пойду смотрѣть!

— Въ котормъ?..

— Ну... въ десять?!

— Непремѣнно!

— До завтра?..

— До завтра... Ни-на!

Столько счастья, что онъ едва переводитъ духъ. Онъ идетъ и цѣлуетъ вербу, которую Нина дала ему, щекочетъ лицо вербешками. Цѣлуетъ и розовую обезьянку, и необыкновенную голубую розу. Какое небо, какія звѣзды, воздухъ! Какая чудесная, неземная Нина... какія у ней косы, глаза, рѣсницы, губки, пальчики, какой неземной голосъ!.. Идетъ и глядитъ на звѣзды черезъ черные теперь прутики.

* * *

Ѳедя сейчасъ заснетъ...

Сидятъ на стѣнкѣ розовая обезьянка и сказочная голубая роза. Воздушно покачивается-ходитъ пунцовая-голубая гроздь, маленькая, совсѣмъ въ ладошку...—живой, небывалый виноградъ! Разноцвѣтныя виноградинки смѣшно отрываются отъ нея, плывутъ куда-то... Плыветъ бѣлая рѣка... Звѣзды сіяютъ въ прутикахъ—глаза Нины... И вотъ, уже въ забытїи, въ солнечномъ озаренїи, на лучѣ, покачиваясь, сплываетъ къ нему въ сверканьяхъ сквозная, въ кольчикахъ, клѣточка съ воздушною золотистой канарейкой...—первая радость дѣтства.

Розстани

РОЗСТАНИ

I.

Десятаго іюля справляли именины Данилы Степаныча, а заодно и Ольги Ивановны, невѣстки, но не въ Сокольникахъ, на собственной дачѣ, какъ послѣдніе годы, а на родинѣ — въ Ключевой.

Совсѣмъ было забыли Лаврухины свою Ключевую съ той поры, какъ разбогатѣли и повели широко банное и подрядное дѣло, а тутъ, съ годъ назадъ, запросился и запросился Данила Степанычъ на родину. Сталъ прихварывать и киснуть, сталъ жаловаться, что надоѣдно зимой въ Москвѣ, а лѣтомъ въ Сокольникахъ шумно и парадно: то музыка, то народъ толчется; и вода плохая, а отъ плохой воды ноги у него пухнуть, сна нѣтъ, и сердце заходитъ. Показывалъ его Николай Данилычъ докторамъ, — сказали въ одинъ голосъ, что надо собой заняться, и настоятельно посылали на воды; лучше бы за границу, но можно и на Кавказъ; ну, а разъ не желаетъ ѣхать на воды, пусть ѣдетъ хоть въ Ключевую: слыхивали и они, что тамъ мѣсто хорошее, — пусть себѣ живетъ на покоѣ и пьетъ воды.

Тутъ всѣ заговорили, что въ Ключевой, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ хорошо, лучшаго мѣста и не найти. А главное — родное мѣсто. Вспомнили, что два лѣта жилъ въ Ключевой больной полковникъ, дышалъ навозомъ черезъ оконце въ хлѣвъ и выздоровѣлъ отъ чухотки; даже въ благодарность далъ на стройку На-

тальѣ, у которой стоялъ. Тутъ Данила Степанычъ еще болѣе увѣрился, что поправится тамъ, перестанутъ оте-
кать ноги и вернется сонъ: ужъ очень хороша тамъ
вода! Да и Николай Данилычъ, лѣтъ тридцать кипѣ-
вшій въ своихъ и отцовыхъ дѣлахъ и за это время
только разъ пять побывавшій на родинѣ, — молодую
жену возилъ — показать родную деревню, мать хоро-
нилъ, еще зачѣмъ-то, наѣздами, — вспомнилъ хорошее
изъ дѣтства и разсудилъ, что старику тамъ будетъ по-
койно и не скучно: тетка Арина живетъ тамъ, будетъ
отъ всѣхъ почетъ, и къ монастырю близко.

И вѣрно, мѣсто тамъ было замѣчательное.

Укрылась Ключевая въ тихомъ углу. Со всѣхъ
сторонъ обступили ее крутыя горы, не настоящія, ка-
менные, а мягкія, тихія русскія горы, съ глинистыми
обрывами, въ черемухѣ и березкахъ; а подъ обрывами
играла по камушкамъ рѣчка Соловьяха, глядѣлась по-
койными омуточками, вся въ тростникѣ. И тихо было, —
ни вѣтровъ, ни гомона. Изъ мужиковъ жили только
старый пастухъ, — звали его Хандра-Мандра, — да ла-
вочникъ Мамай, тоже старый, да еще два-три старика,
покоѣ; а всѣ прочіе изъ двухъ десятковъ дворовъ
стояли на фабрикахъ или жили въ Москвѣ. Не было
пашни, а только усадьбы, да огороды.

Разсказывали старики, что вывелъ ихъ сюда ба-
ринъ изъ разныхъ губерній, давнымъ-давно, какъ пу-
стили здѣсь суконную фабрику; потомъ фабрика не по-
шла съ чего-то, растаскали ее по кирпичику — слѣдка
не осталось, а какъ пришла воля, приказывалъ имъ
Безбородкинъ баринъ выселяться на его землю, по раз-
нымъ мѣстамъ. А они-то поприжились и не пожелали
расходиться, такъ и остались въ уголку, при усадьбахъ.
А земли здѣсь у барина не было, кругомъ слободская.

Жили въ Ключевой больше бабы, плели изъ цвѣтной
кромки чуни для богомолокъ и растили дѣтей. И только
съ полуденной стороны можно было проѣхать въ деревню

по отлогому мѣсту, ельникомъ, а выѣхать—все та же дорога, — на скитъ, къ монастырю. Мѣшали обрывы. Не было черезъ Ключевую проѣзда, и потому вся поросла она мягкой травкой, — просвирникомъ, канареечникомъ, — ходу не слышно. Вились въ кустахъ, по обрывамъ, тропки на Маньково, на Шалово, на Горбачово. И такъ тепло было въ Ключевой, что яблоньки, кой-гдѣ по усадьбамъ, зацвѣтали недѣлей раньше, чѣмъ за горой, а черемуха по обрывамъ — сила была черемухи! — начала бѣлѣть иногда съ половины апрѣля: отъ холодовъ укрывали горы. И такъ было тихо, что если выйти лѣтнимъ погожимъ утромъ и сѣсть на завалинкѣ, ясно услышишь, какъ играютъ бѣгущіе изъ-подъ берега ключики да плачуть на дальнемъ концѣ ребенокъ.

— У насъ и росу слышать, — говорили на Ключевой.

Потому, должно-быть, и птицъ было много всякихъ. Даже нелюдимые зимородки многими парами водились по рѣчкѣ, потрескивали по плетнямъ и сараямъ сороки, и въ рѣдкомъ дворѣ не торчали въ березахъ скворешни.

— Пора и ко двору, — давно уже заговариваль Данила Степанычъ. — Людей повидали, спину поломали... Соловьевъ вотъ буду слушать.

А соловьевъ было тамъ, по рѣчкѣ!..

Да и помереть въ Москвѣ не хотѣлъ Данила Степанычъ. Хорониться желалъ на родинѣ, только не на горбачевскомъ погостѣ, — гдѣ и загородки-то не было, а только канава, — а на монастырскомъ кладбищѣ, подъ старыми вязами, гдѣ жена, бокъ-о-бокъ съ соборомъ. Тяжело было вспоминать, какъ таскали жену въ гробу, — съ дрогъ да на машину, везли въ товарномъ вагонѣ, какъ всякую кладь, а тамъ опять на дроги да верстъ двадцать до монастыря. Нѣтъ, ужъ лучше въ Ключевой помереть. Тогда, коли приведетъ Господь помереть въ лѣтнюю пору, — раздумываль онъ, — понесутъ его, честь-честью, сперва ельникомъ, потомъ березничкомъ, полнымъ орѣшника, берегомъ Соловьихи,

лужками, подымутся на горку, мимо скита. А тутъ и монастырь. И хорошо будутъ пѣть въ лѣсу.

II.

Была у Лаврухиныхъ въ Ключевой просторная, въ два двора, усадьба. Наѣзжалъ иногда старикъ поглядѣть, провѣдать сестру Арину; поправлялъ, пообстраивалъ, помогалъ деньгами. Осталась Арина вѣковухой-бобылкой въ отцовомъ дворѣ, доживала восьмой десятокъ. Былъ у Арины пчельникъ, сидѣлъ на пчельникѣ, за дворомъ, двоюродный братъ по матери, Иванъ Захарычъ, безпріютный. Былъ у Арины и огородъ, и посылала она въ Москву деревенскаго гостинцу: то меду, то огурчиковъ, то рѣпы, — чтобы не забывали. Живали у ней по лѣтамъ сироты-внучки, Миша и Санечка, подопечные Николая Данилыча, дѣти меньшого сына Данилы Степаныча. Взяли этого сына изъ запаса въ японскую войну, и не воротился онъ. Только и узнали о немъ Лаврухины изъ бумаги воинскаго начальника, что убить въ ночной перестрѣлкѣ у деревни Синь-Ху. И гдѣ ни справлялись, узнавали все то же: убить подъ Синь-Ху. Вотъ его дѣти и гащивали у Арины. Кормила она ихъ молочной лапшой и творожниками и заставляла читать четьи-минеи.

И когда пришло старику на умъ отѣхать на родину, на покой и поправку, наказаль Николай Данилычъ перестроить домъ. Съѣздилъ самъ послѣ Рождества, указаль, какъ что нужно, а чуть пообтаяло, послаль артель плотниковъ и маляровъ, и въ мѣсяць поставили они новый просторный домъ изъ толстыхъ сосновыхъ бревень, вывели широкою застекленную терасу, вставили въ окна цѣльныя, бемскія, стекла, раздвинули садикъ подъ окнами и кругомъ обнесли рѣзнымъ полисадомъ, наставили бѣлыхъ скворешень и вертунковъ на

крышѣ. И порадовалась Ключевая, что ѣдетъ Лаврухинъ на родину.

Хорошо имѣть въ Москвѣ сильнаго земляка, а еще лучше такого, какъ Данила Степанычъ. Изъ многихъ дворовъ служили у него по постройкамъ десятниками и приказчиками, парильщиками и молодцами въ баняхъ, водоливами на водокачкахъ и кочегарами у котловъ. Изъ году въ годъ посылала Ключевая воза съ березовыми вѣниками и вязанья изъ тростника подстилки для бань, отдавала ребятъ въ услуженіе, ставила дѣвочекъ-подросточковъ въ няни и горничныя Лаврухинымъ и роднѣ ихъ по городу. Помнили въ Ключевой, какъ округила было Дуняшка Богомолова средняго сына Данилы Степаныча, а онъ померъ отъ скоротечной чахотки — опился портвейномъ. А то бы въ шляпкахъ ходила!

Кой-кого еще помнилъ Данила Степанычъ. Было на Ключевой два-три старика, съ которыми когда-то игралъ въ бабки и рюхи на своей улицѣ, было двѣ-три старухи, съ которыми когда-то ломалъ грибы по лѣсамъ и хоронился въ Медвѣжьемъ Врагѣ по весеннимъ ночамъ. Были мужики у него на работахъ, которыхъ, бывало, диралъ за вихры. Помнилъ еще иные дворы въ Шаловѣ и Маньковѣ: то свояки, то сваты чьи-то.

Теперь по травянымъ улицамъ ползала и попрыгивала новая Ключевая, новые дворы встали, повыгорѣли и повымерли старыя, и затерялась память о многомъ...

И вотъ опять старый Лаврухинъ сталъ близкимъ. Хоть ни у кого не прибавилось ничего, а все-таки веселѣй стало: все-таки на виду больше!

И еще, какъ совсѣмъ обтаяло и отошла земля, пригналъ Николай Данилычъ садовника съ возомъ посадокъ; и только степлѣло и прилетѣли скворцы, повеселѣли въ клейкихъ листочкахъ топольки, зелено закудрявились березки, тронуло бархатцемъ крыжовникъ, смородину и малину, и засверкало солнце въ серебряномъ шарѣ на клумбѣ, въ піонахъ. Заселились веселые, какъ изъ кости

точеные, домики на шестахъ, стали скрипѣть и трещать по утрамъ. Зашуршали въ пролетцахъ теплаго вѣтра вертушки на зеленой крышѣ, и молодо стали глядѣть въ долгіе годы весь голубой, свѣтлый, просторный домъ, сталъ горѣть на восходъ толстыми зеркалами оконъ въ тюлевыхъ занавѣскахъ.

И пригналъ Николай Данилычъ изъ Москвы молочную, черную съ бѣлымъ, холмогорку, тихаго вороного коня, тяжелаго, мохноногаго, шелковой шерсти въ маслѣ; мягкую рессорную пролетку, чтобы ѣздить папашѣ въ монастырь къ обѣднѣ; широкою, кованую телѣгу, чтобы возить припасы со станціи, и къ ней добрую брюхатенькую лошадку. Подарилъ на новоселье, для полнаго хозяйства, какъ молодымъ, бѣлыхъ гусей и утокъ, гнѣздо породистыхъ куръ, черныхъ, съ бѣлыми ушками, и — растрогало старика очень — садокъ голубей-чистяковъ, что ходятъ на кругахъ и даютъ уютъ дому.

И сталъ тогда новый домъ совсѣмъ какъ полная чаша. Гулко ревѣла въ новомъ сараѣ холмогорка, трубила громче всѣхъ ключевскихъ коровъ, густо оралъ по зорямъ невиданный пѣтухъ-лошадь; дробно кружились бѣлые голуби.

И сразу обжитымъ сталъ смотрѣть новый дворъ Данилы Степаныча Лаврухина.

III.

На Николинъ день справили новоселье: привезли пироги и куличъ — хлѣбъ-соль, освятили съ иконами изъ Горбачова, опили. Бабы принесли городской крендель, получили за поздравленіе и до ночи гуляли по деревнѣ и пѣли пѣсни. И сталъ Данила Степанычъ доживать новую, третью, жизнь, въ уходѣ у обрадованной сестры Арины, высокой и костлявой, съ замшеннымъ отъ старости подбородкомъ.

Восьмой десятокъ доживала Арина, а все была пряма и строга взглядомъ, какъ и лѣтъ двадцать назадъ: не трогало и не гнуло ее время. Ходила твердо и широко, дѣловито постукивала корчагами въ печкѣ и еще могла угрызть корку. И хотъ звали ее ребятишки бородулей, а какъ-что, — нитокъ ли на змѣй, сахарку ли кусочекъ, — топтались подъ окнами. И хотъ звали ее бабы горбоносой, — черезъ нее доходили до Лаврухиныхъ.

Сталь Данила Степанычъ жить подъ ея уходомъ.

Въ теплые дни ходилъ по садику, съ палочкой, въ мягкихъ сапожкахъ на заячьемъ мѣху и въ тепломъ пальто, прикармливалъ голубей, поглядывалъ на глинистые обрывы надъ рѣчкой, поросшіе мелкой березкой-вѣничникомъ, все такіе же, какъ и семьдесятъ лѣтъ назадъ. И радъ былъ, что опять здѣсь и опять все по-старому. И было ему покойно: было все хорошо теперь, а будетъ... и будетъ тоже все хорошо. Слава Тебѣ, Господи... слава Твоему солнышку!

А солнышко хорошо грѣло, если сѣсть на припоръ на новой широкой скамеечкѣ, со спинкой, снаружи палисадника, съ видомъ на лужокъ улицы, по которому прыгаютъ ребятишки. И ребятишки все тѣ же, бѣлоголовые, звонкіе, такъ же гоняютъ шаръ и отщелкиваютъ чижа. И такъ же мычатъ подъ ветлой, напротивъ, бѣломорденькій, лопоухій рыжій телокъ, сохнутъ на бревнахъ рубахи. И бревна тѣ же, кривыя, сѣрыя, и травка изъ-подъ нихъ растеть та же — крапива и просвирникъ. И краснѣеть въ елкахъ соснякъ на горахъ, за рѣчкой, и лавы на рѣчкѣ все на томъ же мѣстѣ.

А рядомъ, черезъ лужокъ, черезъ неширокую усадьбу, на которой споконъ вѣку росли двѣ рябины, замѣняя отмирающіе пеньки новой порослью; на задкахъ которой, приткнувшись другъ къ дружкѣ, стояли гребешками сосѣдскіе погреба — лаврухинскій и морозовскій, на которой всегда полеживали запасныя бревна,—

лежать и теперь, — обрастая травой и въѣдаясь въ землю, — у крылечка, на боковой завалинкѣ, сиживаль въ теплые дни сосѣдъ Семень Ивановичъ Морозовъ, въ памяти такъ и оставшійся Сенькой Морозомъ. Теперь онъ былъ для прохожихъ людей не Семень Ивановичъ и не Ивановичъ, а такъ, старымъ-старымъ, безъ имени старикомъ, дѣдомъ, потому что имя его затерялось въ годахъ и стерлось, какъ стерлись до времени на работѣ его черты особливаго человѣка. Всѣ старыя деревья ветхостию своею похожи, всѣ дряхлые старики — тоже. Оставилъ онъ въ прошломъ всѣ отличавшія его отъ прочихъ людей черты, оставилъ временное, и теперь близкое вѣчному начинало проступать въ немъ. Было оно въ запавшемъ, ушедшемъ во внутрь и застоявшемся взглядѣ безцвѣтныхъ глазъ, въ зелено-бурыхъ усохшихъ щекахъ, принявшихъ цвѣтъ кожи заношеннаго полушубка; высыпалась и порѣдѣла бородка, засквозило лицо, какъ тронутѣе октябрьскимъ морозцомъ жнитво, пожелтѣли и заершились брови, а уши подсохли и засквозили на солнышкѣ желто-розовой, жидкой кровью. Выступили подъ сухой кожей, какъ скрытыя проводочки, загрубѣвшія жилки, померкли губы, выставились шишками скулы, и уже чуяли въ немъ зоркіе бабьи глаза близкое смѣртное, тронувшее землей лицо.

Онъ выходилъ въ валенкахъ, плоскихъ отъ исхудавшихъ ногъ, въ полушубкѣ изъ старыхъ заплатъ, въ рыжей шапкѣ, и, когда сидѣлъ, все поддерживался руками, чтобы не гнуться. Уже ото всего отрѣшеннымъ зналъ онъ теперь себя: прошлое куда-то ушло, а настоящаго не было или было оно совсѣмъ не важнымъ. И хотя не было для него настоящаго или было оно не важно, все же не безразлично было ему прибытіе ко двору Данилы Степаныча. Думалось, что такъ и должно быть, — и хорошо...

И Данилѣ Степанычу думалось, что хорошо такъ, что вотъ опять сталъ сосѣдомъ Сенька Морозъ, точно

и не порывалась совсѣмъ прошлая жизнь, а продолжалась все та же, сбившаяся когда-то съ настоящей дороги, долго вертѣвшаяся по чужимъ проселкамъ и снова нашедшая настоящую свою дорогу. Теперь дойдетъ вѣрно и покойно, куда ей нужно.

И когда въ первый разъ опять встрѣтились они, столкнулись черезъ лужокъ слабыми взглядами и покивали другъ другу, забылось какъ-то, что Данила Степанычъ сталъ крѣпко-богатымъ, что у его сына въ Москвѣ — все отдалъ сыну — большіе дома и бани, что сынъ его ѣздитъ на автомобилѣ и внуки пошли въ образованные, а Семень Морозовъ все тотъ же, что получаетъ онъ отъ Николая Данилыча за сорокъ лѣтъ службы по три рубля въ мѣсяцъ за попавшую въ колесо на водокачкѣ и измятую руку, что сынъ его служить при баняхъ парильщикомъ, — вотъ уже двадцать лѣтъ моего народъ и бѣгаетъ по пальцу Николая Данилыча. И обоимъ имъ не подумалось, а такъ, сказано внутри, какъ понятное и безспорное, что теперь тѣ ходятъ тамъ по своимъ дорогамъ, а сами они вотъ здѣсь, на старой лужайкѣ, каждый у своего двора. И то хорошо, и это, и такъ нужно. И обоимъ имъ свѣтитъ солнышко, и обоимъ поютъ скворцы, и оба идутъ къ одному, равные и покойные, оставивъ позади свое безпокойное.

И когда въ теплый день мая вышли они на свои солнечныя мѣста поглядѣть на зеленую улицу, поулыбались и покивали другъ дружкѣ. Потянулся было Семень Морозовъ за шапкой, оперся крѣпко на дрожащую руку, а Данила Степанычъ сказалъ:

— Чего ужъ... сиди, не свались хоть...

Не слыхалъ Семень Морозовъ, снялъ шапку, потрясъ возлѣ уха, потомъ долго прилаживалъ, нащупывая, — надѣлъ ли; смотрѣлъ на Данилу Степаныча, что онъ скажетъ. Сказалъ Данила Степанычъ:

— Что-то ты ослабѣлъ больно скоро, Иванычъ... Ай болѣешь?

Опять не слыхалъ Семень Иванычъ. Сказалъ:

— Къ намъ, значить, опять... назадъ воротился... совсѣмъ...

Сказалъ Данила Степанычъ, постукивая палкой, бодро:

— Вотъ. И въ Москвѣ у меня хорошо, и здѣсь не плохо. Совсѣмъ—не совсѣмъ, а вотъ пообживусь, поотдохну... опять съѣзжу. Погодка-то!.. А вотъ я тебѣ травки дамъ, очень для груди полезно и для всего. Самъ пью, и доктора ничего... одобряютъ. Вотъ я тебѣ ужо дамъ...

— Ась?

— Травки тебѣ пить дамъ! — крикнулъ Данила Степанычъ. — Совсѣмъ ты глухой сталъ! На сколько ты меня годовъ старше-то?

— Да на сколько годовъ... Да, сдается, ты мене на годокъ постарѣй будешь... Мнѣ безъ году восемь десятковъ, гляди, вотъ на Стрѣтенъе..

— Ну, это ты... не того... Ты меня на годъ, а то и болѣ старше!

— Забылъ, можетъ... А Миколай-то Данилычъ какъ? При дѣлахъ все большихъ, сказываютъ...

— Николая у меня... голова! Такіе дома закатываются!.. Теперь дома пошли-и... — поднялъ Данила Степанычъ палку къ небу, — въ десять этажей! Накрутили мы съ нимъ... всего!

— Больше вы люди... бо-ольшіе стались... Даль Господь!..

И было пріятно слушать Данилѣ Степанычу. Было пріятно, что кланялись проходившія мимо бабы, что прислушивалась къ его разговору, чуть пріоткрывъ дверь, старуха-сноха Морозова, что пріѣзжалъ поутру урядникъ поздравить съ прибытіемъ въ родныя палестины и стѣснялся войти въ новый домъ, съ блестящими, какъ

стекла, полами, что онъ все можетъ, — можетъ жить гдѣ угодно, а будетъ жить здѣсь, на полномъ покоѣ, потому что такъ хочеть и такъ лучше.

Радовало его, что играютъ надъ нимъ, вертятся черезъ хвосты голуби-чистяки, которыхъ пугаетъ съ крыши сарая вѣшкой внукъ Семена; что весело постукиваютъ и скрипятъ скворцы, звонко трубить еще необжившаяся корова; что работникъ Степанъ повель запрягать лошадь, — ѣхать сейчасъ къ обѣднѣ въ монастырь надо, — ведетъ и боится, — что значить не деревенскій-то! — что день сегодня теплый, что Сенька Морозъ — вотъ онъ, и онъ, Данила Степанычъ, здѣсь для всѣхъ первый и благодѣтель, и почитай вся Ключевая кормится его дѣлами.

IV.

Какъ-то приказалъ онъ Степану взрыть по заборчику, гдѣ солнце, грядку подъ обѣщанные сыномъ левкои. Сѣлъ на стулъ и смотрѣлъ, какъ копаетъ Степанъ, — неумѣло, по-бабьи, — и сердился. Взялъ лопату, копнулъ раза два, — усталъ, задохнулся. Сказалъ съ досадой:

— На землѣ живешь, а земного дѣла не знаешь! Ну-ну, рой...

Слышалъ, какъ пахнетъ отдохнувшей землей, видѣлъ, какъ черна и сильна земля на его усадьбѣ: все подыметъ. И захотѣлось ему насажать подсолнуховъ. Представилъ себѣ, какъ начнутъ они подыматься, жирные, сильные, и будутъ желтѣть тяжелыми шапками, въ тарелку. Выбралъ изъ московскихъ дюжину самыхъ крупныхъ зеренъ, испыталъ на воду; самъ, покряхтывая, нагнулся и насажалъ рядкомъ. И когда сажалъ, — вдругъ пришло въ голову, — загадалъ: выростеть ихъ двѣнадцать штукъ — шесть лѣтъ проживеть; выростеть шесть штукъ — три года проживеть. Поостерегся

загадать: выростеть двѣнадцать штукъ — двѣнадцать лѣтъ прожитьъ. И стало для него важно, скоро ли и сколько подымется ихъ. И все безпокоился, какъ бы не запотѣли отъ холода. На ночь приказывалъ накрывать соломкой и каждый день приходилъ на грядку и смотрѣлъ.

И вотъ, на восьмой день, — по календарю высчиталъ. — стало выпирать сырые комочки и отсохшіе колпачки шелухи, стали подыматься сочныя и хрупкія, какъ изъ зеленого воску, дольки. Считалъ радостно, что два года еще проживетъ; потомъ вышло, что три года еще проживетъ. И день ото дня становилось ихъ больше, и скоро всѣ вылѣзли, вытянули и завернули къ землѣ начинающія худѣть и желтѣть дольки, и пошелъ настоящій ростъ. Былъ такъ радъ, что выросли всѣ, что хорошій, легкій у него въ комнатахъ воздухъ, не заходитъ сердце, не прибываетъ вода въ ногахъ, и даже, какъ будто, опадать стало у живота. Присмотрѣлся въ зеркало и нашель, что желтаго въ лицѣ стало меньше, глаза свѣтлые, борода бѣлымъ вѣеромъ, подумалъ: „а потому, что много сижу на солнцѣ“, — и сказалъ Аринѣ, чтобы и по буднямъ зажигала всѣ лампы. Скучно было одному радоваться, послалъ за Семеномъ Морозовымъ, повелъ его на свою грядку, а самъ держалъ за руку, чтобы не наступилъ, и показывалъ осторожно палкой:

— Вотъ, видишь... самъ насажалъ! Всѣ взошли!

А не сказалъ, что загадано: стыдно было. Похлопалъ Семена по плечу и повелъ попить чайку „по-сосѣдски“, — съ медомъ и кувшиннымъ изюмомъ.

И рада была Арина, что нѣтъ гордости въ братцѣ, что совсѣмъ помягчѣлъ Данила Степанычъ, свой совсѣмъ сталъ, и не скучно ему будетъ теперь. Давно забыла она, что было у ней съ Семеномъ Морозовымъ въ далекомъ прошломъ; забыла и простила, что промѣнялъ ее Семень на дѣвчонку изъ Черныхъ Прудовъ.

Вѣкъ свой прожила съ ней бокъ-о-бокъ, всю жизнь не любила, а передъ смертью, лѣтъ двадцать назадъ, простилась и сама принесла смѣртную рубаху, взяла изъ непригодившагося приданого.

И рада была сноха Семена, уже побѣжавшая оповѣстить по дворамъ, что старикъ-отъ чай пить пошелъ къ Лаврухину.

И съ того дня частенько сталъ призывать къ себѣ Данила Степанычъ Сеньку Мороза, — сталъ вспоминать въ немъ прежняго Сеньку, — и на прощанье давалъ то двугривенный, то осьмушку духовитаго чаю: такъ, бывало, ребятами дѣлились они горохомъ.

Вспоминалось и прошлое, и почему-то рѣзче всего припомнилось, какъ играли они въ камушки на горохъ, и обидѣлъ разъ Сенька, а онъ, Данилка, залѣзъ на ветлу и ревѣлъ:

— Се-енька Морозъ... горо-о-ошину ужилилъ...

Напомнила имъ объ этомъ Арина. Такъ ясно напомнила, что вспомнилъ Данила Степанычъ, какъ тогда покойникъ-отецъ отбивалъ косу и разбилъ себѣ палецъ, а Аришка стояла на бревнахъ. Такъ ярко было, — чудочудесное! — вотъ протереть глаза, и увидишь все. Здѣсь гдѣ-то, близко оно, давнее, и нѣтъ его... И многое другое помнили. Помнилъ Семень, какъ билъ онъ въ Медвѣжьемъ Врагѣ Данилку. Бились они въ Медвѣжьемъ Врагѣ съ Данилкой изъ-за рыжей дѣвки изъ Шалова, и одолѣлъ тогда Сенька Морозъ, трясъ за душу Данилку и кричалъ въ посинѣвшее лицо: „животъ али смерть?“ Помнилъ и Данила Степанычъ... Все хорошо вспомнили бы, но объ этомъ не было помину. Такъ хорошо, что остался на памяти, невѣдомыми путями, трескъ замятаго въ дракѣ куста и высокія бѣлыя шапки болиголова, буйно разросшагося въ Медвѣжьемъ Врагѣ, — вотъ посмотрѣть отсюда, прямо за рѣчкой, гдѣ лавы и гдѣ вьется еще и теперъ тропка на Шалово.

И вотъ стали яснѣть и жить, казалось, совсѣмъ

небывшія, затерявшіяся черты былого, вставляли, освѣ-
женныя мѣстомъ. И чуть ли еще и не теперь жила съ
ними вонъ та, какъ и тогда, развѣсистая ветла, на ко-
торой ревѣлъ о горошинѣ Данилка.

И кто знаетъ, если бы пришелъ какой чародѣй и
сказалъ имъ: „хотите, вотъ оберну васъ въ Сеньку и
Данилку, и деритесь опять за горошину, и пусть опять
все пойдетъ старымъ путемъ“, — не сказали ли бы
они ему:

— Хорошо!

И забылъ бы тогда Данила Степаничъ все черное
и тяжелое въ своей жизни: какъ собиралъ первую ты-
сячу, тревоги и бессонныя ночи, какъ хоронилъ, какъ
болѣлъ; забылъ бы свои дома и бани. И Семень Мо-
розовъ тоже забылъ бы все: годы на водокачкахъ и
у банныхъ котловъ, какъ въ смѣртномъ страхѣ тонулъ
на рѣкѣ, какъ замерзалъ въ полѣ въ метель, какъ по-
мирили дѣти и какъ отмяло ему колесомъ три пальца,—
все, что ломало и било его за долгую жизнь.

Не было чародѣя, а то бы...

V.

Въ погожіе дни брелъ Данила Степаничъ на рѣчку.
Работникъ Степанъ несъ за нимъ раскладной стульчикъ.
Присаживались и молчали. Данила Степаничъ перево-
дилъ занявшійся духъ, а Степанъ покуривалъ изъ ку-
лака на травкѣ. Стрекотали по плетнямъ и сараямъ со-
роки, шуршали по коноплямъ воробьиные выводки.
Дремалось на солнышкѣ подъ сонную воркотню клю-
чиковъ. Данила Степаничъ разминалъ въ мѣховомъ са-
пожкѣ затекающіе пальцы и думалъ, выдадутъ ли Ни-
колѣ изъ кредитнаго подъ новую стройку до Петрова
дня, чтобы во-время обернуться и не затянуться съ гав-
риковскимъ подрядомъ; а Степанъ смотрѣлъ на его
драповое пальто и сапоги и раздумывалъ, не откажетъ

ли ему старикъ чего изъ одежды, если помретъ: все-таки онъ старается, растираетъ ему по вечерамъ ноги мазью, и всегда ужъ такъ водится, что за хорошій уходъ даютъ чего-нибудь изъ одежды послѣ смерти. А одежда бы ему пригодилась, потому что безъ хорошей одежды нельзя получить хорошаго мѣста въ городѣ.

— Ну, подыми... — говорилъ Данила Степанычъ.

Поддерживаемый подъ руку, шелъ онъ на рѣчку, гдѣ лавы, узнавалъ мѣсто, видѣлъ, что лавы все тѣ же, — три бревнышка съ поручнями, и все та же, прежняя, вьется въ кустикахъ по откосу тропка на Шалово, идетъ мелкимъ березнякомъ-вѣничникомъ, играютъ на быри тѣ же голавлики и покачиваются давнія, сизо-зеленяя стрѣлки тростника. Бывало, вытягивали ихъ осторожно какъ цвѣточки изъ ландышника, съ тонкимъ пискомъ, и скручивали изъ нихъ лодочки. И шумятъ-журчатъ звонкіе ключики, какъ молодые, — всегда молодые. А съ горы, напротивъ, изъ Медвѣжьяго Врага, потягиваетъ утренней травяной прохладой, и растутъ тамъ, не могутъ не расти, бѣлыя шапки болиголова, кусточки дички красной смородины и цапкія плети лѣсной малины.

Протягивалъ палку къ оврагу и говорилъ работнику, нанятому въ Москвѣ и ничего не знающему про эти мѣста:

— А это... Медвѣжій Врагъ. Понимаешь?

— Такъ точно-съ, Даниль Степанычъ... Медвѣжій-съ...

— А почему — Медвѣжій? Вотъ и не знаешь.

— Не могу знать-съ. Надо полагать, медвѣди жили?..

— Вотъ и не знаешь. Тутъ... давно это было... я мальчишкой еще былъ... даже и до меня... понимаешь, медвѣдь... зашелъ разъ и увязъ... понимаешь? Глина тамъ, ключи... Живьемъ его тутъ и взяли... Понимаешь?

— Понимаю-съ, съ этого самаго, значитъ... отъ медвѣдя!

Говорилъ вдумчиво, точно все это было и для него

важно, и хмуро, какъ и Данила Степанычъ, всматривался въ глухую чашу высокаго оврага въ горѣ, гдѣ мелькало синее пятнышко рубашки: должно-быть, тамъ собирали ландыши.

— Вотъ и прозвали: Медвѣжій!

Говорилъ Данила Степанычъ, чего не видалъ самъ, чего, можетъ-быть, не видали и тѣ, кто сказалъ ему. Можетъ-быть, сказку. Носилъ ее въ себѣ всю жизнь и удержалъ въ памяти среди вороха всякихъ дѣлъ и кипѣній. И вотъ теперъ вспомнилъ и рассказалъ.

— Теперъ медвѣди за рѣдкость... — сказалъ Степанъ. — Въ золотическомъ вотъ показываютъ... ситнички продаютъ для прокормленія...

И подбиралъ, о чемъ бы еще поговорить, чтобы было не скучно Данилѣ Степанычу. Морщилъ заросшій лобъ, двигалъ бѣлыми бровями, поглядывалъ къ небу и не находилъ, что бы такое сказать еще. Родился и выросъ въ Москвѣ и не зналъ ничего изъ здѣшняго. А на Данилу Степаныча напирало совсюду, куда ни глядѣлъ, переполняло всего, и нельзя было удержать при себѣ.

— Кали-ны тутъ!.. — сказалъ онъ и махнулъ палкой.

— Мѣсто очень превосходное, — сказалъ Степанъ и посмотрѣлъ къ палкѣ. — Высота очень...

Шли деревней, и Данила Степанычъ припоминалъ, чей же дворъ, вглядывался въ старыя ветлы, въ завалившіеся сараюшки, съ заплатами изъ обрубковъ, въ затянувшіяся мохомъ крыши. Призналъ у колодца водопойную колоду, зазеленѣвшую отъ плѣсени, огрызанную. Постучалъ по ней палкой.

— Вонъ какая... — сказалъ не то Степану, не то самому.

— Не наблюдаютъ-съ... Нашъ Вороной и пить не соглашается...

Узналъ Данила Степанычъ и большой бѣлый камень, на который становились, доставая воду, на кото-

рый и онъ становился, — протертый ногами до желобка. Камень долго живетъ. Остановился и покрестился на похилившійся кирпичный столбикъ, накрытый ржавой желѣзкой, сколько уже разъ заплатанной, въ полутемномъ заломѣ котораго стояла безликая иконка. Столбикъ сталъ совсѣмъ маленькій, а когда-то былъ и шире и выше, и надо было дотягиваться, чтобы заглянуть: забивались сюда воробы.

Выходили подъ окна бабы, незнакомыя, молодыя, кланялись и провожали пытливымъ взглядомъ. Выбѣжала худощекая, востроносая бабенка, въ красномъ повойникѣ, съ матежами по всему лицу, съ животомъ, поддернувшимъ синюю юбку, закланялась низко-низко, зачастила:

— Здравствуйте, батюшка, Данила Степанычъ! Здоровьице-то ваше какъ... Отдохнуть коли желательно, я вамъ и стуликъ со спинкой вынесла бы... подъ рябиной-то у меня хорошо, тихо...

А онъ поднялъ палку вровень съ грудью и спрашивалъ хмуро:

— А ты... чья же?

— А Митрія-то Козлова... Козла!

— Козла-а?.. Что жъ это я не помню что-то... Козла!..

— А какъ же-съ... батюшка, Даниль Степанычъ... а мой Митрій-то ге-сятникомъ у вашей милости, у Миколай Данилыча... Раньше-то въ штукатурахъ все работалъ, допрежде-то, а теперь ужъ ге-сятникъ...

— Черный, что-ль?

— Самый, самый онъ! Съ бородкой, рыжий, складный такой мужикъ. За вашей милостью и живемъ... дай вамъ отъ Господа здоровьица, родителямъ вашимъ царство небесное, дѣткамъ вашимъ на здоровье, на радость... Не оставили насъ, сиротъ, попеченіемъ, добрымъ словомъ... просвѣтили нашу убогость...

— А-а, ты какая... лопотуха... Ну-ну... Добѣги-ка до Ариши, кваску сюда чтобы дала бутылочнаго...

— И жарко-то ужъ вамъ какъ, Данила Степанычъ!.. А я сейчасъ... Манюшка, стулъ давай съ рѣшеточкой, подъ часами-то... Въ окно давай, несуразная!..

Пахло крапивой и коровьимъ навозомъ въ холодкѣ. Толклись мошки подъ развѣсистой рябиной. Данила Степанычъ, красный, въ бѣломъ сіяніи вѣрной бороды, тяжело дышалъ и обмахивался бѣлымъ картузомъ. Степанъ дожидался со стульчикомъ, сидя въ сторонкѣ, въ тѣни крапивы. А съ сосѣднихъ дворовъ высматривали бабы, перебѣгали дѣвчонки, — оповѣщали, что сидитъ Данила Степанычъ у Дударихи на стулѣ подъ рябиной, а Дудариха побѣжала къ Аринѣ Степановнѣ за квасомъ. А поодаль, изъ-за крапивы, выглядывали ребятишки и шептались.

VI.

Узналъ Данила Степанычъ колченогаго пастуха Хандру-Мандру, стараго ворчуна, — очень обрадовался.

Уже забыли, сколько годовъ ходилъ пастухъ за ключевскимъ стадомъ, всегда одинъ, безъ подпаса, — десятка полтора всего было коровъ въ деревнѣ, — и на зиму не уходилъ, прижился. Былъ онъ чуть помоложе Данилы Степаныча и какъ былъ всегда своенравный и зубастый, такимъ и остался. Зато и прозвали его — Хандра-Мандра.

Подковылялъ самъ, когда старикъ сидѣлъ у садика на скамеечкѣ, стащилъ бурую шапку и тутъ же надѣлъ.

— Съ прїздомъ, што-ль, хозяинъ! Корову-то пустишь?

— А-ты, Хандра-Мандра! Живъ еще?!

— Ты живъ, а мнѣ што жъ не жить! Вмѣстѣ, чай, помирать будемъ...

— О?! Ну, живи, живи...

— Поживу, коль такъ. Чего мнѣ не жить! Сколькихъ я стариковъ-то перхоронилъ! Мяса во мнѣ нѣтъ, жилка да спленка... еще пятерыхъ, гляди, съ меня хватить!..

— Ишь ты... — протянулъ Данила Степанычъ, разглядывая маленькое, съ кулачокъ, сплошь красное пятнышко лица пастуха, съ жилками, какъ у королька.

— То-то и есь. Я вонъ, постой, Семена Морозку еще схороню да вотъ Мамайку, разбойника... на табачишко вонъ семитку накинулъ, шутьи его возьми! А то и еще кого... И тебя, можетъ, еще схороню, что думаешь?! Я на жилкѣ держусь, не скусишь!

Хитро смотрѣлъ на грузнаго, расплзшагося къ бедрамъ Лаврухина, помигивая бѣлкомъ попорченнаго глаза, и съ трехъ шаговъ слышалъ Данила Степанычъ знакомый духъ стада и махорки. И, какъ-будто, все та же была на Хандрѣ долгополая кофта, обдиравшаяся слоями, въ лоскутьяхъ которой держалъ онъ кисеть и газетку, залитая смолой, давняя. Дубленое было лицо его съ вѣтровъ и погоды, со скулами-шишечками, безъ щекъ. Втянулись онѣ подъ скулы, поросли сѣрой щетинкой, и только въ бровяхъ еще чернѣло кусточками: посмыло кой-гдѣ дождями.

— Поднесешь чего, — уберегу коровку, пожалствуешь, — та-акъ бока настегаю!.. Со мной не шути... хе-э... Съ тебя должно супротивъ кого другого итить...

— Ну-ну... А-ты, Хандрѣ-Мандра... глазокъ оловянный!..

Какъ разъ и вспомнилъ: оловяннымъ глазкомъ, бывало, звали Хандру, да забыли. Даже пастухъ подивился и прояснѣлъ.

— Упомнилъ! Эхъ, и стары же мы съ тобой стали, Степанычъ!.. Оба въ дураки выписались...

— Что жъ это ты такъ... — нахмурился Данила Степанычъ. — Ты, братъ...

— А то какъ! Я вонъ весь вѣкъ за коровами, ты за рублемъ ходиль... При томъ и стались: у тебя рубли, у меня коровы... Ей-Богу! — хитро подмигиваль бѣлкомъ Хандра. — Можетъ, ты и умнѣй всѣхъ... домъ-то какой! а я, будто, съ придурью... Ну, давай рядиться. Кажну зорю стану тебѣ играть веселую.

Порядился на бутылкѣ и рублѣ — за особый приглядъ. Ходиль взглянуть на корову. Обошелъ съ боковъ, помялъ вымя, подавилъ кривымъ большимъ пальцемъ на крестецъ, отвернулъ хвостъ, посмотрѣлъ на „зеркало“, сказалъ:

— Огулёна по третьему мѣсяцу.

Потянулъ за рогъ, перебираль пальцами, смотря въ уголь; прочель, какъ по книгѣ:

— Ничего жуколочка... по четвертому телку. Вымистая. ничего... Красныхъ восемь даль?

— Ну, ладно, ладно... тамъ сколько ни даль... — осердился на что-то Данила Степанычъ: нѣмѣли ноги, или обидѣлся, что такъ оцѣнилъ.

Ушелъ въ домъ, а Хандра-Мандра остался подь окнами, дожидался. Вынесла ему Арина стаканчикъ водки и яичко.

— Попригляди ужъ за коровенкой-то... московская, вѣдь...

— Да ужъ... гхе!..

Покрестился и потянулъ изъ стаканчика, неспѣша запрокидывая голову. Сказаль сипло:

— Шибко доитъсь будетъ, тетка Арина... безъ зацѣпу проскочило. И гдѣ вы такое винцо берете!..

Обсосаль усь и заковыляль, закручивая на ходу черезъ спину свой долгій кнутъ.

А на зорькѣ разбудила Данилу Степаныча жалейка подь окнами. Сперва и не разобраль, что такое. Съ минутой лежалъ, затаившись, слыша, какъ застучало сердце, и когда поняль, что это Хандра-Мандра играетъ, зало-

жилъ руки за голову, уставился въ сосновый потолокъ и слушалъ. Ахъ, жалейка!

Ти и-а-а-и-и-и-а... ти-и-и-и-а-а-и-и-и...

Ахъ, жалейка!

Шло давнее въ ноющихъ переливахъ, далекое, со-всѣмъ похороненное. И уже видѣлъ Данила Степанычъ, какъ верха Медвѣжьяго Врага золотятся, лужокъ — въ росѣ, на рѣчкѣ — туманъ-туманъ, окна горять къ восходу...

Закрывъ глаза, совсѣмъ затаился, не слыша затекшихъ ногъ, а Хандра-Мандра все игралъ, все глубже вытягивалъ, тащилъ изъ страшенной дали живые во-роха...

Ревѣли коровы утреннимъ бодрымъ ревомъ. И въ этихъ ревахъ и живыхъ вскрикиваніяхъ жалейки про-биралась тоскливая дума, что это послѣдніе голоса, и жизнь уходитъ. Самое-то хорошее и прошло.

Скрипнули творила сарая. Сиплый, утренній, го-лосъ Арины понукалъ ласково:

— Ну, ну, дурашка... Христось съ тобой, матушка... иди, иди...

Слышалась въ тихомъ утрѣ тяжелая ступь, и по-тянуло сытое тягучее мычанье. Крѣпко, какъ изъ пи-столета, ударилъ кнутъ, побѣжало, рассыпалось по го-рамъ и отдалось въ оврагѣ. Всегда отдавалось. Маль-чишками стояли, бывало, у крайней избы, гдѣ жилъ ста-рикъ Золотой, — когда было! — и кричали къ оврагу. И отвѣчалъ оврагъ. И теперь отвѣчаетъ. И пѣтухи въ оврагѣ поютъ, и жалейка играетъ, и перекликаются бабьи голоса.

И когда услышалъ Данила Степанычъ, какъ рассы-палось щелканьемъ, — сказало въ немъ затаенно, что хорошо это, что онъ опять здѣсь и теперь уже больше не уѣдетъ. Что это все было неизмѣнно полвѣка, когда

его не было здѣсь, и каждое утро играла жалейка, и безъ него продолжалась дѣтская жизнь его. И было ему грустно, и думалось, что уже выводятся настоящіе пастухи; помретъ Хандра-Мандра, — и здѣсь уже не будутъ играть такъ. Послѣдніе это пастухи.

И припоминалось ему еще, какъ лѣтъ тридцать назадъ прїѣзжалъ онъ сюда съ жидомъ-компаньономъ, котораго звали Яша, — черезъ него купилъ онъ на сломъ княжескіе дома на Поварской и выстроилъ на складчину первый доходный домъ и выгодно продалъ. И привезъ онъ тогда этого Яшу, — ловкій былъ человекъ! — къ себѣ на родину, показывалъ на радостяхъ свое мѣсто, — вотъ, молъ, откуда вышелъ! — а Яша хвалилъ все и говорилъ: „Вотъ-то мѣсто хорошее! вотъ-то мѣсто богатое-золотое, вотъ-то гдѣ дачь можно наставить!“ Пили тогда они въ большой компаніи, заставили ловить по омутамъ рыбу и раковъ, — сила раковъ была! Пили-пили, дѣвокъ согнали, уху варили... Было дѣло... А на зорькѣ заигралъ Хандра. Призвали его тогда на свое гулянье, къ ветламъ, за деревню, и напоили. Коньякомъ поили. Вотъ тогда онъ игралъ! Жидъ плакалъ и все хотѣлъ дачу себѣ на горѣ ставить и жить совсѣмъ. А Хандру въ омутѣ купали, приводили къ жизни...

Давно было...

А тамъ еще и теперь стоятъ ветлы, и можно собрать мужиковъ праздникомъ, ловить рыбу, закупить коньяку и рому, можно позвать Хандру, и будетъ онъ играть... А жидъ тотъ померъ уже...

VII.

Подсолнухи на грядкѣ вытягивались, выравнивались, ширились. На огородѣ, за погребями-сосѣдями, черныя гряды сплошь затянуло сочными огуречными плетями, и стоялъ тамъ, когда ни взгляни, какъ-будто старый Хандра-Мандра, рваный и кривобокій, распяливъ

руки. Поставили его съ весны — для гороха, и будетъ стоять такъ до осени — въ огурцахъ.

Тихъ и тепелъ былъ май, тепелъ былъ и июнь, съ тихими дождичками. Старый огородъ, лелѣмый теткой Ариной, все еще былъ въ силѣ, густо зацвѣли шершавые огуречные побѣги, и изстари облюбванный горохъ оперился и пышно завился вокругъ хворостинъ веселой зеленой рощицей.

Полюбилъ Данила Степанычъ день за днемъ примѣчать, какъ въ огородѣ день ото дня прибываетъ желтаго цвѣту, а на горохѣ виснуть лопаточки. Полюбилъ захаживать и на пасѣчку, позади огорода.

Маленькая была пасѣчка, старенькая, колодная. Всего только пять дупляковъ стояло, накрытыхъ дощечками съ кирпичиками, потрескавшихся и кой-гдѣ стянутыхъ ржавыми обручиками и сбитыхъ жестянками, — давніе счастливые улы. Когда-то, еще при покойномъ дѣдѣ, на лаврухинской усадьбѣ была лучшая пасѣка, въ сорокъ колодъ, и приходили изъ округи за удачливыми роями — благословиться къ почину: удачливъ былъ дѣдъ на пчелу, хорошо зналъ пчелиную повадку. А теперь оставались поскребушки: переводиться стала пчела. Но эти уцѣлѣвшія пять колодъ для Данилы Степаныча были не пять колодъ, а давній пчельникъ, въ березкахъ и рябинкахъ. Только изъ березъ-то оставалась одна-одиношенька, старая-старая, безъ макушки, да были еще поспиленныя ветлы да обраставшіе горькимъ грибомъ пеньки рябинъ. А когда-то всю пасѣку освѣщало на закатахъ съ пышныхъ рябинъ грузнымъ краснымъ горохомъ.

Какъ-то теплымъ июньскимъ утромъ, тихо прошелъ Данила Степанычъ на пасѣку. И что же увидѣлъ! Увидѣлъ своего дѣда Софрона. И ростъ такой же, и голова бѣлая-бѣлая, безъ лысинки, и повыгорѣвшій казакинчикъ, въ заплаткахъ подъ рукавами. Стоялъ дѣдъ въ росистой травѣ по колѣно, надъ дуплякомъ, оскребалъ

верха въ буромъ гудливомъ роѣ, какъ дѣдъ Софронъ, бывало, поутру. Конечно, это не дѣдъ Софронъ былъ, а такъ похожій на дѣда двоюродный братъ по матери, глухой Захарычъ, который жилъ у Арины: пришелъ изъ Манькова, изъ пустого двора, помирать на-людяхъ. Зналъ Данила Степанычъ, что живетъ Захарычъ у Ариши, какъ въ богадѣльнѣ, что внучка его, одна живая душа изъ семьи, выдана была въ Шалово и теперь едва держать ее въ мужниной семьѣ, а мужъ, слесарь, пропалъ безъ вѣсти, когда была на Москвѣ смута.

Когда жилъ въ Москвѣ Данила Степанычъ, за всякими дѣлами и своей семьей все перезабылъ, какъ и гдѣ кто живетъ изъ родныхъ и свойства. Точно и не было никого. А какъ сталъ жить здѣсь — сталъ вспоминать. Оставалось еще родни. Вотъ двоюродный братъ Захарычъ, вотъ еще какая-то Софьюшка есть, внучка Захарыча, и ему тоже вродѣ какъ внучка, какіе-то еще племянники внучатные, дѣти троюродной сестры, которая теперь монахиней гдѣ-то или уже померла, — гармонисты, играютъ на посадѣ въ трактирахъ. А въ Шаловѣ — крестникъ, теперь сильно разбогатѣвшій, Василій Левоничъ Здобновъ.

На свободѣ, за самоваромъ, разобрали они съ Ариной всю родню. Она всѣхъ знала, до грудныхъ младенцевъ, ѣздила, какъ праздновали престоль, то въ Шалово, то въ Маньково, то въ Черные Пруды, — не теряла родни. Знала много всякихъ семейныхъ случаевъ, кто и когда горѣлъ, кто чѣмъ померъ, кто кого бралъ и откуда, кто выдѣлялся. Многіе далеко разошлись. Былъ теперь внучатый племянникъ въ Сибири, на пароходахъ, была троюродная внучка выдана замужъ за парня изъ Горбачова, а теперь очень хорошо живетъ, — приказчикомъ онъ на хорошемъ мѣстѣ, только ѣхать туда надо двѣ недѣли, Хива называется.

„Распложается народъ, другъ отъ дружки горохомъ катится“, — вспоминалось Данилѣ Степанычу слово Семена Морозова.

Говорилъ Данила Степанычъ и съ Захарычемъ, который все кланялся ему и называлъ „батюшка-братецъ“, побаивался все: а ну-ка не позволить ему доживать здѣсь, — лѣтомъ въ сарайчикѣ, на задахъ, а зимой — въ домѣ. Очень все беспокоился Захарычъ, какъ принялись ставить домъ, — рассказывала Арина. Данила Степанычъ успокоилъ и велѣлъ жить безъ сомнѣнія: мѣста не пролежитъ, хлѣбомъ не объѣстъ. И все видѣлъ, какъ Захарычъ робѣеть при немъ, когда зазовутъ его пить чай въ горницу, пьетъ чашку съ одной изюминой и все старается услужить: то медку пообщщаетъ скоро припасти, то чай похвалить, то вспомнить, какъ его зять любилъ, „сресаль“. И, когда рассказывалъ про слесаря, плакалъ:

— Бывалыча... побываетъ когда изъ Москвы... къ покосу... — рассказывалъ онъ и моргалъ красными, безъ рѣсницъ, вѣками и уже ничего тогда не видѣлъ: сахаръ по столу нашаривалъ и мимо блюдечка наливалъ, — все калачика... а то сахарку хунтикъ...

Часто говорилъ про сахарокъ и про слесаря.

Узналъ Данила Степанычъ, какъ все собирался слесарь, Иванъ Ареѣвичъ, жену къ себѣ выписать, все хорошаго мѣста дожидался. И Софьюшка все ждала и общала Захарычу по три рубля высылать. А не вышло, — пропалъ слесарь безо свякаго слѣда вотъ шестой годъ какъ... А смирный былъ.

Окликнулъ Данила Степанычъ Захарыча, — пчелъ боялся, — не услыхалъ старикъ: совсѣмъ глухой былъ, да еще пчелы мѣшали. Смотрѣлъ Данила Степанычъ, какъ накрылъ старикъ улей, какъ пошелъ къ березѣ, перекрестился и поцѣловалъ на березѣ черную дощечку. И узналъ онъ эту дощечку: Зосиму и Савватія, пчелиныхъ покровителей. Каждый шагъ, каждый день точно на радость ему сговорились открывать хорошее прошлое. Въ это утро вотъ вспомнилъ онъ образокъ, который висѣлъ съ давней поры на пасѣкѣ, на проволочномъ

ушкѣ, на гвоздочкѣ въ березѣ. На зиму его уносили во мшанникъ. Сколько разъ онъ и самъ, бывало, цѣловаль эту иконку, на которой стояли два старца, а за ними церковка съ главками. Хорошо помнилъ и хлопотливый гуль пчель въ солнцѣ, росѣ и зелени, и золотистую ворохню у летковъ, у пупковъ колоды. Полвѣка не останавливается работа. Полвѣка — все то же.

— Захарычъ!

И опять не слыхаль Захарычъ, выбираль изъ головы, надъ ухомъ, запутавшуюся пчелу. Все то же. Все такъ же, бывало, и дѣдъ Софронъ.

И тутъ увидаль Данила Степанычъ лоскутное одѣяло на плетнѣ и выглядывающаго свѣтловолосаго мальчишку въ бѣлой рубашкѣ. Мальчишка смотрѣлъ на него изъ-за колышковъ прясла, выглядываль однимъ глазомъ, прячась за колышекъ. Поманилъ его Данила Степанычъ палкой, но мальчишка совсѣмъ укрылся за одѣяло. Тутъ услыхаль Данила Степанычъ молодой бабій окрикъ:

— Поди, Вáнюшка! Даниль Степанычъ зоветъ, поди...

И тутъ увидаль Данила Степанычъ въ пролетѣ плетневаго сарайчика молодуху въ бѣломъ платочкѣ и голубой баскѣ. Кланялась ему. Кто такая?

— А ты кто жъ такая? — спросилъ онъ, подымая палку.

— Здравствуйте, Даниль Степанычъ... А Софья я, внучка вотъ дѣдушкина, Иванъ Захарычева. А тотъ мой, Вáнюшка мой... Поди, Вáнюшка, не бойся...

Но Ванюшка и теперь не шель, выглядываль половиною головы изъ-за одѣяла. Трещаль плетнемъ.

— А-а... Во-онъ вы кто-о! Ну, ну, покажись, покажись... Да-а, вонъ вы кто-о! Ишь ты, хорошая какая... бабочка...

И слово, давно не приходившее на языкъ, вышло у него ласково — бабочка.

Чернобровенькая была она, какъ галочка, смуглая отъ загара, тонколицая, съ бойкимъ взглядомъ, сухощавая, складная.

Тутъ и Захарычъ услыхаль говоръ, подошелъ, перебирая поясокъ на ситцевой бѣлой рубахѣ въ черныхъ горошинкахъ, и сказалъ, взглядомъ пытая бабу:

— А Софьюшка вотъ... сресалева-то... Побывать вотъ пришла... на денечекъ...

Тутъ ужъ и Ванюшка пересигнулъ плетень, подобрался сторонкой и поглядываль. Сучилъ босыми ногами въ потемнѣвшихъ съ росы розовыхъ штанишкахъ, похожей на мать, — тонколицый, съ черными бровками, въ золотухѣ, сильно высыпавшей на губахъ и у носа.

— Ванька вотъ, Даниль Степанычъ... правнучекъ мой... дождался, Даниль Степанычъ!..

— Грамотѣ ужъ умѣеть, буквы ужъ разбираеть... — сказала Софьюшка.

— Та-акъ. Вотъ и расти. А тамъ Николая мой поставитъ его куда тамъ... — сказалъ Данила Степанычъ, оглядывая Ванюшку, закусившаго рукавъ рубахи. — Чего портки-то какъ обросиль?!

— Покорно васъ благодаримъ, Даниль Степанычъ... — быстро заговорила баба. — Только бы вамъ вѣку Господь послалъ.

— Ну, вотъ, ужъ какъ-нибудь... Не чужіе... Плохо живетъ-то, а?

— Бѣзъ мужа, Даниль Степанычъ... плохо... — сказала баба, потупивъ глаза и косясь на широкія, блестящія отъ росы, калоши Данилы Степаныча.

А Захарычъ помаргиваль и покачиваль головой, стараясь понять, о чемъ говорить братецъ. Смотрѣль поочередно на всѣхъ, перебираль поясокъ.

— Да, да... Ну, вотъ, какъ-нибудь! — сказалъ Данила Степанычъ и стукнулъ палкой.

Понравилась ему молодуха, скромная ея повадка, и какъ она опускала шустрые глаза и поджимала ма-

ленькія губы, и черныя ея бровки, точь-въ-точь какъ у его невѣстки, Ольги Ивановны, когда была молодой. И сироткой, пугливымъ показался ему Ванюшка. Правнукъ вотъ! Тутъ, на солнцѣ, у пчель, передъ черной иконкой, передъ откликнувшимся прошлымъ,—такъ же, какъ этотъ мальчонка, сигаль онъ, бывало, черезъ плетни, — мягко и болѣзно взглянулъ онъ на этихъ, все, какъ-будто, родныхъ, и сказалъ, не раздумывая:

— А плохо, такъ здѣсь живите! — и посмотрѣлъ къ черной дощечкѣ. — Вотъ, у него и живите. Аришѣ помощь...

— Покорно благодаримъ... — начала, было, Софьюшка, — не ждала.

А Данила Степанычъ уже шель съ пасѣки. У погребовъ остановился, задумался, повернулся къ сараю и поднялъ палку.

— Живите и навсегда здѣсь, въ дому!

Пошелъ, постукивая, задохнувшись, неся въ себѣ теплое, самъ растроганный тѣмъ, что сказалъ.

Исподлобья глядѣлъ на него Ванюшка: чего такъ кричить? А Захарычъ тревожно выспрашивалъ:

— А чего говорилъ-то, Софьюшка... ась?

И когда сказала она ему, крикнула къ уху:

— Здѣсь намъ велитъ жить, дѣдушка! Ласковый!

Старикъ потоптался и зажевалъ губами:

— А-я-яй, бра-атець... а-а-а.

Сновали пчелы, благодушно трубили. Пахло сырой землей и березой, старой пасѣкой, разогрѣтымъ ситцемъ на бабѣ и тѣмъ прѣснымъ зеленымъ духомъ, что набирается тамъ, гдѣ много сочной густой травы, прогрѣтой солнцемъ. Пахло росистымъ юньскимъ утромъ.

VIII

И когда шель Данила Степанычъ съ пасѣки, остановился у огорода, поотдохнулъ отъ захватившаго его

волненія, поглядѣлъ и сказалъ про себя: „славно растеть!“ Смотрѣлъ, какъ сновали по грядамъ пчелы, залѣзали въ золотые кувшинчики огуречнаго цвѣта,—шевелились кувшинчики. Уже обобрали онѣ горохи и все кружились по рѣдкимъ верхушечнымъ цвѣтамъ,—нѣтъ ли еще чего?

„Укропцу-то хорошо бы... къ огурчикамъ-то... Бывало, по краешкамъ укропъ все“...

Вспомнилось, какъ свѣшивались съ грядъ крупные огурцы-сѣмянки, а надъ ними чернозолотые зонтики душистаго укропа. Захватишь снизу,—какъ крупа посыплется между пальцевъ.

Благодатное было лѣто. Рано и скоро росло все, цвѣло, зрѣло. Теплыя были росы, густыя, слышныя. Падали тихіе солнечные дожди съ радугами. Хороши были въ это лѣто горохи, огурцы, травы. Орѣховъ была сила,—говорили ребята. Все сочно и весело смотрѣло на Данилу Степаныча, точно говорило: „а вотъ мы! все тѣ же мы! и тогда давно — мы, и теперь мы! всегда мы!“ Точно сговорилось все радовать его, показаться казовой стороною. И когда смотрѣлъ на огородикъ, думалъ, что маловатъ онъ, что надо его раздвинуть, перетолковать съ сосѣдомъ, взять у него въ аренду его половину и пустить на тотъ годъ большой огородъ: все равно, чужое въ Москвѣ покупаютъ. Понасадить капусты, свеклы, моркови, всего... Маку насѣять для охоты. Бывало, въ уголушкѣ тамъ, къ погребку, макъ сѣяли: глаза порадовать!..

И нападала на него жадность — сажать, сажать... Думалось, хорошо бы яблонекъ хоть парочку посадить—бѣлаго налива, китайскихъ: осыпучія бываютъ. И стояла въ немъ дума, не дума,—не привыкъ онъ вдумываться до конца,—а какъ бы тѣнь думы невеселой, что поздно. Надо бы раньше, исподволь все завести, и теперь были бы яблони. А капуста!.. И вспоминалась крѣпкая, съ заморозками, осень. Уже октябрь, уже въ

кадушкахъ вода пристывала по ночамъ. Рѣзали въ сѣнцахъ капусту, тугую, бѣлую, съ хрустомъ вспарывали вилки, вырѣзывали кочерыжки. Откусишь—даже звякнетъ. Съ пѣснями рубили...

За дѣлами въ Москвѣ и въ голову не приходило, что есть еще дѣла, которыя ему по сердцу, какъ теперь вотъ: взялъ бы вотъ лопату и сталъ копать. А нельзя, нельзя теперь, — и силъ нѣтъ, и вредно. Было даже любо смотрѣть, какъ Степанъ, хоть и неумѣло, выворачиваетъ черную землю съ хрустомъ, сѣчетъ розовые корешки, выкидываетъ бѣлыхъ хрущей. Пробудилась давняя въ немъ, отъ поколѣній зачатая, — страсть — сажать, сажать, растить.

А издали слѣдилъ за нимъ бѣлый Ванюшка, крутилъ жгутомъ и дралъ зубами прутокъ, смотрѣлъ по верхъ прутика — строгій дѣдушка, большой.

Бѣлѣло что-то за плетнемъ огородика, съ уголка, къ избѣ Семена Мороза. Приглядѣлся Данила Степанычъ: маленькая дѣвчоночка задрала платьишко, присѣла и выглядываетъ изъ бурьяна, красная.

— А-ты, какая... разсѣлась!..

И посмѣялся, какъ шурхнула дѣвчонка по лопухамъ на задворки. Знакомое, бывалое все. Такимъ и осталось. Такимъ и будетъ.

Пришли бѣлые гуси съ рѣчки, за ними утки. Стояли у крылечка, просили у бабушки Арины ѣсть. Пошипѣлъ гусакъ на Данилу Степаныча, покружилъ шеей, погрозилъ уклонуть и затрубилъ, затрубилъ...

И каждый день много было тихихъ и радостныхъ дѣлъ у Данилы Степаныча: то огородикъ, то пасѣлка, то посидитъ у сарайчика, подъ малинкой, пьетъ свою воду, съ Ванюшкой поговорить. Загадки даже загадывалъ. Тыкалъ въ животъ, выпятившійся надъ опояской, спрашивалъ:

— А ну-ка, что будетъ? „Въ лѣсъ путь-дорога, на пупкѣ тревога, въ брюхѣ—яромонка?“ Ну?

Ванюшка пятился, прижималъ золотушный подбородокъ къ рубахѣ и глядѣлъ исподлобья въ густую бѣлую бороду, въ желтое пухлое лицо. Глядѣлъ и думалъ: какая борода-то, какъ вѣникъ!

— Ну, что? Вотъ и не знаешь... рубаху-то квасомъ залилъ? Во-онъ онѣ! — показывалъ Данила Степанычъ на колоды.

Стояли онѣ, какъ старые червивые грибы-березовики, въ высокой травѣ.

То по садику ходилъ, смотрѣлъ на свои высокіе подсолнухи, уже начинавшіе темнѣть усатыми маковками, и радовался. И то голуби, то проскакивавшіе со двора въ дырки палисадника чернымъ горошкомъ породистые цыплята.

— Шшш!..

IX.

Прошли теплые дожди, пошли бѣлые грибы-колосники. Какъ-то, поутру, подослала мать Ванюшку съ кузовкомъ къ Данилѣ Степанычу.

— Поди, поди... не бойся...

Ванюшка терся у заборчика, боялся итти. Сказалъ сипло въ прорѣзъ палисадника:

— Грибовъ на!

— Да громче ты, не слышитъ...

— Грибовъ на!! — крикнулъ Ванюшка.

Услыхалъ Данила Степанычъ, подошелъ къ забору, увидалъ въ кузовкѣ буренькія шляпки, и захотѣлось ему свѣжаго гриба на сковородкѣ, хоть и запретилъ докторъ.

— Ну, давай, давай... Ужъ и грибы пошли!

— Грибы пошли... — сказалъ Ванюшка, смотря въ кузовокъ.

И не видалъ, какъ мать показывала ему съ уголка: отдай!

— Кому жъ грибы-то?

— А вотъ набрали... — сказалъ Ванюшка, шмыгая носомъ и колукая пальцемъ въ лукошкѣ.

Взялъ Данила Степанычъ грибы, далъ Ванюшкѣ двугривенный, наказалъ матери снести. Сказалъ, щурясь:

— Вотъ бы ты меня и сводилъ бы по грибы-то, показалъ...

— Они въ лѣсу-у...

И пустился, зажавъ въ кулачкѣ двугривенный. Набѣжалъ на мать, уткнулся въ животъ головой и показалъ двугривенный.

А Данила Степанычъ, хоть и шутилъ, а на другой день, чувствуя въ себѣ силы, ходилъ по ельнику, у деревни, съ работникомъ, — грибы смотрѣлъ. Не нашелъ хорошихъ, — далеко было до березняка, — зато послушалъ, какъ хорошо ворковали ветютни. Сидѣлъ на пенкѣ, откуда черезъ рѣдкій лѣсокъ виднѣлась тихая Ключевая. Господи! Сколько разъ такъ, бывало, сидѣлъ, давно-давно! Бывало, возвращались съ дальняго лѣсу, изъ-подъ Скачкова, съ грибами. И Сенька Морозъ, и Танька, и еще... Считали въ елкахъ, у кого сколько. Тогда тоже елки маленькія были, поросль. Чистили корешки. А позади, гдѣ былъ тогда старый соснякъ, играли ветютни, — то тутъ, то тамъ, — заманивали, а близко не подпускали. А на деревнѣ синіе поздніе дымки кой-гдѣ...

— Это что жъ, по-твоему, уркаетъ... ур-уррр? — посмѣиваясь глазами, спрашивалъ Данила Степанычъ работника.

Степанъ подымалъ бѣлыя брови, настороженно-вдумчиво глядѣлъ на верхушки елокъ и хитро прислушивался.

— А это... ужъ какая-нибудь птица, Данила Степанычъ... Можетъ, коршунъ гдѣ въ гнѣздѣ... а похоже, какъ скворецъ...

— Скворецъ! Ветютень это!!

— Возможная вещь, что...

И опять слушалъ, завернувъ голову къ глубинѣ льса.

— Ничего-то ты не знаешь... Возможная вещь! Не жилъ въ деревнѣ, вотъ и не знаешь.

— Никакъ нѣтъ, Данила Степанычъ, не знаю. Я сызмальства все въ Москвѣ. У насъ папаша блинками въ Охотномъ торговали, а мы въ услуженіе пошли. Я вотъ при баняхъ мальчикомъ стоялъ, въ дворянскихъ... простынки накидывалъ, потомъ въ молодцахъ... Очень хорошо въ лакеяхъ въ богатомъ домѣ, но только хорошая одежда требуется...

— То-то ты и гриба не знаешь... Говоришь, сыроѣжка это... — показалъ Данила Степанычъ на грибъ въ корзиночкѣ. — Какая же это сыроѣжка! Свинуха это! А это вотъ... лисичка, желтенькая-то... а это валуй. А это... Ну, что это? Вотъ и не знаешь!..

— Не могу знать...

— Ко-зленокъ!

И было ему радостно учить ротастаго, бѣлобрысаго Степана, — съ придурью онъ! — всему своему деревенскому, прошлому, которое помнилъ еще, и радъ былъ, что помнилъ. Самъ себя провѣрялъ, помнить ли. Присматривался къ кустамъ: все помнилъ. Узналъ и показалъ Степану волчьи ягоды, на лужку призналъ отцвѣтавшую уже любку, липкую смолянку. Молодыми радующими глазами смотрѣло на него все, словно потерялъ, было, онъ все это, а теперь неожиданно нашель опять. Все приводило за собой изъ прошлаго многое, — не назовешь, что, а только порадуешься, прикоснешься душевно, какъ было въ первую зорю, когда игралъ подъ окномъ Хандра-Мандра. И грибы-то набралъ никудышные, могъ бы купить бѣльевою корзину настоящихъ бѣлыхъ, а показывалъ палкой каждый грибъ и наказывалъ класть въ корзинку. Услыхалъ дятла, остановился, — гдѣ сидить-долбить?

— Вонъ они, за сучочкомъ-то...—растягиваль губы и показываль пальцемъ Степанъ. — Вонъ они теперь перелетѣли... на сучочекъ-то... головкой-то внизъ висить... головкой-то стучить...

— Бѣлки тутъ бывали...

— Ужель даже бѣлки?! Вотъ какое ваше мѣсто замѣчательное! Все есть. И медвѣди, и... все!

Легко было дышать въ лѣсу поутру. И не мучила одышка, какъ въ Москвѣ. Пройдешь, посидишь. И нѣтъ-нѣтъ и подумается: какъ на стройкѣ, какъ торговали бани въ субботу, уплатить ли въ срокъ, къ іюлю, Коровинъ за аренду „семейныхъ“... Слышаль даже, какъ стучать молоточки кладчиковъ, шумять ноги по доскамъ на лѣсахъ. А здѣсь-то какъ тихо!

Дошелъ до большого омута, „монастырскаго“, — дорожка къ монастырю тутъ, — гдѣ когда-то, и самъ не помнилъ, была запруда. Взглянуть, остались ли головли. Хорошо помнилъ ихъ: ни за что нельзя было взять ихъ бреднемъ, — весь былъ въ карчахъ и затопленныхъ сучьяхъ старый омутъ. Посидѣли на бережку, поглядѣли на тихую желтоватую въ тѣни кустовъ воду. Были головли. Стояли на солнышкѣ темными полѣшками, пошевеливая красными плавничками, сытые, давніе. Можетъ-быть, тѣ же все: вѣдь рыба долго живетъ.

Показаль Данила Степанычъ палкой:

— А это вотъ головли... При мнѣ еще были!

— Головли?! Во-отъ... — и смотрѣлъ на головлей вдумчиво.

За омутомъ, на отвѣсной стѣнѣ обрыва, заросшаго березнякомъ, шелестѣли и встряхивались кусты. Выставилась въ зелени голова въ красномъ платочкѣ и спряталась. Падали зеленыя вѣтки, и призналь Данила Степанычъ, что вѣники это рѣжутъ — въ бани, въ его бани, сыну Николѣ, шесть рублей тысяча. Думалъ, что должны бы быть пни тамъ березовые, — гонять и гонять они сколько лѣтъ все молодые побѣги, а послѣ

Успеньева дня, какъ дожди, высыпаютъ по пнямъ опята. И захотѣлось ему на жарѣ горькаго чего-нибудь, горьковатыхъ опять, соленыхъ, какъ, бывало, засаливали ихъ кадочками и зарывали въ ледъ до поста. Крѣпко хрустятъ на зубахъ. И сказалъ Степану:

— Не забыть бы сказать Аринушкѣ, наказала бы она... есть ужъ, можетъ... осиновичковъ да березовичковъ понабрать... посолить бы...

Тоже похрустываютъ. А до опять далеко еще...

Х.

Не скучно было Данилѣ Степанычу, безъ своихъ: навѣщали.

Прислалъ Николай Данилычъ гостить къ дѣдушкѣ сиротъ: Мишу и Санечку. Свѣтловолосые были они, бѣленькіе, какъ изъ воска, хрупкіе, — болѣзными называла ихъ Арина, — въ покойную мать. Тихіе были, особенно Санечка.

Приѣхала она въ коричневомъ платицѣ, въ черномъ фартучкѣ, — показаться, что поступила въ гимназію, — показала и переодѣлась въ синенькое, какъ наказывала тетя Ольга Ивановна. До обѣда сидѣла въ садикѣ на скамеечкѣ, завернувъ ножку за ножку, и вязала кружевца изъ миниардиза. Такъ наказывала ей Ольга Ивановна. А Миша не отходилъ отъ Данилы Степаныча, помогаль выгонять изъ сада цыплятъ и рассказываль про училище.

За обѣдомъ Данила Степанычъ радовался на внучковъ, какъ они хорошо сидятъ. Оттого и смиренные такіе, что сиротки. Вспоминаль пропавшаго на войнѣ сына, скорбѣль и успокаивался, что положилъ на внучковъ по пять тысячъ, а Николя и Ольга Ивановна воспитаютъ и не обидятъ. Гладилъ Санечку по тонкой косичкѣ въ голубомъ бантикѣ и жалѣль, — худенькая какая! И Мишу жалѣль: тонкій какой да блѣдный.

Послѣ обѣда уходилъ отдохнуть и отпускалъ погулять до ужина. А когда была дурная погода, собирались всѣ въ зальцѣ, и Санечка, — любила ея тонкій голосокъ Арина, — читала Четы-Минеи. Данила Степанычъ подремывалъ, Арина вязала чулокъ, а Миша сверлилъ гвоздикомъ для свинчатки бабку или вертѣль пѣтушковъ изъ старыхъ тетрадокъ. Такъ и сидѣли всѣ четверо. А по уголкамъ, какъ подходилъ вечеръ, начинали шуршать черные тараканы, не покинувшіе стараго мѣста. Всегда у Арины водились тараканы, — къ прибыли, говорятъ, — и рада была она, когда и на новосельи увидала перваго таракана, покрестилась даже. Теперь ихъ было много: всѣ приползли. И когда читала Санечка, то поджимала тонкія длинныя ноги въ черныхъ чулочкахъ: боялась таракановъ.

И не скучно было Данилѣ Степанычу. По воскресеньямъ пріѣзжалъ на автомобилѣ Николай Данилычъ, — иногда съ семьей, а то одинъ съ докторомъ.

Въ урочный часъ Данила Степанычъ поджидалъ у садика, на скамеечкѣ, посматривалъ къ ельнику, откуда пріѣзжали: не услышитъ ли знакомаго гудка. Миша и Санечка издалека еще признавали торкающій шумъ машины, кричали, что ѣдетъ дядя. А Данила Степанычъ не слыхалъ.

— Такъ, можетъ... елки шумять...

А потомъ видѣлъ, что и ребятишки бѣгутъ за деревню, — значитъ, ѣдетъ. И самъ начиналъ слышать веселые вскрики хрипучаго гудка: ѣдетъ. И уже слѣва, близко, изъ Медвѣжьяго Врага начинало стучать на лѣсной стѣнѣ и гудѣть. Выкатывала изъ ельника красная машина, мягко катила спускомъ, по травяной дорогѣ, въ лаѣ наскაკивающихъ собачонокъ. Были видны широкія плечи въ чесучѣ, — Николя! — красный зонтикъ невѣстки, голубой шарфикъ Паши и плотно, какъ въ креслѣ, сидящаго шофера Попова, въ гороховомъ балахонѣ и кепкѣ, знающаго свое дѣло. Что имъ полсотни верстъ! — Два часа. Мягко подкатывали развалкой, По-

повъ, не ворочая головы, подымалъ кепку, а Миша трубилъ-трубилъ, и въ оврагѣ трубило.

Какіе все рослые!

— Все въ Москвѣ слава Богу! Торговали хорошо...
Стройка идетъ...

Вечеромъ уѣзжали, и опять Данила Степанычъ слушалъ, какъ гложнетъ гудокъ за елками, и таеетъ пріятно-трескучій шумъ.

XI

Пріѣзжалъ иногда съ Николаемъ Данилычемъ и докторъ Цвѣтковъ, и каждое воскресенье — а послѣднее время и по буднямъ, — шумно подкатывалъ на мотоциклеткѣ любимецъ-внукъ, Сережа, студентъ Коммерческаго института, веселый здоровякъ, съ золотыми кружочками на плечахъ. Несла ему Софьюшка тряпку, помогала вытирать пыль съ машинки. И когда сидѣли они рядомъ, Сережа и Данила Степанычъ, одинъ — съ пушистымъ румянцемъ и упруго завившейся русой прядкой на лбу, а другой — одутловатый и желтый, съ бѣлыми, еще не сдающимися прядями на вискахъ, видно было, что это родные. Были похожи широкіе открытые лбы и носы луковицами, — добрые русскіе носы. А серединою между ними былъ Николай Данилычъ, покрупнѣй и пошире Сережи, уже сѣдѣющій чуть-чуть по вискамъ, съ мѣднымъ отъ загара лицомъ и волосатыми руками сильнаго, дѣловаго человѣка.

Докторъ былъ „свой“, — вылѣчилъ Николая Данилыча отъ тифа, — и поговаривали, что, можетъ, и совсѣмъ своимъ человѣкомъ будетъ: нравился онъ старшей внучкѣ, Любѣ. Былъ подстать семьѣ, такой же здоровякъ, только порядкомъ лысый съ чего-то, ходилъ щеголевато, во всемъ цвѣтномъ и мягкомъ, съ цвѣточкомъ ромашки или колокольчика за кармашкомъ.

Сейчасъ же садились за пирогъ, и докторъ съ будущимъ тестемъ пили черносмородинную листовку.

— А лихо у васъ! — хвалилъ докторъ.—Пейзажъ, и всякая штука... Ужъ заведу я себѣ какъ-нибудь, на дняхъ, такую-эдакую... виллу!

— Коровинъ что-то тянетъ... не платитъ...—похмуриваясь, говорилъ Николай Данилычъ.—Вчера поставку заключилъ съ Полянкиными... полтора милліона кирпичу.

—У-у... что много? — опасливо спрашивалъ Данила Степанычъ.

— Не много, а... мало! По двадцать семь взяли, а сегодня звонили отъ Шмурыхина—тридцать два, ни копейки меньше. А надо мнѣ до двухъ. Рвутъ,—на осень вся выработка запродана...

И когда ѣлъ пирогъ, и когда чокался съ докторомъ, бѣжали по крѣпкому мѣдному лицу дѣла, дѣла. А докторъ смѣялся, что Поповъ такъ и просидитъ до вечера въ автомобилѣ. Посылали ему пирога на тарелкѣ и стаканъ краснаго бессарабскаго.

Данила Степанычъ забывалъ, что ночью опять не спалъ отъ удушья,—заливало, что поутру опять заходило сердце. Опять захватывали „дѣла“, и такіе все крѣпкіе, молодые были возлѣ. И Сережа подбадривалъ:

— А у васъ, дѣдушка, видъ совсѣмъ превосходный... подзагорѣли...

— Отъ тебя перешло. Ишь, насажалъ, — тыкалъ Данила Степанычъ въ Сережину тужурку, — крендельковъ! А я вотъ такой же былъ... шель, помню, въ Москву за счастьемъ... и машины еще не было... Полотенчико черезъ плечо, мѣшочекъ, а въ мѣшочкѣ-то... портяночки да рубаха... да хлѣбца...

— Были тѣ времена, Данила Степанычъ, до-историческія...—говорилъ докторъ, вынимая изъ-за вспотѣвшаго ворота салфетку и вытирая ею лысину.—Да вы и теперь еще верстъ двадцать отколете! Ну-съ, теперь слушаемся, какія-такія у васъ новости. Грибки, вотъ, все кушаете...

Уходили въ спальню, гдѣ душно пахло аѳонскимъ масломъ отъ лампадокъ, выпотомъ стараго тѣла и лѣкарствомъ.

— Окошечки-то открывать бы надо. А ну-те-съ... присядемте на креслице...

Опускаясь на-корточки, пряча красную шею въ складки набѣгающей чесучи, посапывалъ и выслушивалъ сочнымъ ухомъ, а Данила Степанычъ видѣлъ у самыхъ глазъ запотѣвшую розовую лысину съ вѣточкой жилы въ видѣ крыжика и слышалъ, какъ крѣпко пахнетъ отъ доктора табакомъ и одеколономъ. Посматривалъ на темную Казанскую, на крышу Семена Морозова въ окошкѣ, мшистую, бархатную. Тяжело дышалъ.

— Хорошо-съ... Теперь не дышите-ка...

Не дышите, когда опять заливало!

Потомъ оттягивалъ кожу, нажималъ пальцемъ, мять животъ, запуская руку, какъ въ тѣсто. Стучалъ и выслушивалъ сзади—спину и надъ спиной. Нажималъ и у кисти, и у висковъ, разглядывалъ губы и глаза. А Данила Степанычъ сидѣлъ покорно и тоскливо-растерянно.

— Хо...ро-шо-съ... Это мы пока оставимъ... — говорилъ докторъ, встряхивая пузырекъ и для чего-то разглядывая на свѣтъ. — А порошочки поглатывайте.

— А пилюли вотъ?

— Пилюли? Оставимъ-ка ихъ до зимы! А воды жарьте... но..! не больше, какъ... полстаканчика!..

— И что такое у меня...—жаловался Данила Степанычъ, радуясь, что докторъ говоритъ про зиму. — И сонъ ничего, и... А вотъ въ голову отдаетъ... и звонъ...

— А какъ вы думаете, молоды мы съ вами? Ну, и попито, небось, и... Юдистаго вотъ пропишу вамъ... Ну, еще поживемъ!..

Потомъ шелъ съ Сережей купаться, лазилъ по обрывамъ, гоготалъ тамъ, вызывая эхо, за обѣдомъ опять выпивалъ съ Николаемъ Данилычемъ и вечеркомъ уѣз-

жали съ нимъ, увозя корзиночку земляники и ведро раковъ.

А этого было въ изобилии въ Ключевой и заготовлялось Данилой Степанычемъ къ воскресеньямъ. Узнали, что охочъ старикъ покупать у ребятъ, стали носить, — кто что. Къ утру собирались на луговинѣ и ждали подъ рябинами: вотъ выйдетъ сейчасъ Данила Степанычъ съ холщевымъ мѣшочкомъ, гдѣ у него мѣдяки — банный сборъ. Сперва приносили ландыши и душистую любку — пуками. По полянкамъ, въ березнякѣ, по всѣмъ луговинамъ много было ея, сплошь иногда попадались полянки въ тоненькихъ восковыхъ свѣчечкахъ. И оставалось еще у Данилы Степаныча въ памяти, — когда привозилъ онъ сюда жида-компаньона, закупили они этой любки цѣлые вороха, поставили на ночь въ ведра, чтобы везти въ Москву, а на-утро угорѣли отъ запаха. Приносили ребята первые, радостные, пучочки земляники, потомъ стали носить на блюдечкахъ, таскать кувшинами: много было ея по вырубкамъ. Приносили рыбы, сколько кто могъ наловить руками въ норахъ, приносили раковъ. Раковъ не ѣлъ Данила Степанычъ, а внуки и Николай Данилычъ любили. Для нихъ онъ скупалъ раковъ, — копейка пара, — наказывалъ собирать въ крапиву — и на погребъ. Въ июлѣ повалили съ черникой и гонобобелью. Показывая вздутые животы съ завернутыми пупками, самая мелкота несла въ подолахъ рубахъ зеленый горохъ: матери подсылали. И многихъ зналъ теперь Данила Степанычъ, — новую Ключевую.

Праздничными были для него воскресенья, когда прѣзжала „гусынюшка“ съ Пашей и Любой. Такъ называлъ онъ невѣстку Ольгу Ивановну. Взялъ ее Николай Данилычъ изъ московской семьи богатаго булочника, и она принесла за собой пятьдесятъ тысячъ. Въ молодости была тонка, какъ тростинка, съ голубыми задумчивыми глазами, а теперь раздобрѣла и лѣчилась отъ полноты. Начала рожать каждый годъ, родила

троихъ, а потомъ заполнѣла и перестала. Всѣ вышли хорошей породы, освѣженной деревенской крови, рослые, свѣтловолосые, широкіе, съ крѣпкимъ румянцемъ и ласковыми глазами. У всѣхъ были хорошія груди, и когда смѣялись Паша и Люба, въ груди у нихъ звенѣло, какъ хрустали. Всѣ были очень похожи, только у Паши носъ былъ въ Лаврухиныхъ, покойный и добрый, а у Любы съ горбинкой — въ булочниковъ.

Только рѣдко пріѣзжала „гусынюшка“, — кружило ее на автомобилѣ, а ѣхать со станціи двадцать верстъ лошадьми — трясеть. Зато, когда пріѣзжали, былъ праздникъ. Тогда Паша и Люба брали Данилу Степаныча подъ руки и водили по садику, показывались съ нимъ на деревнѣ, какъ два ангельчика, — такъ и называлъ ихъ, — щекотали пушистыми волосами щеки и такъ хорошо говорили — дѣдуся: осталось это у нихъ съ дѣтства. И шло на него отъ нихъ тихими радостями недавняго и настоящаго. И жаловался, что не торопятся выйти замужъ. Все спрашивалъ любимицу Пашу:

— Что, гренадерша, все не плачетъ подушка-то, а?

— Не плачетъ еще... — смѣялась Паша и баловливо тарасила на него глаза.

— Отъ васъ дожدهшься!

И грустно провожалъ ихъ съ корзинами, кузовками и букетами. Стоялъ и смотрѣлъ въ темный конецъ деревни, къ ельнику, а Санечка осторожно трогала за рукавъ и говорила:

— Дѣдушка, вамъ вредно... роса...

ХІІ.

Ѣздилъ Данила Степанычъ къ обѣднѣ — иногда въ монастырь, иногда въ скитъ, поближе. Приходило на мысль, — а не уйти ли въ скитъ? А потомъ раздумывалъ: что больному-то итти: и такъ, какъ въ скиту, живеть.

Узналъ какъ-то отъ Семена Мороза и удивился, что Серега Калюгинъ, хромой, уже давно живетъ въ здѣшнемъ скиту, лѣтъ тридцать, какъ принялъ постригъ, и теперь имя ему о. Сысой, и вышелъ онъ въ схимонахи. Не вѣрилось: Серега Калюгинъ — схимонахъ! Драчливый его не было во всей округѣ. Пробили ему голову „на стѣнкѣ“ съ шаловскими, повредили ногу. А теперь схимонахъ! И не только схимонахъ, а принялъ великое послушаніе, и теперь второй годъ молчитъ. А какой ругатель-то былъ отчаянный!

Нарочно поѣхалъ въ скитъ, попросилъ показать ему Сысою. Увидалъ сухенькаго, хроменькаго старичка въ схимѣ — колпакомъ. Сидѣлъ у него въ келейкѣ, спрашивалъ:

— Какъ же это ты такъ... дошелъ?

Молчалъ о. Сысой, смотрѣлъ ласково и покойно изъ-подъ колпака съ крестомъ и костями, жевалъ сѣрыми губами. Чуть только и могъ разобрать Данила Степанычъ по широкимъ вывернутымъ ноздрямъ, — остались онѣ, — что это, дѣйствительно, Серега Калюгинъ: смотрѣли онѣ парой темныхъ дырокъ на восковомъ носу въ тронутыхъ тлѣномъ щекахъ. Только и говорилъ о. Сысой, кланяясь:

— Молчу, сынокъ... молчу...

И по глазамъ его видѣлъ Данила Степанычъ, что призналъ онъ его, — сказалъ о себѣ, что Данила Лаврухинъ, — а говорить не можетъ. Только расширились глаза, потомъ укрылись подъ колпакомъ, а худые, какъ восковые, пальцы забѣгали по четкамъ. Благословился и поцѣловалъ руку, холодную, какъ ледышка. И въ келейкѣ у Сысои было сыро и холодно, а за двойными мутными рамами стоялъ теплый іюнь, и распустился подъ окномъ кустъ жасмина.

Спросилъ сокрушенно:

— Не надо ль тебѣ чего, о. Сысой?

— Молчу, сынокъ... молчу...

Такъ и не доискался у него, какъ онъ „дошелъ“, и хорошо ли ему. И когда выходилъ, нагибаясь, чтобы не убиться о притолоку, услышалъ:

— Милостыньку твори.

Обернулся, а о. Сысой стоялъ передъ уголкомъ, молился.

Ъхалъ Данила Степанычъ на своемъ тяжеломъ и тихомъ конѣ, въ покойной пролеткѣ, и думалъ о Сысоѣ... Думалъ, что вотъ готовится человѣкъ, важное у него есть, свое, за жизнью. Къ этому-то важному и готовится. И стало ему грустно и тревожно. А онъ-то что же не готовится? Тотъ ужъ давно готовится, тридцать лѣтъ...

— Господи, Господи!..

— Чего изволите-съ? — спросилъ, оборачиваясь къ нему, Степанъ.

Поглядѣлъ Данила Степанычъ на его дурковатое лицо и махнулъ рукой.

Березовой рощей шла дорога. Широкіе кусты орѣшника протягивали надъ головой ярко-зеленые въ солнцѣ зонты съ темнѣющими гроздочками новыхъ орѣховъ, шурхали по степанову картузу, брызгали нескатившимся съ утра дождемъ. Въ глухой сторонѣ, влѣво, куковала кукушка чистымъ, словно омытымъ въ дождѣ голоскомъ. Послушалъ, и стало еще тоскливѣй. И пока ѣхали березовой рощей, безъ-устали куковала кукушка.

Спустились на луговину, къ рѣчкѣ. Здѣсь она выбѣгала изъ-подъ ключевскихъ обрывовъ и текла на свободѣ петлями и завертками, вся извертѣлась, какъ вольная дѣвчонка. Трава была здѣсь высокая и густая, и всегда много было по мелкимъ кусточкамъ крупныхъ голубыхъ колокольчиковъ, а въ осочкѣ прятались незабудки. Солнечно было здѣсь, парило съ сырого лужка, и носились стрекозы. Знакомое мѣсто. А какъ разрослись ольхи! А раньше было совсѣмъ голое мѣсто.

Возлѣ дороги, подѣ ольхой, осыпанной, какѣ охрой, желтыми крупками плѣсени, сидѣлъ старикѣ, лежали на холщевой сумѣ корочки, и стояла на травкѣ ржавая кружка съ водой. Старикѣ макалъ въ нее хлѣбѣ. Данила Степанычѣ тронулъ Степана палкой.

— Погоди-ка... Отколѣ дѣдушка?

Старикѣ приложилѣ ладонѣ съ зажатой въ пальцахѣ поблескивающей корочкой, всматривался противѣ солнца. Увидалѣ большого коня, богатую пролетку и важнаго старика въ бѣломѣ картузѣ. Закланялся.

— Тебя спрашиваютѣ! — окликнулѣ Степанѣ. — Откудова ты?

— Корми-лець... батюшка... спаси Христось...

Данила Степанычѣ досталѣ большой кошелекъ, вынулѣ пятакѣ.

— Принимай милостыню! — опять закричалѣ Степанѣ. — Дозвольте, я кину...

— Не найдетѣ... Прими, дѣдушка.

Старикѣ понялъ. Потянулѣ за вырѣзанной винтомѣ по корѣ палочкой, перевалился на четвереньки и показалѣ двѣ дерюжныя заплаты на синихѣ пестрядинныхѣ штанахѣ и сухенькія, въ онучахѣ, ноги; сталѣ на одно колѣно, покачался, отыскивая палочкой упора, и съ трудомѣ поднялся. Шелѣ, покачиваясь, къ пролеткѣ, открывѣ темный ротѣ, заранѣе вытягивая руку, — то-ропился.

— Да откудова ты... слабый-то такой, а ходишь... Дома тебѣ сидѣть надо.

— Кормилецѣ-батюшка... спаси Христось... — сипѣлъ старикѣ пустымѣ ртомѣ, принимая пятакѣ въ пригоршню.

— Не слышитѣ, а деньгу любить, — сказалѣ Степанѣ. — Спрашиваютѣ тебя, ты откедова? — крикнулъ онѣ къ самому уху, нагибаясь съ козелѣ.

— А-а... А съ Манѣ-кова...

— А чей съ Манькова-то? — спрашивалъ Данила Степанычъ, и кричалъ на ухо Степанъ.

Старикъ поглядѣлъ на Данилу Степаныча, на коня, на свою палочку и повторилъ:

— Съ Мань-кова...

— Ступай! — сказалъ Данила Степанычъ работнику.

— Вовсе онъ оглупѣлъ! — сказалъ, оборачиваясь, Степанъ. — А вотъ тоже они, такіе... ходять-ходятъ, а потомъ большіе капиталы послѣ ихъ находятъ...

„Въ чемъ душа, — думалъ Данила Степанычъ. — Какъ-нибудь такъ и помретъ на дорогѣ... Привалится подъ кустикъ и отойдетъ“.

И вспомнилось, сколько ихъ ходить къ Аришѣ, а она каждому выносить ломоть хлѣба. А въ городѣ и просить не дозволяютъ.

„Нехорошо. Для такихъ должны быть богадѣльни, чтобы хоть умирать было гдѣ. Въ каждой деревнѣ бы такіе дома, что ли бы, надо“...

Вспомнилъ, что сказалъ ему на прощанье Сысой, и подивился: сказалъ ему милостыню творить, а этотъ и тутъ-какъ-тутъ. Какъ знаменіе указалъ. И сталъ думать, что жить ему немного остается, недолго потянетъ и Ариша. А его домъ останется. Пусть такіе живутъ, — сынъ жить все равно не будетъ ужъ, — не крестьянинъ, а потомственный почетный гражданинъ.

Бѣхалъ и смотрѣлъ, какъ тихо и сумрачно въ еловомъ лѣскѣ. И птицъ не слышно. Пахло смолой и сухой иглой, красно было подъ елками отъ нея, мягко и глухо. Темно въ глубинѣ. Позади, въ скиту, звонили въ небольшой колоколъ къ трапезѣ.

„... А въ Москвѣ-то теперь жарница, пылица, стукъ“...

И радостно вздохнулъ: отбѣгался онъ, отстроился.

И сталъ день за днемъ раскрывать свой большой кошелекъ и раздавать пятаки. Наказалъ Николаю Да-

нилычу возить мѣдь въ мѣшочкѣ, банную мелочь. И дивился: сколько ихъ, останавливающихъ подъ окошками! И раньше захаживали въ Ключевую проходомъ и получали хлѣба, а теперь стали чаще и больше ходить. Приходили старухи въ выгорѣвшихъ платочкахъ на трясущихся головахъ, безъ лица,—такъ, коричневые, сморщенные пятна. Приходили старики такіе, что вѣтромъ качало, приходили ребятишки. Пестрые лохмотья, рваные бурые кафтаны, заплаты, отъ которыхъ пахло задохнувшейся бѣднотой. Шли съ округи, шли изъ далекихъ мѣстъ. Приходили погорѣвшіе, совали въ окошки истрепанныя бумажки. Гуськомъ тянулись слѣпцы, — Богъ ихъ знаетъ, — слѣпые ли, такъ ли, непристроившійся, загулявшій народъ. Стояли прямые, смотрѣли въ темную пустоту деревянными лицами. Сколько всякихъ! Ползла на Данилу Степаныча рваная сила ихъ, узнавая, что дадутъ деньгами безъ отказа. Приходилъ, вродѣ какъ дурачокъ, Ленька Червивый, раскладывался на лужайкѣ, у погреба, доставалъ бутылочку съ бурой мазью и начиналъ растирать покрытую язвами ногу. Содрогнулся даже Данила Степанычъ, когда узналъ, что томленными червями растираетъ Алешка ногу, потому и звали его — Червивый. Часто видалъ его Данила Степанычъ у монастыря: сидѣлъ Алешка у главныхъ воротъ на травкѣ и показывалъ свою ногу. Говорили, что ушелъ онъ изъ дому изъ-за тяжелого духу, жилъ по сараямъ и добывалъ ногой пропитаніе.

Всѣхъ пріючала Арина, давала хлѣба, протягивала изъ окошка ломоть и никогда не смотрѣла, кто тамъ, слушая два голоса,—тотъ, что шелъ съ воли, и другой, что говорилъ въ ней: дай, не смотри.

Приходили силачи-парни въ драныхъ картузахъ, съ буйными лицами, съ налитыми глазами, пропойные, съ пустыми корзинами и взглядами исподлобья, гудѣли:

— Баушка Арина, подай хлѣбца проходящему!

И къ нимъ протягивалась рука ея.

XIII.

И вотъ наступило десятое число іюля, и справляли именины Данилы Степаныча.

Пріѣхаль Николай Данилычъ съ семьей, привезъ пироги, всякихъ закусокъ, винъ, фруктовъ. Пріѣхали еще наканунѣ кухарка-повариха и горничная Маша — помогать: справляли заодно именины и Ольги Ивановны. Были московскіе гости: семья булочниковъ, шесть челоуѣкъ,—старые и молодые,—докторъ Цвѣтковъ съ сестрой и банный арендаторъ Коровинъ, мужчина большого вѣса, краснолицый, коротко стриженный, съ бычьей шеей и узкимъ лбомъ. Какъ только сошелъ съ извозчика, тутъ же у садика и поднесъ Данилѣ Степанычу пирогъ въ расписной картонкѣ и сказалъ хмуро:

— Вотъ куда вы заѣхали, а мы васъ вездѣ сыщемъ. И потому позвольте васъ поздравить со днемъ вашего ангела и пожелать, чтобъ!..

Пріѣхаль съ колокольцами, парой, въ рессорномъ тарантасѣ, богачь-крестникъ изъ Шалова, Василій Левонычъ Здобновъ, маленькій, рябой и шустрый, съ Марьей Кондратьевной, въ лиловомъ платьѣ и бѣлой шали съ бахромками. Они тоже привезли пирогъ въ засиженной мухами картонкѣ, по особому заказу изъ городской булочной Воронина, залитый краснымъ, съ сахарными словами — „Въ дѣнь Ангела“. Какъ вошли, стали говорить, что все собирались, а вотъ теперь собрались, и хоть Николай бы Данилычъ, — ужъ и не ждемъ кресинькаго,—съ барышнями да сыномъ поглядѣли, какъ они теперь живутъ, и какъ у нихъ въ Шаловѣ хорошо,— какъ имѣніе. Сейчасъ же стали показывать новыхъ лошадей изъ тройки отъ предводительши, а когда спрашивали о цѣнѣ, Василій Левонычъ шурился и прищелкивалъ языкомъ. На Марьѣ Кондратьевнѣ были часы съ длинной золотой цѣпочкой по животу и тяжелой передвижкой, за которую все цѣплялись бахромки

шали; она очень шумѣла платьемъ, а когда садилась, все подбиралась и смахивала со ступльевъ.

Пріѣхалъ на дрожкахъ, на рыжей костлявой лошади, становой, худой, высокій и черный, какъ въ сажѣ, въ бѣломъ кителѣ, съ проваломъ между лопатокъ и узкой длинной спиной, по которой ерзала портупья, пощелкалъ передъ барышнями каблуками, сказалъ, что на одну минутку, и остался обѣдать.

Утромъ пріѣзжалъ поздравить, по порученію настоятеля, о. казначей и поднесъ рублевую просфору — благодарилъ за позолоту иконостаса. Къ самому обѣду потрафилъ горбачевскій батюшка съ сыномъ-семинаристомъ, который остался, было, сидѣть на тарантасѣ — за лошадей присмотрѣть, но его силой заставили войти въ садъ и завертѣли барышни.

Пріѣхала на телѣгахъ и приходила поздравить дальняя родня изъ Черныхъ Прудовъ, изъ Шалова, изъ Горбачова, изъ Манькова — чьи-то свояки, сваты, кумы, кумовья, крестники и внучатные племянники. Гости обѣдали въ садикѣ, на длинныхъ столахъ, подъ развѣшанными для вечера бумажными фонарями, а этихъ кормила Арина назади, у сарайчика, гдѣ пасѣка. И всѣ были очень довольны. Ъли лапшу, студень, баранину и пирогъ съ изюмомъ. Вдоволь обносили водкой. Корзины съ пивомъ и медомъ, для бабъ, стояли высокою грудой у сарайчика въ холодкѣ, позванивали. Къ концу обѣда родня стала шумѣть и ходила опять поздравлять Данилу Степаныча, благодарила за угощенье. А потомъ стали поговаривать, что погордѣли Лаврухины: стали гнушаться, на задворкахъ принимаютъ родню. На нихъ кричали и заливали водкой. Были и не родные, пристраивались за столомъ, — всѣхъ принимала Арина.

— Откушайте на здоровье!

Совсѣмъ захопоталась она, хоть и помогали Софьюшка и беременная Дудариха; присаживалась на крыльчкѣ, радовалась въ тишинѣ, какъ хорошо все, всѣ до-

вольны и благодарятъ, а тутъ прибѣгала Санечка и говорила, что зовутъ гости, будутъ пить за ея здоровье, и дѣдушка кличетъ. И она подымалась и, радостная, спѣшила, путаясь въ раздувающейся черной, съ бѣлыми колечками, юбкѣ.

Отобѣдали на задахъ, и уже заиграли гармоньи. Илюшка и Гриша, внучатные племянники Арины, гармонисты изъ посада, въ синихъ шерстяныхъ рубахахъ съ бѣлой прошвой, въ лаковыхъ сапогахъ, начинали задорить на трехрядкахъ. Троюродный братъ Николая Данилыча, шаловскій староста, съ красной широкой бородой, все лѣзъ въ садъ къ батюшкѣ-братцу, а его удерживали бабы и говорили, чтобы не безобразилъ.

— Желаю исдѣлать... долгъ уваженія!

И Николай Данилычъ чокался съ нимъ черезъ заборчикъ.

Барышни Лаврухины бѣгали въ сѣнцы, смотрѣли на родню черезъ оконца и видѣли бабъ въ красныхъ и желтыхъ платочкахъ, мужиковъ въ красныхъ и бѣлыхъ рубахахъ и въ пиджакахъ, синихъ щеголей съ черными усиками — гармонистовъ. Дяденька изъ Шалова сидѣлъ на травкѣ, мотался въ-обнимку съ мужикомъ въ желтой рубахѣ, махалъ на тащившую его бабу и тянулъ пѣсню. За столомъ, на которомъ кипѣли два самовара и стояли бутылки пива и наливки, сидѣли разсолодѣлыя съ жары и угощенья бабы со сбившимися на шею платками и визжали:

...Ищутъ де-энь д-ищутъ два-а,
Ищутъ, можетъ, полтора-а...

Вертѣлась съ платочкомъ баба, съ выставившимся за губу зубомъ и еще красивымъ, тонкимъ, теперь задеревенѣвшимъ лицомъ, и визжала подъ голоса:

Полиняй бурдовый хвартукъ, я малиновый куплю!

Илюшка сидѣлъ на табуреткѣ въ травѣ, выставивъ лаковый сапогъ и уставясь на что-то передъ собой, и частилъ на трехрядкѣ, встряхивая плечомъ, туго обтянутымъ широкимъ ремнемъ гармони.и.

Къ вечеру пришелъ со стадомъ Хандра-Мандра, скоро напился и игралъ на жалейкѣ веселое. А когда сталъ плясать, вышли всѣ гости смотрѣть, что раздѣлываетъ Хандра. А у него разошлись всѣ спленки и хрящички, выламывался на травкѣ, загребалъ съ земли рваной шапкой, путался и хрипѣлъ, притопывая:

Конь копытомъ землю бье-оть,
Бѣлъ камушекъ вышибаетъ...

Какъ стемнѣло, гармонистовъ пригласили въ садикъ, поставили передъ ними бутылку рябиновки, и они весь вечеръ очень складно играли польки и вальсы, а молодежь, хоть и тѣсно было, начала танцы. А на задворкахъ кричала перепившаяся родня. Да и въ саду было хорошо. Хорошо выпили и тесть-булочникъ, и Коровинъ, и батюшка изъ Горбачова: подпоили его Сережа съ докторомъ. Хоть и немолодой уже былъ батюшка, а совсѣмъ разошелся, говорилъ барышнямъ любезныя слова и пѣлъ теноркомъ хорошую пѣсню, которую теперь забыли:

„Пче-олка золотая,
Что-о ты жужжишь?
Все вокругъ лета-я-а,
Мнѣ-э го-воришь?..“

Сынъ останавливалъ, шепталъ на ухо, а батюшка ругалъ его лошадиной головой и кричалъ, что „вышелъ изъ орбиты!“ Весело было всѣмъ, такъ весело, что даже Данила Степанычъ выпилъ со сватомъ-булочникомъ двѣ рюмочки наливки. А булочникъ, тоже немолодой, все

храбрился, не слушалъ Ольги Ивановны и повторялъ:
— Вотъ оно, деревенское-то удовольствіе! Да ну, тебя, къ Богу!

Санечка и Миша слѣдили за фонариками — не горятъ ли, старались услужить становому, — онъ имъ очень понравился, — и просили у Ольги Ивановны позволенія взять пирожка или персикъ. Проходившіе мимо нихъ гости гладили ихъ по головкѣ и спрашивали, въ какомъ они классѣ. Это не нравилось. Убѣгали на лужайку, гдѣ у погреба дожидался автомобиль, и просили разокъ погудѣть.

Поповъ неотлучно былъ возлѣ машины. Обѣдалъ онъ отдѣльно, на травкѣ, за маленькимъ столикомъ, накрытымъ голубой, съ желтенькими разводами, салфеткой, ѣлъ хозяйское и пилъ только пиво. Пообѣдавъ, ходилъ съ папироской и имѣлъ видъ, что въ любую минуту готовъ ѣхать. Гонялъ налѣзавшихъ ребятъ:

— Пшли! Лопнетъ!

Поглядывалъ къ задворкамъ и видѣлъ Софью въ розовой баскѣ, чернобровенькую, непокойную. Смотрѣлъ, какъ она бѣгаетъ съ тарелками, показываетъ молодое тѣло, широкіе бока въ черной юбкѣ, подаренной ей барышнями, подтянутыя баской груди. Встрѣчался взглядомъ и говорилъ, а Софья отворачивалась. Подманивалъ Ванюшку и позволялъ нажать шаръ гудка.

Еще въ прежніе пріѣзды заговаривалъ съ ней. Узналъ и пожалѣлъ, что мужъ ея, слесарь, пропалъ въ Москвѣ вотъ уже шестой годъ. Разказалъ о себѣ, что дѣло его механическое, а онъ самъ механикъ: это гораздо выше слесаря. И теперь, выпивъ полдюжины пива, все пытался заговорить и смотрѣлъ жадно на загорѣлую шею и крѣпкую розовую спину Софьюшки.

Попросилъ тряпку протереть карбураторъ, — такъ и назвалъ, — а когда она принесла, чуть задержалъ ея руку и сказалъ намекающе:

— Прокатилъ бы я васъ съ предѣльной скоростью по шоссе!

А потомъ, когда она давала ему керосину въ масленку, сказалъ игриво:

— Скучаете, небось, безъ мужчины?

Она сказала сердито:

— Не видала добра!

А горничная Маша подошла и назвала безстыжимъ.

Не зналъ Поповъ, что еще въ первый приѣздъ приглядѣлъ Софьюшку Сережа и скоро сошелся. Когда уѣзжалъ на мотоциклеткѣ по воскресеньямъ, бѣжала она, крадучись, задами деревни къ большому омуту, боясь, перебѣгала лавы и пропадала въ ельникъ, гдѣ ее поджидалъ Сережа. Тамъ она хоронилась и любила съ нимъ короткій часъ, на скользкихъ иглахъ, въ жаркой духотѣ, оставшейся ото дня. Сытый и молодой, довольный ея горячею, долго томившейся страстью, наскоро цѣловалъ онъ ее въ горячія щеки, иногда давалъ денегъ и уѣзжалъ, а она долго еще стояла на темной тропкѣ, слѣдила за отсвѣтомъ фонаря, прислушивалась, какъ все глуше и глуше потрескиваетъ убѣгающая машинка, вздыхала отъ духоты и тоски, перебѣгала неслышно лавы надъ омутомъ и опять бѣжала въ росѣ къ тихой деревнѣ.

Радостенъ былъ весь этотъ день Данила Степанычъ, — радостенъ и растроганъ. Утромъ еще, когда при немъ развязывалъ Николай Данилычъ подарокъ на именины, — обитое мягкой кожей, все на пружинахъ и волосѣ, глубокое, прямо воздушное, кресло, Данила Степанычъ заморгалъ и сквозь наплывающую сѣтку смотрѣлъ на сына, на кресло, на садъ, залитый солнцемъ, на свои подсолнухи, начинавшіе высовывать желтые язычки изъ темныхъ, усатыхъ шапокъ.

— Вотъ присядьте, попробуйте, какъ вамъ... Ну, какъ? — спрашивалъ Николай Данилычъ.

— Ухъ... Какъ въ пухъ, прямо... Вотъ спасибо тебѣ... сынокъ мой...

Сидѣлъ и плакалъ отъ радости, что любятъ его, что такъ заботятся, что... Такъ былъ полонъ тихою радостью, что и не высказалъ бы, отчего и плачетъ.

И весь день и вечеръ радовался всему.

Къ ночи стала отъѣзжать окружная родня — не оставляли гостить. Бабы увозили несговорчивыхъ. Уѣзжали довольные, благодарили. Все лѣзли въ садикъ, приставали цѣловаться, тянулись пушистыми бородами и мокрыми усами, выговаривали:

— Спасибо на угощеньи, батюшка-братецъ... Миколай Данилычъ... Дай Богъ вѣку Данилѣ Степанычу, папашенькѣ... только и пожить намъ... Накормили-напоили... не погнушались...

Запоздно стали разъѣзжаться гости, къ третьимъ пѣтухамъ. Горбачовскаго батюшку чуть не силой увезъ семинаристъ, на рукахъ поднялъ на тарантасъ, а всѣ смотрѣли, какъ батюшка упирался ногами и наступалъ на рясу. Ранней зарей, еще только начали золотиться верха Медвѣжьяго Врага, уѣхалъ Николай Данилычъ съ женой и дочерьми на автомобилѣ, — надо было ему быть утромъ въ кредитномъ, по залогу дома. Остальные поѣхали на ямскихъ тройкахъ къ утреннему поѣзду, къ семи часамъ. Осталась у двора одна телѣга, и въ ней спалъ рыжій шаловскій староста, мертвецки пьяный. Гармонисты пошли на посадъ, и долго въ Ключевой было слышно по свѣжей зарѣ, какъ хорошо играли двѣ гармоньи въ лѣсу за рѣчкой.

XIV.

Поднявшійся день былъ такой жаркій, что стало драть краску на новомъ домѣ и каплями выступала смола. Арина понавѣшала въ комнатахъ мокрыхъ простынь, чтобы было легче дышать: такъ совѣтовалъ докторъ. Данила Степанычъ ночью спалъ плохо, только къ утру уснулъ, и уснулъ такъ крѣпко, что проспалъ обѣдню. А

еще съ вечера думалъ поѣхать въ монастырь, вынуть просфору во здравіе Ольги Ивановны. Уже къ одиннадцати было, когда сошелъ въ садикъ подъ бѣлымъ зонтомъ, который держалъ надъ нимъ, вытягиваясь, Миша. Спросилъ про Санечку и узналъ, что она катается отъ зубовъ, — всю ночь не спала. Увидалъ, что съ жары что-то померкли подсолнухи, и приказалъ Степану полить. Велѣлъ вынести новое кресло и поставить въ тѣнь, подъ рябину. Вся завѣшана была пучками старая рябина, обвисала. Вспархивали въ ней хоронившіеся отъ зноя воробьи и молодые скворцы — первые выводки, пущенные въ стаи воробьятъ подъ присмотръ старыхъ. Сидѣлъ Данила Степанычъ въ мягкомъ креслѣ, какъ въ теплой ваннѣ, смотрѣлъ блаженно на серебряный шаръ на клумбѣ и видѣлъ тамъ маленькую рябину въ пучкахъ и маленькаго старичка съ бѣлой бородкой. Видѣлъ за шаромъ — зеленое все, тихое. Подремывалось... Изрѣдка мычалъ гдѣ-то тутъ теленокъ. Миша постоялъ, посмотрѣлъ, — дремлетъ Данила Степанычъ, — пошелъ клеить змѣй.

Стоялъ передъ Данилой Степанычемъ работникъ и спрашивалъ:

— Данила Степанычъ, въ монастырь-то поѣдете?

— Поѣду... — сказалъ Данила Степанычъ.

И тутъ увидалъ, какъ много вездѣ крупной рябины. И подумалъ:

„Хорошая какая... Теперь ужъ и сладкая. Сказать Аринушкѣ, чтобы снимала... ребята обломаютъ, птица оклюетъ“...

Услыхалъ тонкій пискъ колеса водовозки и открылъ глаза. И увидалъ за палисадникомъ, что ѣдетъ Степанъ на водовозкѣ, съ рѣчки, и удивился: только сейчасъ былъ здѣсь Степанъ, спрашивалъ. И понялъ, что, значитъ, въ дремотѣ это было, что одиннадцать било, когда вышелъ онъ въ садъ, и, конечно, теперь незначѣмъ было ѣхать въ монастырь...

— Данила Степанычъ... — услыхаль онъ знакомый, несмѣлый окликъ. — Не прикажете ли ножки вамъ потереть?

Это была Софьюшка, галочка. Всякій день растирала она ему ноги мазью, отъ ломоты. И вчера не было ломоты, и сегодня не было. Онъ сказалъ ей:

— Спасибо... не надо. Вотъ помощи-ка мнѣ встать...

Она привыкла обращаться съ нимъ, когда нападала на него слабость; наклонилась, а онъ обнялъ ее за шею правой рукой, а лѣвой оперся на палку. Тогда она мягко выпрямилась, захватила его за спину лѣвой рукой. Онъ поднялся и не отпускалъ ее.

— Вотъ... ужъ и силы нѣтъ...

Стоялъ, переводя духъ, и видѣлъ передъ собой все зеленое: зеленый былъ шаръ, теперь угасшій, и зеленый былъ песокъ на дорожкѣ, и домъ былъ зеленый съ радужными отливами по краямъ.

— Что такое... все зеленое... — сказалъ онъ тихо, тяжело наваливаясь на Софьюшку, а она заглянула ему въ лицо и заробѣла: сѣрое было у него лицо и синеваты губы.

— Что-то... Глаза потри... глаза... — шопотомъ сказалъ онъ. — Зеленое...

Сгибаясь отъ навалившейся тяжести тѣла Данилы Степаныча и робѣя, она осторожно стала гладить жесткими пальцами по его глазамъ, какъ часто гладила заплаканные глаза своего Ванюшки.

— Зеленое все... — тихо повторялъ онъ и вдругъ увидалъ расходящіеся радужные круги и засвѣтившійся шаръ. Проходило зеленое. И опять увидалъ онъ свой голубой домъ, и веселый желтый песокъ дорожки, и красный платокъ на Софьюшкѣ, и черныя ея бровки.

— Ну, вотъ... прошло теперь... а я испугался... слѣпну, думаль...

И когда она успокаивала его: — „и что вы, Да-

нила Степанычъ... родной вы нашъ“, — онъ сказалъ, легко забирая воздуху и все еще не снимая руки:

— Спасибо тебѣ, ходишь за старикомъ... А помру я... Николая устроить...

И она вспомнила, какъ обѣщала Сергѣй Николаичъ взять ее въ горничныя въ Москву.

А онъ радовался, что еще не слѣпнетъ, что различаетъ даже бѣлаго голубка на гребешкѣ крыши, даже зеленую чащу Медвѣжьяго Врага, что легко дышится, и говорилъ:

— Замужъ бы выходила... лучше...

Мягко посмотрѣлъ на нее, а она посмотрѣла къ забору и сказала:

— Кто жъ съ ребенкомъ-то возьметъ... а на семью неохота.

А внутри было радостное, что живетъ съ хозяйскимъ сыномъ-красавцемъ. Грѣха нѣтъ,—и онъ свободный, и она. Мало ль живутъ!..

Тихо повела Данилу Степаныча на терасу, помогла сѣсть въ плетеное кресло, подложила подъ ноги подушку, накапала капель отъ слабости, какъ всегда, и, все думая про свое, побѣжала проворно, топоча босыми ногами по прохладному новому полу, на заднее крылечко. Увидала, что Ванюшка тащитъ изъ бочки затычку и шлепаетъ въ лужицѣ подъ бочкой, звонко крикнула:

— Шши ты, пострѣленокъ! — сбѣжала и схватила подъ мышки. — Шваркну вотъ головешкой!

Чмокнула въ затылокъ, пахнуцій конопляннмъ масломъ, и, что-то вдругъ вспомнивъ, пошла въ огородъ и принялась шарить въ огурцахъ. Забыли про нихъ за праздникомъ, а они еще дня три тому показали мѣстами крупныя завязи. Нашаривала, отворачивая плети, и находила. Уже начинали яснѣть кончики и растекаться пузырья. Нарвала въ подоль съ десятокъ, сунула глѣдѣвшему изъ-за плетня Ванюшкѣ огрызанную половинку, подергала за ухо,—перва-первинка, нова-новинка, — по-

грозила и, похрустывая сладкій и теплый огурецъ, вбѣжала на терасу и высыпала на столъ катышкомъ передъ Данилой Степанычемъ.

— Вотъ и огурчики вамъ... да славные-то какіе, да ядровитые...

А Данила Степанычъ опять дремалъ въ креслѣ, опять что-то видѣлъ, — перебила она его дрему. Увидаль свѣжіе огурцы, полюбовался, взялъ одинъ и понюхалъ. Пахло свѣжестью, и уже по запаху слышалось, какой онъ сладкій и крѣпкій.

— А-а, какіе... вотъ ботвиньицы-то хорошо... Тамъ Николая бѣлорыбицы мнѣ привезъ, скажи Аришѣ... кисленькаго...

Остался одинъ сидѣть. Звенѣла подъ потолкомъ оса. Шумѣли по стекламъ терасы мухи. Много было ихъ: липучки на стѣнѣ были черны. Нападала въ ихъ жаркомъ жужжаньи дремота. И слышалось неподалечку знакомое:

— Кормильцы-батюшки... подайте святую милостинку Христа ради...

„Сколько ихъ все ходитъ“, — думалъ въ дремотѣ: — „и по такой жарѣ ходятъ“.

Увидаль старичка изъ Манькова съ палочкой, у кустика, много кусковъ хлѣба, и въ нихъ рылся палочкой старичокъ, какъ-будто копалъ землю. И опять увидаль Степана, спрашивающаго:

— Данилъ Степанычъ, въ монастырь-то поѣдете?..

Будто толкнуло отъ этихъ словъ, испугало. Силой страха открыло глаза, открыло на одинъ мигъ, и увидаль Данила Степанычъ въ этотъ одинъ мигъ, въ страшной ясности, что кланяется ему зеленая стѣна за садомъ — Медвѣжій Врагъ, — кланяются рябина, топольки и заборъ, и перила терасы, и дорожка, и край избы, и стѣна дома, и онъ кланяется, и все ходитъ, и кружится, и все — живое. И онъ поклонился имъ и хотѣлъ крикнуть, позвать: Арина! И забылъ, какъ это

надо сдѣлать, какъ это говорить. Увидаль въ темнотѣ, что плыветъ на него большое пятно, какъ тучка, зеленое, красное по краямъ. Наплыло, лягнуло гулко въ темя и задушило.

XV.

Арина нашла его на полу. Онъ лежалъ на правомъ боку въ солнечныхъ пятнахъ стеклянной стѣнки, и было похоже, будто онъ высматриваетъ что-то подъ столомъ. Ползали по его плечу и бородѣ мухи, ползали и по полу, взлетали и стучали по стекламъ. И все еще звѣнѣла у потолка оса.

Упало у Арины сердце и застыли ноги. Крикнула Софью, а сама, бѣлая, опустилась на колѣни, подняла горячую еще голову, какъ у спящаго, и увидала широко открытые помутившіеся глаза.

— Данилушка... братецъ...

И застыла.

Знала Арина, что скоро помереть долженъ Данила Степанычъ: недѣлю назадъ видѣла она сонъ и не сказывала никому. Видѣла Данилу Степаныча во всемъ новомъ и совсѣмъ другого. Уже потомъ рассказала всѣмъ; только и сказала: во всемъ новомъ и совсѣмъ другого. Потомъ припоминала съ Софьюшкой, что послѣдніе дни любилъ прибирать въ комодикъ у себя Данила Степанычъ — готовился въ дорогу. Потомъ вспомнили, какъ подошла какъ-то подъ окошко старуха, просила милостыньку, а когда подала Арина въ окно, никто не принялъ. Смерть-то и приходила. И потомъ спалъ послѣдніе дни Данила Степанычъ нехорошо: отпыхивалъ. Были и еще знаки, и таила про себя Арина, что и сама скоро умереть.

Не выла Арина, не причитала, — чего причитать! Приняла великую потерю молча, плакала тихими старушечьими слезами, послѣдними, мелкими, какъ бисерокъ,

и эти слезы не скатывались, а липли и размазывались по морщинамъ, и мокрый былъ отъ нихъ замщенный и заострившійся подбородокъ. Съ выкриками причитала Софьюшка, только-только совсѣмъ живого видѣвшая Данилу Степаныча, какъ онъ поразился на первые огурцы. Огурецъ такъ и остался лежать на столѣ. И Ванюшка, глядя на мать, ревлѣ, растянувъ бѣлозубый ротъ, передыхалъ и опять ревлѣ.

Прибѣжали сосѣди. Стоялъ въ валенкахъ и въ полушубкѣ на худыхъ плечахъ Семень Морозовъ и говорилъ едва слышно:

— Глаза-то закрыть надо... закрыть глаза-то...

Набѣжали бабы, заняли весь палисадникъ, трещаль отъ ребятъ заборъ.

Надо было распорядиться. Степанъ выгналъ бабъ, чтобы не мѣшали, переложилъ съ Софьюшкой на простыню Данилу Степаныча и перенесъ въ комнаты, на сѣно. Такъ распорядилась закаменѣвшая въ своемъ горѣ Арина. Здѣсь принялись обмывать двое, Арина и Дударихина мать, а Степанъ сѣлъ на брюхатенькую лошадку и потрусилъ въ городъ — сказать по телефону въ Москву. Обмыли съ молитвой, и Дударихина мать спросила у Арины, можно ли взять обмылки. Арина отдала ей бѣлье: такъ всегда дѣлалось. Потомъ принесли съ терасы дубовый раскладной столъ, настлали свѣжаго сѣна, накрыли простыней, обрядили покойнаго въ чистое бѣлье, одѣли въ новый халатъ, шитый на Пасху и всего разъ надѣванный, — сѣрый, съ голубой оторочкой, — расчесали затвердѣвшую бороду. Бабы увидели, что все еще выглядываютъ глаза изъ-подъ вѣкъ, пошептались: выглядываетъ еще кого по себѣ. Арина нашла два старыхъ пятака, — лежали у ней въ мѣшочкѣ, въ укладкѣ, вмѣстѣ со смѣртной рубахой и темнымъ платьемъ, сшитыми загодя. Не первые глаза накрывались этими пятаками. Положила Данилѣ Степанычу на глаза, и лежалъ онъ покойно и важно, съ разгладившимся широкимъ лбомъ, руки

— одна на другой восковыми ладонями, съ парюю большихъ мѣдяковъ на глазахъ, какъ въ темныхъ очкахъ.

Смотрѣли на него изъ уголка заплаканными глазами Миша и Санечка, съ раздутой щекой, думали. А Софьюшка все рассказывала приходившимъ бабамъ, какъ принесла она Данилѣ Степанычу огурчиковъ съ огорода, и какъ онъ радовался, какъ велѣлъ сдѣлать ботвиницы, и какъ все совѣтовалъ ей выходить замужъ.

XVI.

А когда вернулся Степанъ изъ города, Арина велѣла запрячь телѣгу и поѣхала за пять верстъ въ женскую пустынь, взять монашекъ — читать.

И когда ѣхала она изъ пустыни съ молоденькой послушницей и знакомой старушкой-монахиней въ черномъ шлычкѣ, захватилъ ихъ дождикъ въ лѣсу, слабая дальняя гроза. Стороной прошла туча, въ сторонѣ погромыхивало, а здѣсь только кропило и не закрывало солнца. Былъ шестой часъ, солнце чуть косилось, и солнечный дождикъ весело крапалъ по листьямъ орѣшника.

— Праведникъ померъ, царство небесное... — сказала на дождикъ послушница, засматриваясь въ тихій зеленый свѣтъ роши. — Какой дождичокъ-то!

— Дай-то Господи! — вздохнула и перекрестилась Арина. — Ужъ такъ-то тихо преставился... Дай-то Господи.

— А сподобилъ Господь пріобщиться-то? — спросила старушка-монахиня, наклонившись за Степаномъ передъ низко опустившейся лапистой вѣткой орѣшины и умывая дождемъ усыхающее лицо.

— Петровками-то говѣлъ, какъ-же...—сказала Арина. — Какіе ужъ у него грѣхи! Переболѣлъ всѣ...

— А вотъ какъ же сказано, что насчетъ того... — обернулся Степанъ, — что, напримѣръ, очень трудно

имъ проникнуть... которые богатые... Даже верблюдь
можетъ чрезъ иглу пролѣзть... а имъ трудно... Это какъ?

— А не намъ знать, а не намъ знать, голубчикъ...
— сказала старушка. — Сказано, буди милостивъ...

— Такъ-то та-акъ... а вотъ извѣстно, что никакой
капиталъ не бываетъ отъ труда, а черезъ разныя при-
чины... такъ что тутъ... очень трудно...

— Господь въ своемъ милосердіи призываетъ каж-
даго... нѣсть на лица зрѣнія у Бога... — тоненькимъ го-
лоскомъ начала послушница, а Степанъ нагнулъся передъ
набѣгающей вѣткой и крикнулъ:

— Держись!

Весело сыпалъ дождикъ на солнцѣ, блестяль на
грядкахъ телѣги, на сытой спинѣ лошадки, нависалъ
сверкающими каплями подъ дугой. Пахло грибомъ и
елкой.

Повстрѣчалось близъ деревни стадо. Хандра-Ман-
дра стоялъ у дороги, куриль. Увидала его Арина, ска-
зала:

— Скончался братецъ-то...

— Да, царство небесное... отжилъ... — хрипло ска-
заль пастухъ, стаскивая шапку. — Когда хоронить-то?

Но они не слышали. А онъ уже все зналъ: повстрѣ-
чалъ его давеча Степанъ.

На вѣздѣ нагнали горбачевского батюшку въ та-
рантасѣ. Ъхалъ батюшка на сивой лошаdkѣ съ псалом-
щикомъ, а семинаристъ правилъ, покуривая.

— На панихидку къ вамъ, Арина Степановна! —
крикнулъ батюшка. — Воля Господня... Дали знать-то?

— Дадено! — крикнулъ, объѣзжая, Степанъ.

— Свѣчей-то, батюшки! — крикнула Арина.

— Всего взято-съ! — успокоилъ ее баскомъ псалом-
щикъ.

У дома стояла чья-то телѣга, и Степанъ по лошади
призналъ бородача-старосту изъ Шалова. Подумалъ: „чи-

сто по телеграфу имъ извѣстно“. И только стали слѣзть съ телѣги, сказалъ:

— Монахи ѣдутъ!

Обогнала батюшкинъ тарантасъ пара, съ пристяжной на отлетѣ: ѣхаль о. казначей въ высококомъ клобукѣ и двое послушниковъ.

На крыльцѣ вспомнила Арина, что оставила ключи въ комодѣ, и затревожилась. Сейчасъ же пошла и увидала, что комодъ запертъ, а ключей нѣтъ.

— Ой, растащили...

Кликнула Софьюшку, пыталась. Сказала ей Софья прямо въ глаза:

— Ой, грѣхъ какой... да что вы, что вы... все сберегла, заперла... да какъ же это я... да я развѣ...

Посмотрѣла Арина ей на лицо: лицо бѣлое, губы поджаты, пальцами перебираетъ на груди,—испугалась. Заглянула Арина въ старый бумажникъ — лежали бумажки, а сколько было, не знала.

— Бабушка, дайте... дайте немножечко... на бѣдность на нашу, на Ванюшку...

Жадно смотрѣла Софья на истертый бумажникъ, перебирала на груди пальцами.

— А не мое, родная... чужое добро... — сказала Арина и заперла.

Служили панихиду сперва горбачевскіе, потомъ монастырскіе. Сняли съ глазъ пятаки, и опять усмотрѣли бабы, что все еще выглядываетъ изъ-подъ налившихся вѣкъ. Видѣла и Арина и думала, что ея чередъ. Молился въ уголку Захарычъ и думалъ, что его чередъ. Видѣлъ глаза и Семень Морозовъ и думалъ, что его. И хоть совсѣмъ не боялся смерти, а сталъ говорить себѣ, что не изъ его двора: Арининъ чередъ.

И никто не зналъ—чей чередъ.

Вечеромъ пріѣхаль съ семьей Николай Данилычъ, все пошло гладко, и старшій приказчикъ Иванъ Акимычъ, выслушавъ приказанія, сказалъ, какъ всегда:

— Будькойны-сь... пымаю-сь...

Онъ служилъ тридцать лѣтъ, все понималъ съ перваго слова, и за нимъ можно было быть вполне покойнымъ.

Поповъ стоялъ наготовѣ у машины, всѣ три дня гонялъ въ городъ и въ монастырь, и каждое утро уѣзжалъ Николай Данилычъ въ Москву, гдѣ кипѣла работа по стройкѣ и откуда нельзя было отлучаться.

Наканунѣ послѣдняго дня пріѣхалъ съ поварами и тройкой официантовъ кондитеръ, привезъ на подводахъ столы и ящики: ожидалось много родни и знакомыхъ. Привезли повара свой особенный, сладковатый поварской духъ — сельдерея и осетрины, заняли кухню и дворъ, погреба и лужайку, и принялись готовить. Разобрали печники русскую печь и наскоро выложили плиту. Стояли въ тѣни на травкѣ окоренки со льдомъ, и лежали въ нихъ огромныя рыбы. Глазѣли ребята, какъ бѣлые повара пластали на длинномъ столѣ невиданную рыбу въ желтомъ жирѣ, вытаскивали изъ длинныхъ желѣзныхъ коробокъ, рѣзали, заливали на блюдахъ и уносили на ледъ. Видѣли груды раковъ, вороха моркови и лимоновъ, пачки тоненькихъ красныхъ и бѣлыхъ прозрачныхъ листковъ, много мѣдныхъ кастрюль, долгихъ ножей и давленныхъ жестяныхъ коробокъ. Знали всѣ, что у Семена Морозова и въ сосѣднемъ дворѣ ставили блины въ кадкахъ, варили кисель и студень. Считали груды корзины съ бутылками. Собирали со всей деревни посуду подъ кисели. И уже по всей округѣ было извѣстно всѣмъ, что померъ Данила Степанычъ Лаврухинъ, что Николай Данилычъ править по немъ поминки, и будутъ столы для народа—для своихъ и чужихъ.

И всѣ дни слышались черезъ наглухо закрытыя окна поющіе духовные голоса, виднѣлись сквозь прозрачныя занавѣски клубы кадильнаго дыма и желтые

язычки свѣчей. И все носили туда ледъ въ мѣдныхъ банныхъ тазахъ.

И тучи мухъ, точно собрались онѣ со всей Ключевой, облѣпляли голубыя стѣны, кружились надъ поварскимъ столомъ и летѣли въ двери. И всѣ дни былъ непрерыванный круговой ходъ ихъ съ гуломъ.

Къ ночи послѣдняго дня прошла надъ Ключевой гроза. До разсвѣта все вспыхивало, громыхало, и шумѣло ливнемъ. Къ разсвѣту ушло, небо прочистило, и вездѣ стали видны блѣдныя звѣзды.

XVII.

Послѣдній день провожалъ Данилу Степаныча. Подымался свѣжій, омытый ночнымъ дождемъ.

На ранней зарѣ проснулся Хандра-Мандра, поглядѣлъ къ свѣту: тихое вставало утро. Вышелъ на волю, оглядѣлся. Было тепло, пахло березами съ горь, капало съ ветель, жвакало подъ ногами въ травѣ. Не будилъ жалейкой вотъ уже третій день, обошелъ дворы, обстучалъ окна — выгоняйте коровъ. Прощелъ ко двору Лаврухиныхъ, постоялъ, покрестился на окна, постучалъ ручкой кнута въ сѣнцы. Поглядѣлъ на возившихся у погреба поваровъ, на стоявшія въ травѣ бѣлыя блюда съ желтымъ, съ бѣлыми кусками и красными кружочками моркови. Спросилъ, подмаргивая:

— Это што жъ такой у васъ будетъ... морожное какое?..

— Творожное!

Вышла простоволосая, съ строгимъ лицомъ, Софья, выпустила холмогорку. Выбѣжала тяжелой ступью сытая холмогорка, потягивая слюну, постояла на уголкѣ, вытянула кверху черно-бѣлую голову, затрубила.

— До полднѣнъ, гляди, не управятся? — спросилъ Хандра Софью.

— А я почему знаю?

— Никакъ не управятся.

И пошелъ, ковыляя, на край деревни, гдѣ соби-
лось стадо.

Уже поднялось солнце, и все заиграло промытой
зеленью, и подсолнухи за заборомъ смотрѣли загорѣв-
шимися шапками, — теперь будутъ слѣдить за солнцемъ.
Сочно глядѣлъ сырой Медвѣжій Врагъ, какъ глядѣлъ
и тогда, давно, когда, въ теплую ночь іюня, въ ридо-
вой избѣ Степана Лаврухина родился Данила Степа-
нычъ.

Стали наѣзжать съ округи, — изъ Манькова, изъ
Шалова, изъ Горбачова, изъ Скачкова, съ Черныхъ Пру-
довъ, — родня и знакомые. Приѣхали изъ Москвы и
пришли съ фабрикъ ключевскіе мужики. Ъхали на те-
лѣгахъ, шли пѣши. Противъ дома Лаврухиныхъ стали
рядкомъ, подъ ветлами, телѣги; лошади, привязанныя за
грядки, жевали надранную по дорогѣ траву. Родные
входили въ домъ поглядѣть, сидѣли на ближнихъ брев-
нахъ, на травкѣ у палисадника; дальніе и совсѣмъ чу-
жіе — подальше, у лошадей. Бабы надѣли, что потем-
нѣй, — сѣрые и черные въ кольчикахъ и горошкахъ,
платочки, сѣрыя, кубовыя, зеленыя и черныя платья.
Мужики были въ черныхъ и синихъ поддевахъ, въ
черныхъ до блеска картузахъ, степенные, строгіе. Сно-
вали мальчишки въ праздничныхъ пиджакахъ, въ сапо-
гахъ, съ расчесанными головами, оглядывали себя, от-
тягивали кулаками карманы, мочили въ росѣ сапоги, из-
гибались и оглядывали съ задковъ. Плакали дѣти, про-
сили ѣсть.

Съ первымъ утреннимъ поѣздомъ приѣхали изъ
Москвы знакомые и родня: булочники, арендаторъ Ко-
ровинъ съ большимъ зеленымъ картономъ, маленькіе
подрядчики и поставщики. Подкатилъ на тарантасѣ, па-
рой, съ кучеркомъ-мальчишкой, Василій Левонычъ Здоб-
новъ съ женой въ шляпѣ съ лиловыми цвѣтами, и про-
шелъ въ домъ, оставивъ жену выбираться съ помощью

кучерка. Въ двухъ тарантасахъ прїѣхалъ изъ Горбачова причтъ съ женами, съ семинаристомъ и дьячковымъ сынишкой на козлахъ.

— Попы прїѣхали... Сейчасъ выносить будутъ...

Но еще долго не выносили.

Подходила нищая братія, текла линючимъ взъерошеннымъ потокомъ. Тянулись изъ города и съ посада, изъ-подъ монастыря, съ деревенской округи. Шли на поминъ души, хотъ разъ покрѣпче наѣсться. Былъ тутъ и старикъ изъ Манькова, и Алешка Червивый, и Вавася Косноязычный, и Мишка Зимникъ, и многіе. Шла непокрытая и калѣчная родная округа, потерявшая увѣренный голосъ и позабывшая всѣ пѣсни, кромѣ одной: „кормильцы-батюшки, лодайте святую ми-лостинку, Христа ра-а-ди!“ Тѣ, у кого отняла судьба руки и оставила рты, вымела закрома и оборвала карманы, навалила заплатъ и горбовъ, погасила и загноила глаза. Тѣ, кто хорошо знаетъ всѣ дороги, сухія и мокрыя, всѣ оконца, всѣ руки...

— Нищихъ-то навалило! — говорили бабы. — Каждому по блину, такъ...

— У Лаврухиныхъ и по два достанетъ.

Бабы завернули верхнія юбки, чтобы не озелениться, сидѣли въ теплыхъ нижнихъ на сырой травкѣ и по бревнамъ, смотрѣли на домъ, на подсолнухи, про которые знали, что насажалъ ихъ покойный, загадывали, кто же теперь будетъ жить здѣсь и кому все достанется. Хвалили гусей и куръ и загадывали: ихъ-то куда. Говорили про холмогорку, говорили, что домъ, хотъ и богатый, а все сиротой смотреть: повалился хозяинъ — и домъ повалился. Прикидывали, не отписалъ ли чего кому: послѣднее-то время вонъ всю родню вспомнилъ. Говорили, что далъ Морозихѣ на корову сорокъ рублей. Дударихѣ — съ чего бы! — цинковаго желѣза на крышу. Говорили про Софью: разбухла на лаврухинскихъ-то харчахъ, такая-то стала гладкая да зубастая;

къ старику все подлащивалась, змѣей передъ старикомъ-то, такъ и юлила. Какіе платки носить! А чего же, всяко бываетъ. И ущипнетъ, такъ рубль дастъ. А чего ей, — совсѣмъ вольная.

— Ишь, мурластая стала...

Видѣли, какъ бѣгала Софья въ черномъ платкѣ, бѣлолицая, чернобровая, строгая, въ тяжелой юбкѣ, — гдѣ она ее справила? — останавливалась на крылечкѣ и кричала звонко:

— Степа-анъ! Живѣй закладывай въ пролетку!

— Чисто какъ хозяйка кричитъ! Сыскалась родня середь дня...

— Арина-то Степановна все ей довѣрила, всѣ ключи у нее... и отъ погребовъ, и отъ укладокъ, и отъ чулашковъ... Молоко-то такъ кувшинами и хлыщеть...

— А это ихъ старикъ тотъ... Захарычъ облестилъ... чаю безъ его не могъ пить вонъ... А снохѣ-то Морозовой за что корову?

— А Миколай-то Данилычъ съ ее дѣвчонкой до-прежде путался.. да съ Глашкой-то! Онъ же и выдавалъ...

— А-а... которая за Кривымъ то... гробами на посадѣ торгуютъ...

— А вонъ Дудариха-то сказывала... Софья-то, подлюга, съ эстимъ все... съ Сергѣй Миколаичемъ путается... Какъ онъ въ городъ, къ ночи, къ нему все бѣгала, въ елки!..

Привезъ телѣгу можжевельника, вѣрхомъ, сынъ Семена Морозова, Акимъ-парильщикъ. Пришли гуси съ рѣчки, гоготали, просили ѣсть. Бѣгали среди нихъ въ хлопотахъ, распугивали, а гусакъ грозилъ клонуть. Мальчишки лазили въ огородъ, нашаривали. Поваренокъ ѣлъ огурецъ. Поповъ прохаживался у машины, въ гороховомъ балахонѣ, поглядывалъ. Подошли племянники-гармонисты, въ новыхъ хорошихъ тройкахъ, лаковыхъ сапогахъ и кубовыхъ рубахахъ. Расхаживали степенные,

крѣпкіе мужики въ черныхъ казакинахъ, повязанные рушниками, — понесутъ. Двѣ смѣны, — тяжело, жарко и далеко. Валилъ сизый дымъ изъ избы Семена Морозова и пахивало блиннымъ духомъ. Рыжебородый шаловскій староста, повязанный полотенцемъ съ красными городками, говорилъ тѣмъ, которые понесутъ:

— Разомъ подхватай чтобы! Семень и Левонь... помень ростомъ-то, спереду, а мы съ Микитой въ-голова ему... И прямо чтобы въ шагъ!

Лицо его побурѣло, а борода посвѣтлѣла. Мужики слышали, что пахнетъ отъ него сладкимъ духомъ, и просили похлопотать у Арины Степановны.

— Ужъ говорилъ, и съ Иванъ Акимычемъ... чтобы и разговору не было... А на перемѣнки горбачевскіе встанутъ... Надо постараться, чтобы... Изъ Москвы народу-то!..

А бабы говорили на бревняхъ:

— Вонъ внучки-то, внучки-то... Эта вотъ, съ увалью-то, Прасковья Миколавна, бѣленькая-то съ лица... а за ей Любовь Миколавна. Видныя-то какія, со-лидныя...

— А и не плачутъ!..

— Меньшая-то вчера плакала шибко. Въ церкви еще поплачутъ...

Приѣхалъ верхомъ урядникъ, въ новыхъ погончикахъ на затертомъ парусиновомъ кителѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, похожій лицомъ на сверхсрочнаго молодца-фельдфебеля, съ черными бачками, привязалъ лошадь къ палисаднику, поманилъ мужиковъ въ рушникахъ и сказалъ:

— Слушайте меня, что я скажу. Понесете, чтобы не галдѣть... разъ это упокойникъ, а не хоругь! Я спереду. Какъ я сталъ — стой! На кладбищѣ самъ становой будетъ. Чтобы не обругаться! Помните, къ какому дѣлу призваны!.. Чтобы не было безобразій у менѣ!

Увидаль у шаловскаго старосты полотенце съ красными городами — запретилъ:

— Дружка, что ль, ты?! А еще староста... Смѣни на холстину! Никакого понятія, что недопустимо, разъ это упокойникъ, а не что!

Прогналъ ребятъ отъ забора, отворилъ калиточку барышнямъ, приложилъ перчатку къ козырьку. Увидаль, что повара развели жаровню, поостерегъ насчетъ пожара:

— Вы, братцы, ужъ поосторожнѣй какъ... сохрани Богъ...

Бабы говорили, что на поминъ будутъ щи съ голливизной, блины съ масломъ, гороховый и молочный кисель. Вспоминали, что, какъ хоронилъ Данила Степанычъ жену, давали сыту къ молочному киселю.

Стали выносить.

Вынесли Николай Данилычъ, Сережа, Коровинъ и вытягивавшійся Здобновъ, котораго смѣнилъ приказчикъ Иванъ Акимычъ. Когда остановились у палисадника, услышали старушечій вой: плакала Арина. Плакала и Софья. Съ платками были „гусынюшка“, Паша, Люба. Урядникъ сидѣлъ на конѣ, поодааль, и держалъ картузь „на молитву“, стараясь сдерживать лошадь, которую кусали слѣпни. Горбачевскій батюшка, въ бѣлой ризѣ съ голубыми просвѣтами, склонивъ голову, печально читалъ молитву. Мальчишки безъ картузовъ, оставленныхъ матерями дома, ждали, кому батька отдастъ кадило, и смотрѣли ему въ глаза. Племянники-гармонисты взялись нести тяжелую дубовую крышку. Выступили подъ ней впередъ. Къ нимъ подѣхалъ урядникъ и не велѣлъ уходить далеко.

— Красныя бы рубахи еще надѣли!

Выслѣдилъ, когда Николай Данилычъ стоялъ съ краю, подскакалъ и взялъ подъ козырекъ:

— На кладбище всякій народъ желаете допустить?

Вышли смотрѣть повара въ бѣлыхъ колпакахъ, какъ понесли. Стоялъ у палисадника Захарычъ, смотрѣлъ изъ-подъ руки. Смотрѣлъ отъ двора Семень Мо-

розовъ, не въ полушубкѣ, а въ синемъ казакинчикѣ, крестился.

Видно было, какъ ѣхалъ на возу можжевельника Акимъ и кидаль; какъ мѣрно шагая, подымались подъ желтой крышкой на взгорье, къ ельнику. гармонисты. Перехвативъ черныя спины ярко-бѣлыми холстинами, несли, покачивая, мужики.

И было потомъ все такъ, какъ хотѣлъ Данила Степанычъ. Было солнечно, жарко, тихо. Когда вступили въ еловый лѣсокъ, съ запахомъ теплой сырости послѣ дождя, одинокіе голоса стали крѣпнуть, и казалось, что поютъ хорошо и стройно, какъ въ пустой церкви. Тихія, грустныя, стояли ели и слушали въ полумракѣ. А когда пошелъ березнякъ, стало весело, зелено и прохладно. Въ кустахъ орѣшинъ темнѣли мохнатая гроздочки, играли свѣтлыя стрѣлки. Играючи шурхало по головамъ вѣтками. Урядникъ ѣхалъ впереди на случай встрѣчи, нагибался и обламывалъ. Пѣли всѣ, и молитва сбивалась бабьими голосами на пѣсню. И было похоже въ солнечной рощѣ, что это не послѣдніе проводы, а праздничный гомонъ деревенскаго крестнаго хода.

XVIII.

Шумѣли поминки, а было похоже на именины.

Въ два ряда поставили столы на лужку, между дворами Лаврухина и Морозова. Посажались, кто какъ успѣлъ. Вышелъ Николай Данилычъ, сказалъ:

— Вотъ, помяните батюшку.

— Покорнѣйше благодаримъ, Миколай Данилычъ... Тебѣ дай Господь...

Бли щи съ головизной, почмокивали. Говорили, что легко было нестн: ежели праведный человѣкъ—завсегда легко. Хандра-Мандра рано собралъ коровъ, подобрался къ поминкамъ. Хрипѣлъ, расплескивая изъ стаканчика:

— А во какъ я помру-у... пухомъ понесете! Жилка одна да спленка, правильнѣй меня нѣтъ...

Кому нехватило мѣста — ждали череду. Ребя-тишки ѣли на травкѣ, тянули-рвали зубами выпрошен-ные блины. Подходили нищіе, просили въ окна:

— Помянуть бы за ради Христа...

Говорила въ окно Арина:

— Помяните, голубчики, помяните...

Выходила на лужокъ, скорбная, сухенькая, побѣлѣвшая, въ черномъ, съ бѣлымъ горошкомъ, платьѣ и въ черномъ длинномъ платкѣ, какъ монахиня.

— Кушайте, родимые... помяните за упокой души новопреставленнаго...

Ей гудѣли довольные, твердые и нетвердые го-лоса:

— Покорнѣйше благодаримъ, тетушка Арина Степановна... Дай Богъ царство небесное!

Довольны были ею: ихъ она была, вся ихняя, всегда ихняя. И никуда не уйдетъ.

Парни съ буйными мурластыми лицами гудѣли въ окна:

— Дозволь помянуть, баушка Арина!

И имъ позволяли, и они требовали вина и пива. Ходили по столамъ и выпрашивали изъ рукъ.

Не поспешилъ Николай Данилычъ, приказалъ, что-бы вдоволь было всего: послѣдніе проводы. И всѣ знали, что это послѣдніе проводы. Тетка Арина еще осталась, но она сойдетъ тихо, непарадно.

Уже помянули въ домѣ, съ официантами въ бѣ-лыхъ перчаткахъ, уже послѣднюю, прощальную, чашу вѣчной памяти опѣли и благословили о. казначей и ба-тюшка изъ Горбачова: уже возгласилъ зычно іеродіа-конъ Нифонтъ, запивоха изъ монастыря, расправивъ тѣсный и потный воротъ и откидывая лапой пышную грудь волосъ, какъ сѣно, — возгласилъ, ворочая крас-ными бѣлками, до содроганья хрусталя на столѣ, по-

крывъ и остановивъ гуль за окнами, — а во дворѣ все еще уступали мѣста и все подсаживались ко щамъ съ головизной, блинамъ и киселямъ. Уже отѣхали монахи и причтъ, сытые, сонные, разсолодѣвшіе съ ѣды и жары, увозя въ широченныхъ карманахъ слоеные пирожки и навязанное памятью на все уставное Ариной, — дѣточкамъ-то, дѣточкамъ-то! — а на лужку все еще ѣли, все ѣли, опоражнивая корчаги и мисы, дрались изъ-за блина нишіе, просили, виляя хвостами, тощія собаки. Хлопали пробки; пустыя зеленыя четвертухи лежали въ крапивѣ. Проливали за упокой души. Распоясали животы, уходили и опять садились, уносили куски и мисочки тѣмъ, кто не могъ дотянуться до лужайки. Уже покачивались иные и путали на ослабѣвшихъ умахъ и языкахъ, что это — именны или еще что. Уже потянулись тѣни отъ лѣска на взгорьяхъ, отъ домовъ, отъ людей, отъ крапивъ. Ржали просившія пить лошади. Отѣзжали гости на ямскихъ тройкахъ къ вечернимъ поѣздамъ.

Вышли въ садъ внучки въ траурѣ, съ бѣлыми личиками, и поглядывали изъ-за палисадника. Видѣли рыжіе и черные волосы, красныя и бурья лица, засученныя рукава, слышали гуль. Родня... И пытливо всматривались, кто и какіе ихніе. Знали только, что вотъ двое, въ кубовыхъ рубахахъ и въ лаковыхъ сапогахъ, какіе-то внучатые племянники; есть здѣсь кумы, дѣти чьего-то деверя, и дяденьки, и свояки. Не знали, что за свояки, почему свояки. Смотрѣли на Софьюшку, вываливающую грудь блиновъ на столъ, знали, что дальняя внучка дѣдушки, а имъ, значить, какая-то сестра. И было чудно имъ, что она ихъ сестра, а изъ этихъ есть какіе-то далекіе братья. Смѣются, чавкаютъ, разные... Онѣ ихъ никогда не знали и не будутъ знать. Дѣдъ еще зналъ, а теперь разойдутся совсѣмъ. И вспоминались имъ какія-то бабы и старушки, и степенные мужики, которые подходили на кладбищѣ и по дорогѣ,

ласково и любопытно осматривали и говорили мягко и улыбаясь, точно хотѣли оправдать свой приходъ:

— Здравствуйте, милая барышня, Прасковья Миколаевна... Небось, и не знаете меня? Да гдѣ жъ и знать-то. Хоть разоукъ поглядѣть на васъ, какія-такія...

И разглядывали — и лицо, и платье.

— А вы кто же?

— А я-то... А дѣдушка-то вашъ, Данила Степанычъ, царство небесное... у него-то братецъ двоюродный, по матушкѣ, Иванъ Захарычъ... такъ я-то буду его двоюродная племянница, по матушкѣ-то... Она изъ Шалова сама-то...

Находили концы и устанавливали родство. И никто не сказалъ имъ прямо, что всѣ они съ одного поля, съ этой округи, одной крови.

Поздно вечеромъ, когда стала падать роса, отъѣхали послѣднія телѣги, ушли нищие, разобрали столы. Теперь только собаки рылись и нюхали по крапивѣ, звякали; шаловскій староста съ Акимомъ Морозовымъ спали въ огородѣ на огурцахъ, да сразу заслабѣвшей Хандра-Мандра лежалъ подъ плетнемъ, накрытый рогожкой. Укладывались повара, увязывалъ воза кондитеръ — ночью ѣхать сподручнѣй.

Паша и Сережа прошли по затихшей деревнѣ къ рѣчкѣ. Послушали. Бѣжала вода по камушамъ, журчали неугомонные ключики — ур-ур-ур... Темно смотрѣлъ незнаемый Медвѣжій Врагъ, и все было здѣсь для Сережи и Паши безымянно и пусто, ничего не держало въ себѣ для нихъ.

— Кто это? Это не вы, Поповъ? — крикнулъ Сережа къ темнѣвшему у рѣчки человѣку.

— Я-съ... — отвѣтилъ шоферъ. — Вотъ смотрю отъ нечего дѣлать.

— Нравится вамъ здѣсь?

— Вообще, какъ природа... глушь...

— Смотрите, какъ эхо здѣсь: кто ты-ы?!

И отвѣтилъ оврагъ глухо:

...Кто ты-ы?!

И совсѣмъ не думали, что это ихъ родная деревня, что воду изъ этой рѣчки пилъ ихъ дѣдъ, что изъ этой долины вышелъ ихъ родъ, и теперь совсѣмъ затерялась и скоро совсѣмъ сотрется пройденная имъ здѣсь дорога.

XIX.

Рано поднялся на утро Николай Данилычъ. Онъ бы еще вчера уѣхалъ, если бы сегодня былъ будній день, — требовали дѣла въ Москвѣ, — но сегодня было воскресенье. Къ тому же нужно было и здѣсь распорядиться. И вотъ всталъ онъ въ шестомъ часу, какъ всегда. Слабое еще было солнце, косое, легкое. Весъ въ росѣ былъ молодой садъ, пахло свѣжестью только-только ушедшей ночи. Посмотрѣлъ на садъ — красноватое сіяніе шло отъ старой рябины на солнцѣ. Бѣлогрудая птичка, — похоже, славка, — сидѣла близко на вѣткѣ и играла горломъ. Было ясно видно, какъ перекатывалось въ горлышкѣ — точно дробинки. Свистѣла, потрескивала, какъ скворецъ, журчала по-жавороночьи, чокала по-соловьиному. И глядя на нее, Николай Данилычъ вспомнилъ, какъ отецъ въ послѣдній его пріѣздъ просилъ:

— Купи ты мнѣ, Николя, канареечку какую...

Канареечка была куплена и ждала воскресенья. Теперь не нужна. Не нуженъ и этотъ домъ, крѣпко построенный и ставшій въ четыре тысячи. Кому онъ здѣсь? Сломать и перевезти въ Москву? И зналъ, что не ломаетъ. Пусть стоитъ. Кто знаетъ?...

Думалъ объ отцѣ. Все дѣла, всю жизнь были дѣла. Всю жизнь укрѣплялъ капиталъ; укрѣпилъ, а тутъ и конецъ. И когда смотрѣлъ Николай Данилычъ на славку, думалъ о своихъ дѣлахъ. И у него, должно быть, такъ и будутъ всю жизнь дѣла и дѣла. Достраивался новый

домъ, собственный, въ пять этажей. Подходилъ къ концу взятый подрядъ на выстройку гавриковскаго, семиэтажнаго. Думалъ, что не заплатиль-таки Коровинъ въ срокъ аренду, безпокоился, доставятъ ли безъ оплаты прежнихъ счетовъ цементъ: остановится кладка — не поспѣтъ къ сроку, неустойка. Надо платить въ сентябрѣ въ кредитное десять тысячъ. Оправдаетъ ли Волнистовъ векселя? И зачѣмъ впутался съ тестемъ въ мукѣ, въ новое дѣло! Вложилъ пятьдесятъ тысячъ...

Славка вспорхнула, пересѣла повыше и продолжала журчать...

...Съ домомъ-то какъ же теперь?..

Шлепала туфлями Арина, несла хрустальную чайницу и старенькую сахарницу, въ малиновыхъ пятнышкахъ, деревенскую, изъ которой, бывало, мальчишкой таскалъ сахаръ.

— Одни, остались, тетушка...

Она поставила чайницу и сахарницу, присѣла и жевала губами.

— Потратился, Николенька... а вотъ, не привелъ Господь. Съ домомъ-то какъ теперь?..

— Какъ жили, такъ и живите. Закрутился я съ дѣлами, а моимъ скучно тутъ.

— Деревня... — сказала Арина.

— Будете получать, какъ папашей заведено. Лошадей вамъ не надо, корову, хотите — продайте...

Софьюшка внесла самоваръ, стукнула ножками о поднось, смахнула фартукомъ.

— Насчетъ ее... говорилъ папаша, устроить надо... Нужна она вамъ?

— А чего жъ она мнѣ нужна!

Софья остановилась за дверью и слушала.

— Какъ-нибудь подумаю... сродни она ему...

— А какъ же не сродни-то! И Захарычъ вонъ еще у меня... Данилушка-то покойникъ дозволилъ ему доживать...

— Пусть живетъ. И онъ сродни...

— Да какъ же не сродни-то!—опять сказала Арина.
— Да вѣдь и тебѣ дядя двоюродный...

— Да, да... И вотъ хотѣлъ я сказать... Куда же это папаша столько денегъ разсовалъ! Съ мая было у него семьсотъ шестьдесятъ, я ему мѣди на пятьдесятъ перевозилъ... въ именины его, самъ я смотрѣлъ, было четыреста сорокъ, а вотъ въ бумажникѣ полутора ста не хватаетъ... Вы, пожалуйста, тетенька, не подумайте... а только интересно мнѣ...

Арина вспомнила про ключи, хотѣла сказать и промолчала. А Софья стала тихо-тихо отходить въ глубь комнаты, задержалась въ задней и слушала. А Николай Данилычъ уже говорилъ, что надо завтра же отпустить Степана и отправить въ Москву пролетку и лошадей. Вынулъ записную книжечку, пересмотрѣлъ наказы Данилы Степаныча, — куда и кому сколько, на случай его смерти. Куда монастырю столько — три тысячи! Довольно и пятисотъ. Ну, роднымъ этимъ можно и полностью, по пятьдесятъ... Двадцать два человѣка! Вотъ монастырь-то и подѣлится. Сто рублей Семену Морозову на похороны или, коли раньше помретъ, снохѣ на поправку... Ну, и это можно. Аришѣ по десять рублей въ мѣсяцъ, Захарычу по пять... за пчелъ... Софьюшкѣ и Ванюшкѣ двѣсти рублей... Степану драповое пальто и купить новые сапоги, тройку и картузь...

Отвернулся къ саду, сжалъ губы и смотрѣлъ черезъ набѣжавшія слезы.

— Все, папаша, исполню... все...

Выпилъ стаканъ чаю, прошелъ на усадьбу, обошелъ домъ. Что съ нимъ дѣлать? Зналъ, что не будетъ здѣсь жить, что куплено уже мѣсто на кладбищѣ женскаго монастыря, гдѣ жена родня, у часовни, гдѣ и братъ, умершій отъ чахотки. Увидалъ кресло, записалъ — отправить. Переписалъ мебель, часы съ башеннымъ боемъ, зеркало. Куда имъ здѣсь? И все думалъ, что

если оборвется у него съ домами, дасть кредитное не восемьдесятъ тысячъ, а шестьдесятъ, не уплатить Волнистовъ... И то, что приходило ему по ночамъ, — что можетъ оборваться, что разбросался, что пойдетъ съ мукой на пониженіе, и повалится все, какъ у Сняtkова... — опять тревожило. Нѣтъ, пусть стоитъ домъ. Можетъ, и пригодится...

XX.

Автомобиль стоялъ, закрытый брезентомъ. Изъ кухни вышелъ Поповъ, поздоровался и спросилъ, скоро ли готовить.

— Часа въ два выѣдемъ...

И тутъ вспомнилъ, что обѣщалъ вчера Здобнову заѣхать къ нему, поглядѣть, какъ живутъ. Надо было поѣхать, потому что далъ слово, потому что истратился Здобновъ и ждетъ, а, главное, намекалъ, что можетъ брать у него муку, — лучше у своихъ, чѣмъ у Карпова, — и не больше, не меньше, какъ до полсотни вагоновъ. Всѣ поставки на фабрики у него. Вспомнилъ какъ спрашивалъ Здобновъ, сидя на тарантасѣ:

— Мы къ вамъ, а вы къ намъ... поглядите все наше обзаведеніе. Не какіе нибудь, а... все какъ слѣдуетъ-съ...

А Марья Кондратьевна говорила:

— Окажите ужъ намъ такую честь, и съ барышнями, и господина кавалера, молодого человѣка... не будьте такіе гордые...

А Здобновъ тронулъ лошадь, перегнулся черезъ задокъ, крикнулъ:

— Сейчасъ въ городѣ спеціальнй заказъ сдѣлаю! Чуръ, не обманывать!

Надо было поѣхать: солидный человѣкъ сталъ. И сказалъ Попову:

— Вечеромъ выѣдемъ, а къ обѣду свезешь въ одно мѣсто.

Увидаль, что кланяется ему Семень Морозовъ, узналь старика, перешель лужокъ, сѣлъ на завалинку, закуриль.

— Какъ живешь, Семень Иванычъ?

Хорошо его помнилъ. Помнилъ, какъ гоняль Семень лошадей на водокачкѣ, какъ стояль у котловъ—подаваль въ бани горячую воду, и какъ, бывало, нашиваль его Семень на рукахъ, показываль лошадей, огромные баки съ водой и цѣпи, подымавшія изъ колодца бадьи. Помнилъ его хоть и не совсѣмъ чернымъ,—спорила ужъ и тогда въ его бородѣ зола съ уголькомъ,—а теперь былъ онъ сѣдой до зелени и совсѣмъ другой. Но что-то было еще въ его говорѣ знакомое, давнее. И это знакомое удержало для Николая Данилыча его прежняго, и напомнило многое: какъ прибѣгалъ на водокачку, ѣлъ черный хлѣбъ, макаль луковкой въ грязную соль въ жестянкѣ, стояли по стойламъ тихія лошади, жевали сѣно, перелетали въ стропилахъ сизые голуби, пахло навозомъ и краской.

И сказалъ Николай Данилычъ, крикнуль на ухо:

— А помнишь, Семень Иванычъ, какъ, бывало, на водокачкѣ... лошадей гоняли?

— Какъ же.., помню еще, Миколай Данилычъ.

Помолчали. Поповъ устроился за столикомъ, на травкѣ, пилъ чай съ бѣлымъ хлѣбомъ. Вышла старухасноха, жена Акима, закланялась:

— Табуреточку я вамъ вынесу, батюшка... запачкаетесь такъ-то...

Не надо было ему табуретки. Напомнила ему старуха тоже давнее, хоть и не такое, какъ съ Семеномъ, а такъ же забытое. Лѣтъ двадцать тому, на другой годъ женитьбы, когда хворала жена послѣ родовъ, приѣхаль онъ сюда размыкаться, погулять, и такъ, находу, сошелся съ внучкой Семена, Глашей, совсѣмъ дѣвчонкой. Такъ какъ-то вышло, — столкнулся и пожелалъ. Прожилъ съ недѣлю, пьяный отъ охватившаго угара,

закружилъ дѣвчонку, а потомъ и не прїѣзжалъ, — прошло сразу. Слышалъ потомъ, что родила она мертвенькаго, потомъ вышла замужъ за кривого мѣщанина изъ посада, гробовщика.

— Ну, а внучка у тебя была... Глаша?

— И теперъ жива... ничего... живетъ хорошо, пристроилась.

Говорилъ, покряхтывая, грѣлся на солнышкѣ, поживался въ широкомъ, какъ мѣшокъ, полушубкѣ. И видѣлъ по его лицу Николай Данилычъ, что и объ этомъ помнить старикъ. И ничего, тихій, безропотный.

— Сто рублей тебѣ папаша на похороны оставилъ.

— Да ну?! Царство небесное... Да мнѣ куда жъ... Меня за полторы красныхъ управятъ... ты ужъ имъ остатнее-то выдай... Акимушкѣ пусть...

Всплакнулъ. Сидѣлъ, опираясь сведенными бурыми пальцами о сухую землю завалинки. Было тихо, жарило въ завалинку солнце, гудѣли мухи. И тутъ, рядомъ съ этимъ усыхающимъ старикомъ, Николай Данилычъ почувствовалъ, какъ онъ усталъ, какъ хорошо было бы забыть все дѣла и уѣхать куда-нибудь — отдохнуть. И подумалъ, что надо поговорить съ докторомъ, отчего это часто въ послѣднее время кружится голова и покалываетъ у сердца.

— Совсѣмъ, значитъ, отъ насъ теперъ... отъѣзжаешь? — спросилъ старикъ.

— Папашу похоронилъ — чего жъ тутъ...

— Че-го тебѣ тутъ! Твое дѣло бо-ольшое, ходкое... Кто какъ... кто на крылахъ, кто на костыляхъ...

— Ну, твои какъ, внучата, сыновья?..

— Мои-то... — задумался старикъ, переступая валенками и разѣвая отъ слабости ротъ. — Ничего... Старуху когда еще схоронилъ... меньшей сынъ померъ... вотъ гдѣ это желѣзо плавлютъ... къ хохламъ туда...

— Что жъ такъ?

— Да вѣдь... померъ. Пришла бумага... холера тамъ была... горе такое. Акимушка у тебѣ, при баняхъ... Сенька, внукъ... на суконной... Василій, середній сынъ... у мушника въ молодцахъ. Гришка, внукъ... такъ, котуетъ... Давеча... на поминки приходилъ... та-акъ скандалилъ... Размотало всѣхъ, что воробьевъ по застрѣхамъ... кто игдѣ...

— Та-акъ... И у тебя не бываютъ?

— Нонеча гдѣ деньги, тамъ и родная сторона. Нонеча даль кто полтинникъ, вотъ и родня сталь... Такъ, горохомъ... врозь...

Помолчали.

— Жить-то, стальной, не будешь здѣсь... Акимку-то мово не обидь. Онъ у меня одинъ изо всѣхъ, помнитъ. А вонъ внуковъ отъ его куды занесло! Одинъ на чугунокѣ кондукторомъ... по всей землѣ-э ѣздитъ... другой въ острогѣ сидитъ... за это самое... вотъ бунтовали когда... Убѣгъ, былъ... опять пымали, засадили... Акимушка сказывалъ... письмо отъ его пришло... опять, говорить, убѣгеть...

Было видно, какъ въ окнахъ дома пробѣжала въ бѣлой кофточкѣ Паша. Крикнула:

— А я по-деревенски хочу! Гдѣ у васъ?

Выбѣжала на крыльцо босая Софьюшка, а за ней въ шелковой голубой юбкѣ и ночной кофточкѣ Паша. Софьюшка показала ей рукомоиникъ, черный, чугунный, съ носиками. Рукомоиникъ прыгалъ на проволокаѣ, плескалась вода, и смѣялась бѣлокурая, скинувшая кофточку, Паша. Поглядывалъ изъ-за машины Поповъ, пилъ чай и косилъ глазомъ. Николай Данилычъ погрозилъ пальцемъ, Паша погрозила ему. И красиво грозила, и красиво ежила плечи, и сочно смѣялась, и если бы не зналъ онъ, кто она и откуда, никогда не подумалъ бы, что она вся здѣшняя, съ этихъ дворовъ, съ этой округи: потому что и булочники были когда-то съ этой округи, сосѣдней волости. И когда такъ плескалась она,

умываясь по-деревенски, а Софьюшка ухмылялась въ руку, вышелъ Сережа, кудреватый, какъ баранчикъ, крѣпкій со сна, въ бѣлой рубашкѣ съ голубой грудью, на помочахъ, хлопнулъ Пашу по полному голому плечу, схватилъ рукомойку и выплеснулъ на обѣихъ. Былъ смѣхъ и визгъ, точно и не лежалъ еще вчера въ комнатахъ Данила Степанычъ.

Высунулась въ окно въ черномъ платкѣ Арина, поглядѣла и опять ушла.

...„Славныя дѣтищи“, — подумалъ Николай Данилычъ.

— Что же, поѣдете къ Здобному-то вашему? — крикнулъ Сережа.

Николай Данилычъ вспомнилъ, что надо поѣхать въ монастырь, сказать обложить дерномъ и внести о. казначею на сорокоусть. Приказалъ готовить машину.

XXI.

Къ обѣду поѣхали въ Шалово, за десять верстъ, къ Василию Левонычу Здобнову.

Встрѣчали передъ дворомъ самъ, Марья Кондратьевна, четыре дочери и три сына, двое работниковъ, кучерокъ и кухарка. Рвались на цѣпяхъ лохматыя собаки, бѣгали перепуганныя индюшки.

Осматривали новый кирпичный домъ съ двумя лавками въ желѣзныхъ зеленыхъ затворахъ и рѣшеткахъ, всѣ службы, конюшни и птичникъ, заводскихъ свиней и выпаиваемыхъ телятъ. Показывалъ Здобновъ новую тройку, купленную отъ предводительши и теперь продававшуюся за полцѣны — за тысячку.

— Только и всего-съ, за тыщенку-съ...

Показывалъ телячій загонъ въ триста головъ, горюрилъ:

— Не телятки-съ, а денежки наши плачутъ, въ Москву хочуть-съ...

Показывалъ съ балкона новый трактиръ на въѣздѣ, подмигивалъ, забиралъ въ маленькій кулачокъ маленькую бородку, вздыхалъ:

— Чуть-чуть пообстраиваемся.

Показывалъ по очереди семерыхъ дѣтей, — четырехъ дочерей, годъ за годомъ, отъ пяти лѣтъ, троихъ сыновей: правую руку — при торговлѣ, лѣвую руку — все деньги потягиваетъ, въ юнкера думаетъ, и третьяго — изъ коммерческаго училища.

— Этого по ученой части направляю, очень по наукамъ злой!

Про дочерей говорилъ:

— Плохой товарищъ по нонѣшнимъ временамъ. Мало-мало, а по красной на каждую готовить надо. Ну, ничего, маленько пообстраиваемся...

Показывалъ граммофонъ, сказалъ:

— Обѣдомъ я васъ затомлю, но при музыкѣ незамѣтно, хоть бы и десять перемѣнъ было.

И сдѣлалъ Марья Кондратьевна черезъ плечо большимъ пальцемъ:

— Посуду-то, посуду-то тревожьте!

Обѣдъ былъ парадный, и прислуживалъ прыщавый молодецъ изъ трактира, швырявшій тарелками съ вывертомъ и высовывавшій языкъ, когда разносилъ блюда и наливалъ рюмки.

— Кушайте-съ... — упрашивала Марья Кондратьевна. — Хоть у насъ и не по-московскому, а все самое лучшее... Все у Кошолкина брали...

Были омары, отъ которыхъ пахло селедкой, была ржавая ветчина съ горошкомъ.

— Поваръ у меня въ трактирѣ замѣчательный, у непремѣннаго члена служилъ. Кушайте. А муку сваримъ-съ мы съ вами, будьте покойны-съ. Ежели подойдетъ-съ, мы и въ компанію. Ты что жъ, тетеревь, съ лѣвой-то руки подаешь?

Бли рыбу подь бѣлымъ соусомъ, гуся и баранину, телячьи язычки — одна неожиданность.

— Еще неожиданности-то!

Пили вина съ яркими ярлыками, въ золотой и серебряной оклейкѣ, съ французскими буквами. Пили и за упокой кресинькаго, и за здоровье многоуважаемыхъ. И весь обѣдъ пѣлъ грамфонъ и рассказывалъ анекдоты.

Послѣ обѣда осматривали трактиръ-ресторанъ, только что освященный.

— Номеръ четвертый будетъ-съ! Теперь у меня одинъ работаетъ, слава Тебѣ, Господи, на посадѣ, второй въ городѣ, третій въ Маньковѣ, а это послѣдышекъ-съ... Чутьочку пообстраиваемся...

Въ трактирѣ были даже три кабинета, — чиновники когда наѣзжаютъ-съ, — и по праздникамъ приходили играть Илюша и Гриша. Галдѣли мужики, гдѣ-то играли знакомыя трехрядки, но Здобновъ приказалъ устранить на четверть часа, ввелъ въ кабинетъ и приказалъ откупорить шампанскаго — под-кликъ-съ!

— Нѣтъ-съ, дозвольте-съ. Тамъ неизвѣстно, а мы, можетъ, заваримъ еще какую кашу. Дозвольте помянуть кресинькаго.

Шампанское крѣпко шипѣло, сильно пахло лимонной коркой и горечью, и сейчасъ же у всѣхъ заболѣли отъ него головы. Потомъ пили чай въ малинникѣ, съ ромомъ и коньякомъ, и когда выѣхали въ Ключевую, чтобы проститься съ Ариной, падали сумерки.

XXII.

Автомобиль пробирался тихо по мягкой дорогѣ въ хлѣбахъ, пахло спѣлой соломой, польнью, дикой рябинкой, пылью. Еще журчали невидные уже жаворонки. Повстрѣчали въ хлѣбахъ тельги: катили съ праздника изъ Степанова, нагруженные кашей головъ и са-

поговъ, съ пиликающей гармоньей, — Степанъ-Савваить ржищъ кланяться велить, — Поповъ издалека загудѣлъ гулками вскриками, накатилъ мягко, зашарахались лошади въ хлѣба, и окатило бранью. И не оборачиваясь, не глядя по сторонамъ, вель машину по извивающейся дорогѣ.

— Должно быть, мы первые здѣсь... — сказала Паша и все оборачивалась, — какъ телѣги. И видѣла на свѣтломъ небѣ черныя маленькія дуги.

— Попривыкнуть... — сказалъ Поповъ, пугая гудками темнѣющую даль хлѣбовъ.

Увидали надъ рощицей, близко къ закату, золотенкій ноготокъ молодого мѣсяца. Ъхали опушкой, и долго провожала автомобиль смутно нырявшая какая-то ночная птица, вскрикивала тонко и зло.

Мягко вкатили въ ельникъ, душный и темный, зашурхали по колюшкамъ. Было совсѣмъ темно, но не хотѣлось зажигать фонари — сейчасъ выходъ на Ключевую. Уже пошла подъ гору дорога, уже пахнуло съ просвѣта росистой свѣжестью. На Ключевой падала роса.

— Дай огня, сейчасъ ѣдемъ, — приказалъ Николай Данилычъ.

Поповъ перевелъ рычажокъ, — и два долгихъ бѣлыхъ снопа вырвались изъ невидимыхъ глазъ машины, перекинулись черезъ улицу и положили два мутныхъ пятна на темную стѣну избы напротивъ, захвативъ въ свое поле нижнія вѣтки ветлы, высокую крапиву и на ней сѣрую дерюжку.

Вошли въ домъ. Горѣла на столѣ лампочка, принесенная Софьюшкой изъ задней половины. Вышли Миша и Санечка, ждали.

— Пока поживете здѣсь, — сказала Ольга Ивановна. — Слушайте бабушку.

Санечка заплакала, а Миша смотрѣлъ въ сторону и двигалъ ремнемъ. Вышла Арина. Она была уже въ своемъ обычномъ сѣренькомъ ситцевомъ платьѣ и въ

черной головкѣ, старая-старая, истомленная тревожными днями. Не могла стоять — сѣла.

— Ну, тетенька... попрощаемся... — сказалъ Николай Данилычъ.

Нагнулся и поцѣловалъ старуху въ холодный ротъ. Она припала къ его плечу и тряслась. Паша выбѣжала изъ комнаты, остановилась на крылечкѣ, гдѣ утромъ умывалась по-деревенски, прижала руки къ груди и поглядѣла въ небо. Звѣзды играли въ падающей росѣ. И было Пашѣ чего-то жаль, — росистаго ли уголка, старенькаго ли рукомойника съ носиками, остающуюся ли старуху-бабку, которую она совсѣмъ не знала... Потрескивала холодѣвшая на росѣ крыша, звенѣли кузнечики. Паша смотрѣла на звѣзды, сбивающіяся лучами, и мысленно, въ самой сокровенной глубинѣ, сказала имъ: „Дѣдуся! Пожелай мнѣ... пожелай мнѣ, чтобы я... чтобы я...“

Счастья она себѣ хотѣла, свѣтлой жизни, счастья незнаемаго. Она не сказала, а крѣпко подумала, смотря на звѣзды въ росѣ, такъ крѣпко, до слезъ подумала.

— Паша! — позвалъ голосъ Ольги Ивановны.

Она провела по лицу, поморгала и вошла въ комнату. Всѣ сидѣли. Слышали, какъ тархтѣла машина. Прощались. Арина крестила всѣхъ.

— Христось съ тобой, дѣточка... Благослови васъ, Господи... сохрани...

— Ежели что понадобится, тетенька, прикажите написать...

— Ужъ такіе-то вы всѣ ласковые... такіе-то хорошие...

Не могла говорить. И когда уходили, вспомнила, что не простился Захарычъ, и удержала. Пошла куда-то и привела Захарыча. Онъ былъ босой, въ бѣлой рубашкѣ, распояской, — должно быть, спалъ. Арина кричала ему:

— Прощайся съ Николенькой-то, съ родными-то... Совсѣмъ уѣзжаютъ!

А Захарычъ стоялъ и кланялся, не разбирая при огнѣ лицъ, слыша только неясный шумъ.

— Прощайте, дѣдушка!

Софьюшка повторяла:

— Много довольны, покорно благодаримъ...

Вышли и посажались. Сережа засвѣтилъ фонарикъ на машинкѣ, гукнулъ и покатылъ тропкой къ лавамъ. Вышли на шумъ машины изъ сосѣдскихъ дворовъ.

— Счастливаго пути, Миколай Данилычъ! Насъ-то не забывайте!..

Поповъ загудѣлъ на заслонившихъ дорогу. Отвѣтилъ глухо Медвѣжій Врагъ. Покатили. Видѣли оставшіеся, какъ побѣжали напередъ, указывая дорогу, два свѣта, — дальше, все дальше. Видѣли, какъ врѣзались они въ частый ельникъ на вѣздѣ, завернули, заюлили и замигали, переламываясь въ деревьяхъ, точно нащупывали и искали тамъ. Гудѣло и тарахтѣло въ елкахъ. Потомъ чище стало доходить по росѣ — тррррр... Потомъ стихло.

XXIII.

Пошли спать. Арина обошла комнаты, помолилась въ каждой. Затворила окна. Оставила открытымъ только одно — къ терасѣ. Тутъ у ней стояла чашка съ водой. Еще въ день кончины Данилы Степаныча выставила она ее, — такъ всегда дѣлали, — но ее все выплескивали, не зная, зачѣмъ здѣсь чашка, и пили изъ нея квасъ. А она наливала новую. Теперь не выплеснуть. Потомъ принесла чистое полотенце и вывѣсила за окно, къ терасѣ. Такъ всегда дѣлали. Вывѣсила, покрестилась и пошла къ себѣ въ боковую комнатку. Стихло въ домѣ. Миша и Санечка спали на кухнѣ, у Софьюшки, — боялись одни.

Въ своей комнаткѣ, жаркой отъ кухни, Арина долго

молилась темному образу, молилась о живыхъ и умершихъ, обо всѣхъ. И тихо уснула.

Тихо было на Ключевой. Слышно было, какъ играли струйки по камушкамъ. Сочились ключики изъ-подъ крутыхъ береговъ, текли и текли. Такъ и будутъ все течь, течь, сливаться съ иными струйками, переливаться въ инья рѣчки, въ большія рѣки, и долгіе еще пути итти, чтобы влиться въ огромное невѣдомое море. Такъ все и будутъ бѣжать день и ночь, день и ночь, слышные больше ночью, когда все спитъ, когда слышно, какъ растетъ трава, какъ падаетъ роса, какъ дышитъ земля. Если слушать въ тихой ночной деревнѣ, многое можно услышать.

На ранней зорькѣ прошла по росѣ Софьюшка, оставляя широкою темную полосу на травѣ. Тихо вошла въ сѣнцы и замкнулась.

На полной зарѣ вышелъ съ дальняго края, отъ рѣчки, отъ Анисьиной избы, Хандра-Мандра. Вышелъ, ковыляя, на середину деревни, подошелъ къ новому дому, посмотрѣлъ на черныя запотѣвшія окна, на бѣлое полотенце, рѣзкое на зарѣ, снялъ шапку, покрестился на небо. Вынулъ изъ пазухи жалеюку, расправилъ усы и сталъ играть. Игралъ хорошо и долго.

Вышла Софьюшка, выпустила корову.

Уже вышли коровы со всѣхъ дворовъ, отошли на тотъ край, а онъ все игралъ. Призывали его мычаньемъ. Тогда выкинулъ онъ бойкой крутой дугой черезъ плечо долгій кнутъ, перенялъ, — и разсыпалось утреннимъ крѣпкимъ трескомъ. И пошелъ догонять коровъ, а за нимъ побѣжала змѣйка, оставляя по росистой травѣ темный вертлявый слѣдъ.

1913 г.

Москва.

МИША

Впервые о Кошкиномъ домѣ Миша узналъ отъ Домнушки.

— Чего не спишь, глазками щуришься? Возьму да выкину за заборъ, въ Кошкинъ Домъ!

— Въ какой... ко-шкинъ?..

— Въ такой... Галки гдѣ прячутся!..

— А почему... галки?

— Потому. Посадили кота въ тюрьму!..

— Глупая нянька! — разсердился Миша.

— А ты не говори чего не слѣдъ, примѣра не бери.

Миша глядитъ къ окошку. Ситцевыя занавѣски, бѣгають по нимъ собаки, летятъ утки, и большой человекъ машетъ изъ травки палкой. И все собаки, и утки, и много человекъ. Въ синюю щель на занавѣскахъ свѣтятся звѣздочки на небѣ. За окномъ морозъ, темная ночь, заборъ съ дырками, за заборомъ снѣгъ, лѣсъ, и въ лѣсу — Кошкинъ домъ. Тамъ страшно. Днемъ бѣгають собачки, хватаютъ за хвостики другъ дружку, хватаютъ снѣгъ. На деревьяхъ летаютъ галки и такъ кричатъ, что даже и черезъ окошко слышно, словно шипитъ вода. За деревьями сѣрый домъ, на окнахъ его прибиты доски. Человекъ тамъ нѣтъ, и даже дворника нѣтъ.

Когда снѣгъ стаялъ, Миша увидалъ на Кошкиномъ домѣ голубковъ. Они весело бѣгали по крышѣ другъ за дружкой. И вдругъ, изъ черной дыры на крышѣ вы-

прыгнула кошка, сѣла на самый краешекъ и принялась лизаться. Кошка была красная, какъ крыша. Выпрыгнула другая кошка, сѣрая, какъ заборъ, и стала возить хвостомъ. Потомъ онѣ стали цѣловаться. Миша отъ радости запрыгалъ: теперь онъ понялъ, почему это — Кошкинъ домъ.

Многое уже зналъ Миша. Звѣздочки — глазки Божьи. Зналъ, что въ Кошкиномъ домѣ живутъ они, — надо перекреститься только! — и не надо говорить — „черти“, а такъ, — они. Ихъ отовсюду выгнали, а тутъ имъ ходъ. Кошки ихъ не боятся, — „не православныя“. Узнавъ про нихъ, Миша сталъ просить Домнушку закрывать щель на занавѣскахъ на ночь.

Когда опять навалило снѣгу, Миша увидалъ какъ-то, что въ саду Кошкина дома бѣгаетъ черная собака и маленькая собачка, черненькая. Подумавъ, онъ спросилъ Домнушку:

— А черти... — и перекрестился, — ѣдятъ снѣгъ?

— Не поминай къ ночи, глупый! — заплевалась Домнушка и покрестила Мишу. — А то и къ намъ налетятъ еще...

— Грѣться? А имъ... очень холодно? У нихъ нѣтъ лежанки?

— Тьфу, ты... Крестись!..

Миша проснулся въ страхъ: они приснились! Они шли по саду и ѣли снѣгъ. Потомъ положили лапы на заборъ и стали смотрѣть на Мишу... — въ тепло просились?..

— Няня... — заплакалъ онъ, — не пускай, не на-до!..

Нянька оправила лампадку. Летѣли утки, махали человѣки. И стало жалко: они стоятъ на снѣгу и про-

сятся. А тутъ хорошо, тепло. Спать тараканы на столъ, около кружки съ квасомъ.

Скоро Миша узналъ „всю правду“. Разказалъ ему все Левонъ. Скажетъ, метлой похлопаетъ и свистнетъ:

Ефто правда, ефто правда,
Ефто правда все бы-ло!..

Узналъ Миша, что Кошкинъ домъ огромный, „сто покоевъ“, и все тамъ, какъ было, когда самъ Кошкинъ померъ.

— Ну, нечистая сила водится, конечно. Какъ святки, она та-кую муру зачнетъ... и старикъ Кошкинъ, понимаешь, съ н и м и, и горничная его, которая удавилась...

— А это какъ? почему?

— Ну, рѣшилась жизни. Давай, говорить, удавлюсь. Ну, ступай къ Антипу, онъ всего знаетъ.

Антипу все извѣстно. Онъ живетъ съ лошадьми въ конюшнѣ. Тамъ у него фонарь со свѣчкой, въ желѣзныхъ клѣточкахъ, и пахнетъ сѣномъ и лошадьми. А отъ Антипа пахнетъ колесами. Ночью приходитъ къ нему „хозяйинъ“, мутный, „будто дымокъ“, ходитъ у лошадей, слѣдитъ, не украли ли овсеца у нихъ.

— Говорятъ намедни... — разказываетъ Антипъ Мишѣ, — овесъ краду! Я этого не могу. Онъ все знаетъ. Закатаетъ ночью — не отдохнешь!

У Миши даже въ носу щекочетъ, отъ восхищенія: „хозяйинъ“ какой добрый!

— А у тебя они... есть? Да эти, „черти“... тьфу, тьфу!.. — и Миша крестится.

— У меня быть не можетъ, у меня хрестъ мѣдный, вонъ... и вотъ еще, выжгенъ, отъ плышшиницы. Это въ Кошкиномъ домѣ — тамъ ужъ имъ самый водъ!

— А страшно ему? Ахъ, какой ты глупый... Да Кошкину дому!

Антипъ раскуриваетъ черную трубочку съ цѣпочкой, надуваетъ щеки и пукаетъ — пуф-пуф-пуф. Голубые клубочки дыма плывутъ на Мишу.

— Какъ тебѣ сказать... понятно, страшно. Вотъ тебѣ метла, ладно. Стоить въ уголку, ладно. Ну, подошла ночь, всѣ послули, ладно. Кто е знаетъ, она, можетъ, на свою судьбу жалится? Да такъ. Плачетъ: мету-мету, а тамъ меня на помойку!.. Каждое сучество понимаетъ...

— И ворота?

— Обязательно. Какъ кому помереть, скрипѣтъ начнутъ. А хозяину помереть... — съ петель обязательно соскочутъ. А самоваръ? Самоваръ, братъ, никогда не обманетъ... загудитъ, заплачетъ... — хозяину помереть! А то вотъ тараканы... Махонькіе, а имъ все извѣстно. Какъ пожару быть, — по-шли! И нипочемъ не удержишь.

Миша смотритъ на строгаго Антипа: почему онъ все знаетъ? А потому, что особенный Антипъ: у него на глазу бѣльмо, и смотритъ онъ на кого-то, кого и нѣтъ, а онъ гдѣ-то тутъ. Борода у него бѣлая и длинная, какъ у Святого нянькинаго. И надъ стойлами прибить мѣдный крестъ, а надъ крестомъ подсолнухъ, сухой, колючій, весь въ дырочкахъ, какъ медъ. Повѣсили его Антипъ изъ уваженія: поднялъ на улицѣ, когда проносили высокія иконы на трехъ палкахъ, а святой подсолнухъ упалъ на мостовую.

— А то бы опоганили, замяли. А крестъ я для лошадокъ держу.

— А лошадки молятся?

— Неизвѣстно. Вотъ, „Чалый“. Думаешь, не чуетъ? Все, братъ, чуетъ. Убери крестъ... — ну, скучать будетъ... не дай Богъ! И коваться Михалъ Иванову не дастъ, кузнецу. Узда, гляди... крестомъ дѣлана. Окна, гляди — опять крестомъ. Ворота — крестомъ!.. На цер-

квахъ — кресты. На грудяхъ — опять кресты!.. Устроено законно.

Зарывшись въ сѣно, гдѣ въ самой глубинѣ живутъ мышки, питаются, Миша смотритъ, какъ Антипъ беретъ съ полки горбушку чернаго хлѣба, разламываетъ, покрестившись, на четыре куска, солить — и говорить Мишѣ: „на, хлѣбушка, крестись!“ Крестится и самъ на мѣдный зеленый крестъ на стойлахъ и даетъ по куску „Чалому“ и „Кавказкѣ“. Жуютъ въ тишинѣ всѣ четверо. Сидятъ на стропилахъ, перебирая красными лапками, голубки, прыгаютъ воробьи въ кормушки. А голубой ясный день глядитъ со двора сянѣемъ. Вѣтромъ гонить воротину, — не скрипитъ! Голова „Чалаго“ выглядываетъ изъ стойла, чешется о побитый столбикъ. Миша протягиваетъ руку, и „Чалый“, фыркая тихо брызгами, тянется къ ней губами.

— Рабенокъ... — ласково говоритъ Антипъ. — Ты рабенокъ, и онъ рабенокъ. Три ему годочка только. А умнѣй насъ съ тобой.

— Умнѣй... А почему?

— Потому. Отъ Бога, для пропитанія. Прячься, Домна никакъ идетъ!..

Миша зарывается въ сѣно. Пропалъ голубой день. Въ сѣнѣ зеленовато, смутно. Хочется лежать долго-долго, совсѣмъ остаться, слушать Антипа, который все знаетъ, какъ святые.

1928 г.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

Какъ мы открывали Пушкина

Про солнце можно писать свободно, воспѣвать блистающіе его восходы и закаты, — какъ оно озаряетъ вершины горъ, зажигаетъ огнями океаны. И тихое, и простое писать можно: какъ оно пригрѣваетъ поля родныя, заглядываетъ и въ глушь, въ оконце лѣсной избышки, играетъ на бѣдной люлькѣ, въ глазахъ несмысленнаго ребенка. Солнце — всегда солнце.

И о Пушкинѣ можно говорить свободно. Онъ — „явленіе чрезвычайное“. Онъ — стихія, и для него нѣтъ мѣрокъ. И на высотахъ, и въ низинкахъ жизни Пушкинъ — всегда Пушкинъ.

И такъ, попробую рассказать простое и маленькое: какъ мы открывали Пушкина.

Мы... Это все маленькіе люди, дѣтской и обыденной жизни, обитавшіе на одномъ дворѣ. До событія, о которомъ я поведу рассказъ, всѣ мы знали одного Пушкина—съ нашего рынка мясника. Я и теперь еще вспоминаю странное ощущеніе, когда въ книжечкѣ Ступина увидалъ я красивый корабликъ съ парусами и прочиталъ по складамъ стихи:

„Вѣтеръ по морю гуляетъ

„И корабликъ подгоняетъ:

„Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ,

„На раздутыхъ парусахъ.

Подъ ними я прочиталъ: „Пушкинъ“.

Это „П“, похожее на наши ворота, было точно такое же, какъ и толстое золотое „П“ на мясной лавкѣ, и всѣ буквы были тѣ же: я только что выучился читать по вывѣскамъ. И тутъ „Пушкинъ“! Я не раздумывалъ, тотъ же ли это самый, но осталось внутри меня, связало что-то во мнѣ этихъ обоихъ „Пушкиныхъ“, — въ книжечкѣ и на вывѣскѣ мясной лавки. Родныя буквы?..

Потомъ „Пушкинъ“ связался во мнѣ съ зимой, со снѣгомъ на нашемъ дворѣ, съ сарайчикомъ, гдѣ стояли мои лубяныя салазки, съ собачкой „Цыганкой“.

„Зима... Крестьянинъ, торжествуя,

„На дровняхъ обновляетъ путь.

Все—знакомо: дровни-простянки, по первому снѣгу неслышно выплывающія рысцой изъ нашихъ воротъ, съ ѣздокомъ Кузьмой, — ломовикомъ, по-нынѣшнему, — „бразды пушистыя“, взрываемыя полозьями по снѣговой цѣлинѣ, черезъ весь дворъ къ воротамъ, мерзнушіе въ сырыхъ рукавичкахъ пальцы, и грозящее мнѣ лицо въ окошкѣ: домой!..

„Пушкинъ“ незамѣтно дѣлался своимъ. Лица его я не чувствовалъ, и не помышлялъ даже, есть ли у него лицо, и кто онъ. Такъ, безъ лица, невидимый, кто-то, „въ книжкѣ“, — „Пушкинъ“. Были для меня безъ лица — солнечные дни, праздники, именины, зайчики на стѣнѣ. Но понемногу онъ сталъ опредѣляться. Мнѣ было тогда лѣтъ семь.

Помню отца, въ чесучевомъ пиджакѣ, облокотившагося на столъ въ кабинеткѣ. На дворѣ поздняя весна, кричитъ мороженщикъ. Окно открыто, свѣжій

вѣтерокъ тянетъ. Въ кабинетикѣ холодокъ, мягкій голубоватый свѣтъ, отъ синихъ стеклянныхъ ширмочекъ на окошкѣ. Я сижу на прохладномъ клеенчатомъ диванѣ и все сползаю, — такой онъ скользкій. Мнѣ какъ-то не по себѣ, печально, — отъ синихъ ширмочекъ? Я заглядываю за диванъ, въ уголь, на пузатое, пузырями, „казацкое“ сѣдло, вспоминаю, что отецъ боленъ, — недавно онъ упалъ съ лошади, и у него кружится голова, — и мнѣ становится жаль его. И сейчасъ у него болитъ голова, вонъ какъ онъ морщится и все потираетъ лобъ. У притолоки стоитъ высокій, толстый приказчикъ Василь-Василичъ-Косой, руки за спину, и, почтительно наклоняясь, будто заглядываетъ подъ столъ, докладываетъ о дѣлахъ — подрядахъ, пищитъ сапогами и стрѣляетъ глазомъ по потолку. На меня, будто, смотритъ, а разговариваетъ съ отцомъ. Идетъ разговоръ о... „Пушкинѣ“!

— Для чести... — говоритъ отецъ строго и все покачивается на локтѣ. — Помни, для чести я взялъ подрядъ, не изъ барыша... Изъ уваженія... Меня чтобы не оскандалить, помни!..

— Будь-покойны-сь, понимай-ссс...

— Стояки и связи свѣжіе чтобы, а не изъ расхожихъ тамъ... Помни, что вся Россія будетъ открывать. По-няль?!

— Будь-койны съ, пымассс...

— Великому челоуѣку памятникъ, Пушкину! Всѣ знаменитые люди будутъ. Главныя мѣста и всѣ ложи пройдеши фуганкомъ... не было чтобы сѣрости. Провѣсы вывѣрить. Народъ — дура, скопшится въ проходахъ... упаси Богъ, стоякъ подастся... скандалъ! на всю Россію осрамишь! Боленъ, самъ не могу... Дураковъ приходится посылать. Смотри ты у меня...! Наканунѣ самъ загляну... — грозитъ отецъ и все покачивается на локтѣ. — Ни въ одномъ у меня глазу чтобы! Послѣ, успѣешь еще надрызгаться...

— Никакъ нѣтъ, будь-покойны-сь... доглядимъ-сь. Для такого торжества-сь, будь-покойны-сь...

Василь-Василичъ красенъ, говоритъ осторожно, въ руку, но по запаху въ комнатѣ слышно, что онъ „успѣлъ“. Теперь ему полная свобода, катаетъ на шарабанѣ и на дрожкахъ, по всѣмъ подрядамъ.

— Ну какъ, двигается?

— Очень строго полиція придирается. Приказали все наглухо зашить подъ мѣстами. Вчерась самъ пальцимейстеръ пріѣзжалъ! Лишнихъ тысяча горбылю пошло, а подъ ложами въ доску чтобы зашить велѣли, гдѣ начальство... Четыре сотни досокъ пойдетъ съ. Все опасаются...

— Не понимаю... чего опасаются?..

— Подложить могутъ-сь... бомбовъ опасаются! Которыхъ вотъ въ Охотномъ надысь били, мигилистовъ... — шепчетъ Василь-Василичъ, стрѣляя въ меня глазомъ.

— Строго за памятникомъ-Пушкинымъ слѣдятъ-сь. Парусиной даже закрыть велѣли! Доски ужъ съ него приняли, кожухъ расшили... черезъ два дни молебень съ открытіемъ, такъ опасаются. Двое городскихъ день и ночь дежурютъ, чтобы парусину не содрали. Слухи такіе, что могутъ подложить-сь!...

— Ври больше. Тѣмъ болѣе! Убытку возьму, но чтобъ все на-совѣсть! Главное, стояки... прогоны не продлинять, связи крѣпить вплотную, а не... Пошлешь ко мнѣ архитектора. Помни, для чести я... въ вѣдомостяхъ печатаютъ. Ступай.

Я понимаю, но очень смутно. „Пушкину“ открываютъ памятникъ. Будетъ торжество. Онъ есть, гдѣ-то. У насъ никто про него не знаетъ, но онъ — „великій человекъ“. Отца я боюсь спрашивать: скажетъ, какъ всегда,—„да ступай-играй, братецъ... не твое это дѣло“. Сестры не объясняютъ, отмахиваются: „ну, который стихи писалъ, поэтъ-Пушкинъ... ну, памятникъ ему ставить!“ Дворникъ Гришка ничего не знаетъ.

— Мало ли ихъ... померъ какой-нибудь, богатый! Всякому упокойнику памятники становягь, кто богатый. Вотъ нашъ Пушкинъ помретъ, — въ балдахинѣ будутъ хоронить.

Я знаю, что онъ сочинялъ стихи, много стиховъ. Я уже знаю и „Птичку Божию“, и „Румяной зарею“. Недавно прочиталъ всего „Вѣщаго Олега“ и что-то понялъ, заплакалъ даже. Я радъ, что отецъ строитъ „мѣста“ для Пушкина. Это — чтобы смотрѣть. Онъ строилъ балаганы подъ Дѣвичьимъ, „Ердань“ на Москвѣ-рѣкѣ — святить воду, — ледяныя горы въ Зоологическомъ Саду. У него триста плотниковъ. Теперь строить „мѣста“. Черезъ это Пушкинъ становится мнѣ близкимъ, нашимъ. Я радъ, но ясно не понимаю — чему я радъ.

Помню толстаго архитектора. Онъ курить толстую сигару, пускаетъ синіе клубы дыма, какъ изъ трубы. Отецъ отмахивается отъ дыма и морщится. Ему хуже, и теперь за его спиной подушка. Я сижу съ ногами на диванѣ, скриплю клеенкой, смотрю и слушаю. Отцу не до меня, и видѣть онъ сталъ хуже: вчера наскочилъ на дверь; ходитъ, протянувъ руки.

Архитекторъ показываетъ картинку — „Памятникъ-Пушкина“. Я даже съ дивана вижу высокаго, кудряваго человѣка, въ бородкѣ на щекахъ, въ длинномъ пальто, съ рукою на груди. Онъ стоитъ на высокомъ ящикѣ и какъ-будто прислушивается, чуть нагнувъ голову, или о чемъ-то думаетъ. Должно быть, сочиняетъ свои стихи. Это, конечно, онъ, особенный, непохожий ни на кого, Пушкинъ.

— Знаменитый былъ человѣкъ! — говоритъ отецъ грустно, покачиваетъ головой и морщится.

— Очень знаменитый, — говоритъ архитекторъ. — Великій былъ поэтъ. Это отъ комитета, на память вамъ.

— Это вотъ пріятно, очень лестно... спасибо... — говоритъ отецъ, разглядывая картинку, и я вижу, какъ ходитъ его рука. — Въ рамочку подъ стекло надо. Это вотъ пріятно, лестно. Собирался все почитать, да все дѣла...

Я вижу слабую улыбку на пожелтѣвшемъ его лицѣ. И другую улыбку вижу — какъ-будто, улыбку тоже, — въ его лицѣ.

Радостное во мнѣ играетъ: у насъ — Пушкинъ!

— А это приглашеніе на мѣста, отъ комитета, для васъ и родственниковъ, знакомымъ раздадите... — говоритъ архитекторъ и достаетъ толстую пачку карточекъ. — Въ знакъ вниманія. Дѣлаемъ-то задаромъ...

— Изъ чести-съ... — перебиваетъ отецъ, дѣлая билетки вѣромъ, какъ карты, и кладетъ осторожно, уравнивая края, на столъ. — Пріятно, да не придется мнѣ поглядѣть, болѣю. Но... благодарю за честь. Кто и поглядитъ, можетъ...

Я помню эти билетки. Они остались лежать въ кабинетикѣ на столѣ. Лежали долго, до осени. Послѣ смерти отца я взялъ ихъ. Никто и не замѣтилъ. Я перечиталъ ихъ всѣ, и вездѣ было одно и то же, — помнится: „Билетъ для входа на торжество освященія и открытія памятника А. С. Пушкину... сего іюня мѣсяца 1880 года“. Потомъ я игралъ ими, домики изъ нихъ строилъ.

Никто съ нашего двора — кромѣ Василь-Василича — на открытіи Памятника не былъ. Въ этотъ день отца перенесли въ спальню. А вечеромъ пришелъ въ новой поддевкѣ Василь-Василичъ и доложилъ, что слава Богу, кончилось все благополучно.

— Наро-ду было... невидимо, вся Москва! Очень парадно было... пичатели были...

Это слово онъ повторялъ торжественно — пи-ча-

тели! Незнакомо оно мнѣ было, но я его понималъ, какъ-будто: это, конечно, тѣ, которые печатаютъ книги, — печатели?

— Музыка была полковая, генераль-и-губернаторъ были... и всѣ пи-чатели, вѣнки держали зеленые, лавры... объясняли такъ! Такъ всѣ довольны были... Сдернули парусину — и открылось! Всѣ ура закричали...

— А нашими „мѣстами“... ничего, довольны были?

— Ужъ такъ довольны... очень благодарили, за отдѣлку. Я говорю... нашъ хозяинъ, говорю, изъ уваженія... для господина Пушкина-Памятника, себѣ въ убытокъ... матерьялъ первый сортъ, стояки какіе, скрѣпа на совѣсть! Всѣ бальеры фуганкомъ пройдены, никто чтобы не занозился! Ни одной-то ступеньки даже не обломилось... для Пушкина-Памятника... Самъ губернаторъ благодариль...

— Тебя! Ужъ успѣлъ, назюзюкался?..

— Помилуйте, ни въ одномъ глазу! По стаканчику только поднесли. Народу, какъ приказали, на два ведра вина выдалъ, для праздника. Такъ старались!.. Очень всѣмъ ндравится... па-мятникъ...

— А никто, небось, ничего не понимаетъ... — сказалъ отецъ. — Вонъ, погляди, похожъ?

Василь-Василичъ приступилъ на-цыпочкахъ, прикрывъ ротъ, уронилъ на-бокъ голову и вѣжливо заглянулъ черезъ отца на стѣнку. Картинку съ Памятникомъ, въ золотой рамкѣ, только сегодня повѣсили надъ кроватью.

— Оччень похожи... — встряхнувъ головой, сказалъ Василь-Василичъ и быстро отступилъ къ двери, кряхтя въ кулакъ. — Ну, прямо, какъ живой... Памятникъ-Пушкинъ! Только народу нѣтъ...

Было мнѣ лѣтъ одиннадцать. Былъ я въ гостяхъ

у дяди. Какъ всегда, повелъ меня дядя въ мастерскую, гдѣ отливались изъ бронзы паникадилы, подсвѣчники съ лисьими головками и виноградомъ и всякія интересныя вещицы. Показывалъ намъ литье высокій и очень худой старикъ — мастеръ, въ синихъ очкахъ и кожаномъ запонѣ.

— А это знаменитый нашъ Косаревъ, — мотнулъ на старика дядя, — самого „Пушкина“ отливалъ!

Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на мастера.

— Нѣ-этъ-съ, не самого „Пушкина“... — ласково сказалъ мастеръ. — Я всего только правую ногу имъ отливалъ на заводѣ, на прежнемъ мѣстѣ. Хозяинъ шутитъ...

Но и это было удивительно-радостно для меня, чудесно: вотъ самый этотъ человѣкъ — отливалъ!

— А какъ же кричалъ намедни на улицѣ — „Я — Косарь, самого Пушкина отливалъ! Не можете меня въ часть забрать!“?

— Ошибся я тогда маленько... — усмѣхнулся мастеръ. — Нѣтъ, одну всего ножку имъ отливалъ, правую. Да и это за честь считаю. Пушкинъ... — во всю Россію одинъ! Руки дрожали, какъ имъ отформовку дѣлалъ. Это не лисью головку лить... или тамъ херувима на паникадилу... Отвѣтственность!..

Мнѣ было радостно стоять рядомъ, смотрѣть на его руки, въ жилахъ.

Потомъ — я все больше и больше открывалъ Пушкина.

Я уже учился въ гимназіи, въ 4-мъ классѣ, но въ нашемъ домѣ изъ книгъ были попрежнему больше молитвенники и поминанья. Приходилъ къ намъ разъ въ мѣсяцъ „наводитъ булгахтерію“, — Василь-Василичъ ставилъ только „крыжи“ и мазалъ, — старшій участковый паспортистъ, котораго почему-то за-глаза называли „Кры-

са-Паленая“, — отъ него пахло тряпками и паленымъ, — и всегда угощали передъ работой, — больше стараться будетъ. Его сажали за чайный столъ и смотрѣли, какъ онъ выпивалъ изъ графинчика и проглатывалъ кильки съ головами. Онъ заправлялся и велъ деликатные разговоры о бухгалтеріи, а больше — о просвѣщеніи.

— Если бы я былъ царь, — говорилъ онъ, выковыривая пальцемъ кильку изъ жестянки, — я бы моментальное просвѣщеніе приказалъ завести, а то въ Сибирь! Не желаете просвѣщаться — пожжжа-луйте съ въ тюрьму, въ темную темни-цу! Какъ-такъ — зачѣмъ? Да для всего надо просвѣщеніе! Вотъ хоть булгахтерія! А то... сѣрость и сѣрость! Вотъ вы, молодой человѣкъ, просвѣщаетесь? И хорошо... рѣ-маны читайте, „Ледяной Домъ“, какъ въ древнее время жили... Или вотъ теперь въ „Московскомъ Листкѣ“ про Чуркина... не оторвешься! Про путешествія читаете? И это польза, хотя больше фантастическій обманъ.

Какъ-то пришелъ онъ послѣ Рождества и объявилъ намъ:

— Желаете просвѣщенія? Не пожалѣйте полторакашки для рѣдкаго случая! На подписку собираю, по знакомству, лавошникамъ даже рекомендую... Всего Пушкина за полтора цѣлковыхъ, цѣльную кучу книжекъ, дешевле пареной рѣпы! По случаю смерти Пушкина. Кануло пятьдесятъ лѣтъ, и теперь всѣ могутъ его печатать. Не поскупитесь для потомства, а... въ память знаменитаго человѣка! Вотъ, подпишитесь на листочкѣ, напишите-ка двѣ строчки...

И вотъ, какъ-то весной, почтальонъ приноситъ тючокъ въ рогожкѣ. А когда его распороли, оттуда посыпались пухлыми кирпичиками чудесно пахнущіе свѣжей краской томики „Полнаго Собранія Сочиненій А. С.

Пушкина“, въ обложкахъ фисташковаго цвѣта. И тогда я открылъ его, отъ дѣтскаго портрета — крутолобого кудряваго мальчугана — до Памятника ему, открылъ до конца, всего. И всего его прочиталъ и перечиталъ, встрѣтилъ и „про корабликъ“, и „про зиму“, и „Птичку Божию“, и „Вѣщаго Олега“, пережилъ снова первую съ нимъ дѣтскую свою встрѣчу, съ незабываемой свѣжестью и радостями несознанныхъ и загадочныхъ ощущеній, необъяснимыхъ и до сегодня, — это непередаваемое и понынѣ чувствованіе его — безъ чело-вѣческаго лица, безъ смерти. Открывшійся мнѣ въ первые годы дѣтства духовный его образъ съ годами сталъ только глубже и, пожалуй, еще необъяснимѣй.

1926 г.

Какъ я узнавалъ Толстого

Культура... Во дни моего дѣтства мы — я и моя округа — и слова такого не слыхали. А она была, эта культура, проникала невидимо, какъ воздухъ, вливалась въ насъ, порой — и смѣшнымъ путемъ. Кругомъ же была она! Въ церковномъ пѣніи, въ благовѣстѣ, въ пѣсняхъ и говорѣ рабочаго народа изъ деревни, въ тоненькой, за семитку, книжкѣ въ цвѣтной обложкѣ, — до пестрыхъ балагановъ подъ Новинскомъ, до Пушкина на Тверскомъ бульварѣ. Вливалась мѣтко — чудеснымъ народнымъ словомъ. На самомъ порогѣ дѣтства встрѣтилъ я это слово, живое слово. Потому ужъ — въ книгахъ.

И вотъ, вспоминая дѣтство, — скромное, маленькое дѣтство, — вижу я въ немъ большое, великій подарокъ жизни, — родное слово.

Родное слово — это и есть культура.

Я уже рассказалъ страничку моей „культуры“, — „Какъ мы открывали Пушкина“. Теперь расскажу, какъ мы узнавали Толстого, — я и моя округа.

Впервые о Толстомъ я узналъ отъ парильщика Ивана Хромого, стараго солдата. Было мнѣ лѣтъ восемь. Иванъ вымылъ меня до лоску, попарилъ даже вѣничкомъ на полкѣ, и, щекоча бородой у грудки, по-

несъ осторожно въ одѣвальною. Несъ, притопывая на хромую ногу, и, какъ всегда ужъ, желая доставить мнѣ удовольствіе, хрипѣлъ любимую мою пѣсенку про блошку:

Блошка парилась,
Съ полка ударилась,
На приступкѣ приступила —
Изувѣчилась!..

Пахло отъ Ивана виномъ, пахло и паромъ, и безрезкой, и покачивался онъ на хромой ногѣ, которую „подгрызли ему турки“, но доставилъ меня на диванчикъ въ сохранности и положилъ нѣжно, какъ мать ребенка. Мѣдный крестикъ его пріятно скользнулъ по мнѣ, щекотнулъ холодочкомъ тѣло.

— Ноготки ему пострычь бы надо, какъ у пѣтушка стали... — сказалъ онъ парню, ерошившему меня простынкой.

Парень сталъ меня мучить съ ножницами, а голый Иванъ, въ одной розовой рубахѣ, закурилъ свою трубочку и, поплясывая, принялся впрыгивать въ панталоны.

— А давешняя книжка гдѣ?... — спросилъ онъ, впрыгивая. — Да какую имъ показать-то принесъ...

Мнѣ, значитъ. Книжка оказалась въ водѣ, на подоконникѣ. Иванъ поднялъ ее двумя пальцами, отрянулъ, какъ тряпочку, о колѣнку, брызнувъ мнѣ на лицо, — тоненькая была она, розовенькая, — и подалъ мнѣ на ладони:

— Говорять, шибко вы читать стали, почитайте-нате, чего пишутъ. Левонъ мнѣ далъ поглядѣть, лакей отъ графа Толстого изъ Хамовниковъ подарилъ, мылся. Его, говоритъ, баринъ самъ эти книжки пишетъ, графъ Толстой-писатель.

До „графа“ мнѣ дѣла не было, а книжки меня интересовали. Я поглядѣлъ картинку, — кажется, знакомый сапожникъ сидѣлъ на липкѣ, — и прочиталъ бу-

ковки-завитушки: „Чѣмъ люди живы“. Этого я не понималъ. Что такое — „чѣмъ люди живы“? Я любилъ про „Бабу-Ягу“, про „Солдата-Яшку“... — пачки ихъ лежали у Соколова въ лавочкѣ. А тутъ даже и заглавіе непонятное. Я отложилъ книжечку и сталъ слушать, что говорили Иванъ съ парнемъ. Говорили они про „графа“. Совсѣмъ рядомъ, за Крымскимъ Мостомъ, въ Хамовникахъ, живетъ графъ Толстой, который самъ ходитъ за водой на бассейнъ; даже и признать нельзя за графа, одѣвается по-деревенски, въ полушубокъ и валенки, а живетъ въ собственномъ домѣ, и богачъ страшный; что дворникъ отъ него и лакей ходятъ къ намъ въ „дворянскія“, а самъ, будто, — за пятакъ, въ „простыя“, и беретъ даже вѣничекъ за монетку, любитъ попариться; но только нипочемъ никого не допуститъ спину потереть, а все самъ! А когда придетъ — никто углядѣть не можетъ, ранымъ-рано: ни за что не обознать, скрывается!

— А почему онъ скрывается? — спросилъ я, чуя таинственное.

— Значитъ, такое ужъ у него расположеніе. Можетъ, въ святые хочетъ выйтить! Вонъ, у Троицы, пустынникъ одинъ хоронится... ночью только выходитъ на рѣчку воды набрать... Еще былъ Сергій Преподобный... Намъ Иванъ Ивановичъ какъ начнетъ рассказывать подъ котлами...

Иванъ Ивановичъ — сынъ арендатора бань, — еще мальчикъ, но уже стоитъ у сборки, получаетъ деньги съ гостей. И всегда на локоткахъ, нагнувшись: читаетъ книжку.

— А онъ тоже святой, графъ?... — спрашиваю я Ивана.

— Неизвѣстно. Собственный домъ, и дворникъ, и лакей... Значитъ, не святой. Святому не полагается.

Тоже и я подумалъ.

Книжечку я взялъ почитать домой, но она мнѣ

мало понравилась. Было приятно, что Ангелъ помогъ сапожнику — сшилъ толстому человѣку босовики, на смерть, и пожалѣлъ хроменькую дѣвочку. Печально отъ книжки стало.

Отъ лавочника Соколова, гдѣ я покупалъ „изданія книгопродавца Шарапова и Морозова“, три копейки пара, я узналъ, что графъ Толстой — „имѣется такой“ — написалъ кучу книгъ, но сейчасъ только одна — „Три смерти“.

— Про страшное?

— Понятно, про страшное! „Три смерти“! Не одна, а сразу три!

Я любилъ страшное, не разъ читалъ въ поминаньи, какъ душа ходитъ съ ангеломъ по мытарствамъ и трепещеть, и сейчасъ же купилъ „Три смерти“. Страшнаго не было, но мнѣ стало еще грустнѣе, чѣмъ отъ „Чѣмъ люди живы“. Помнится, я заплакалъ, какъ умирала березка. Но было и интересно: и въ книжкѣ разговаривали люди, — совсѣмъ, какъ у насъ на дворѣ, наши.

Соколовъ подтвердилъ, что графъ Толстой живетъ совсѣмъ рядомъ, въ Хамовникахъ, у пивовареннаго завода, и что онъ большой чудакъ: по воду ходитъ и „ничего такого не признаетъ“.

— Почему онъ чудакъ?

— Ну, чудитъ! Не желаетъ быть графомъ, а ему не дозволяютъ. Царь велѣлъ быть графомъ — значитъ, и будь графомъ, а не капризничай. Умнѣющій человѣкъ! Да всѣ умнѣющіе всегда чудаки. Одинъ такой въ бочкѣ жилъ. Въ святыя изъ нихъ выходятъ.

Съ той поры я перетаскалъ отъ Соколова много тоненькихъ книжечекъ „Посредника“. Стали онѣ мнѣ нравиться.

Было уже мнѣ лѣтъ четырнадцать.

Какъ молодой хозяинъ, я пользовался въ баняхъ

уваженіемъ: мнѣ показывали водокачку, гдѣ ходили по кругу слѣпья лошади, и тянулись изъ глубины желѣзные ведра на цѣпицахъ; водили къ котламъ, откуда подаютъ горячую воду въ бани; показывали огромные, какъ дома, красные баки на подпорахъ, гдѣ шумѣла вода по трубамъ. Парильщикъ Иванъ былъ теперь водоливомъ, сидѣлъ у котла, въ теплѣ, подкидывалъ полѣнья въ топку и шилъ сапоги на рынокъ. Я мечталъ сдѣлать его приказчикомъ и своимъ другомъ — строить мосты и бани.

И вотъ, однажды, когда я осматривалъ бани, ко мнѣ подошелъ вѣжливый Ваня Сахаровъ, сынъ нашего арендатора, и сказалъ, какъ говорятъ аристократы:

— Послѣ баньки прошу васъ пожаловать ко мнѣ на чашку чая.

Мнѣ очень польстило это. Я зналъ, что у Вани книгъ, — прямо, до потолка! — и что онъ даже сочиняетъ стихи-романы. Ему было лѣтъ восемнадцать. Онъ не учился въ гимназій, а окончилъ только городское училище. Мнѣ казалось, что Ваня хочетъ похвастаться, показать мнѣ свои богатства. Я подумалъ: пожалуй, ему сказали, что я тоже сочиняю стихи и прозу, — а я уже написалъ „Путешествіе на луну учителя-Мартышки“, — и онъ хочетъ со мной сойтись, какъ съ писателемъ. Онъ стоялъ въ баняхъ „за выручкой“, имѣлъ кучи денегъ и могъ покупать, что хочешь. Мнѣ было интересно.

Послѣ бани я сидѣлъ въ уютной Ваниной комнатѣ надъ „Смѣльными номърами съ мраморными ванными“, — значилось такъ на вывѣскѣ бань, — и слушалъ „собственноручное сочиненіе Вани Сахарова“ — такъ называлось сочиненіе, — „Страшныя Цѣпи Оковы изъ московской жизни, былъ“.

По случаю моего посѣщенія столъ былъ уставленъ всякими сладкими закусками, пирожными отъ Воронина, съ „безе“, пряниками, тянучками, изюмомъ и

шепталой, а по срединѣ высилась удивившая меня бутылка портвейна! Это мнѣ было особенно пріятно: меня уже считаютъ солиднымъ человѣкомъ. И я держалъ себя подобающе: облокотился и морщилъ лобъ, временами покрывалъ. Ваня называлъ меня по имени и отчеству, пожималъ мнѣ руку и говорилъ восторженно:

— Мы теперь съ вами сами сочинители!

Растроганный, я продекламировалъ ему стихи — „О чемъ шумите вы, лѣса?“ — гдѣ былъ, помнится, такой стихъ:

Шумѣли всѣ лѣса,
Молчали небеса!

Ваня показалъ мнѣ множество книгъ въ роскошныхъ переплетахъ и все повторялъ:

— Сами понимаете, стою при сборкѣ... но это не воровство, если я у папаши беру. И я не на кабакъ, а на библиотеку откладываю. Смотрите: на каждой книжечкѣ — В. С. — Ваня Сахаровъ! Не можетъ никакъ пропасть. Вѣчное владѣніе!

Чай намъ подавала въ стаканахъ на подносѣ съ розанами, съ вареньемъ въ блюдечкахъ, дѣвочка паразитической красоты, съ личикомъ ангела. Ваня гладилъ ее по пальчикамъ и называлъ нѣжно — „Танечка, мой ангелъ!“

Какъ я ему завидовалъ!

— Знаете... — мечтательно говорилъ онъ мнѣ, — хочу образовать ее при посредствѣ библиотеки и потомъ жениться. Надо всѣмъ рваться къ свѣту и стать энтелегентами. Жаль, не удалось попасть въ гимназію. Завидую я вамъ!

Волнуясь, краснѣя, поминутно вытирая потѣвшій лобъ, Ваня прочиталъ мнѣ рассказъ про одного молодого банщика, который долженъ былъ влачить жалкую жизнь среди сырыхъ стѣнъ, слушать вопли и за-

унывные свисты сверчковъ и получать грязные пятаки, когда душа рвется неумолимо къ свѣту. Герой любитъ красавицу и хочетъ уйти съ ней на край свѣта просвѣщать тьму народную, но скряга-отецъ грозитъ проклятьемъ, „ежели ты бросишь родовое, банное наше дѣло!“ Ваня читалъ со слезами въ голосъ и все попивалъ портвейнъ. Попивалъ и я и слушалъ вдумчиво-строго, какъ уже умудренный. Помню и до сего дня стихи, сочиненные героемъ, въ мечтаньяхъ безсонной и роковой ночи:

Прочь отъ вѣниковъ, отъ бани,
Отъ зеленыхъ пятковъ!
Отъ ужасныхъ сихъ оковъ!

Стихи мнѣ не очень понравились, но я покивалъ сочувственно. Но герою убѣжать прочь такъ и не удалось: отецъ угрожалъ проклятьемъ. Тогда герой, Лопушковъ, у котораго въ комнатѣ „всѣ стѣны были уставлены книгами и портретами всѣхъ знаменитыхъ писателей“, въ одну ужасную ночь, когда метель выла по снѣжнымъ улицамъ, потрясая крыши и стѣны домовъ,—рѣшился на страшный шагъ. Онъ поджегъ горы сухихъ вѣниковъ, вспыхнувшихъ, какъ порохъ, и огненный вихрь вмигъ охватилъ эти проклятыя бани, гдѣ въ вони и мыльной грязи погибали тоскующія души. Бани сгорѣли до тла, но — чудо! — завѣтная комната съ книгами осталась невредимой. Огонь не дерзнулъ испепелить *священное*, и портреты славныхъ писателей продолжали взирать изъ пламени пожара, паря надъ огненной стихіей, какъ... Фениксы! „Фениксы“ меня смущали, но я промолчалъ, дѣлая видъ, что знаю. Отецъ героя умираетъ отъ потрясенія, такъ какъ бани были незастрахованы, а герой остается на пепелищѣ, съ сокровищами нетлѣнными и... съ прекрасной подругой жизни и смерти.

Разсказъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, — Танечка даже утирала слезки, — и мы порядочно выпили портвейну. Два дня мнѣ было нехорошо. Но съ той поры я сталъ захаживать къ Ванѣ и брать книги. Нравилась мнѣ и Танечка.

Какъ-то Ваня встрѣтилъ меня восторженно:

— Ахъ, если бы вы знали, кто у меня!..

На стѣнѣ, въ золоченой рамкѣ, появился портретъ Толстого. Мало того: на бѣлой каймѣ, внизу, стояло тонкимъ и длиннымъ почеркомъ:

Л. ТОЛСТОЙ

— *Самъ!.. Самъ* расписался! — кричалъ со слезами Ваня, снимая портретъ, и благоговѣнно цѣлуя въ стеклышко. — Посвятилъ мнѣ подпись, собственноручно!..

Я и глазамъ не вѣрилъ.

— Ей-Богу! — крестился Ваня. — И прочиталъ мое сочиненіе!..

— Прочиталъ... о нѣ?! сочиненіе?!... — изумился я, и у меня защемило сердце.

— Да, „Страшныя Цѣпи-Оковы“!

И я услышалъ невѣроятное, толкнувшее и меня — попробовать. Объ этомъ я расскажу какъ-нибудь потомъ. А вотъ, что узналъ отъ Вани.

Ванѣ сказали, что въ „дворянскихъ“ моется чело-вѣкъ отъ графа Толстого, изъ Хамовниковъ. Онъ перехватилъ его еще въ „горячей“, когда тотъ парился, и упросилъ зайти на чашку чая, какъ и меня. Тамъ, за вишнебочкой и мадерцей, онъ умолилъ „человѣка“ взять его сочиненіе и показать великому писателю. О томъ, что сказалъ графъ про „Страшныя Цѣпи-Оковы“, Ваня рассказывалъ сбивчиво: то — будто „очень понравилось“, то — будто бы графъ Толстой улыбнулся и сказалъ, что „все хорошо, только поджигать нехорошо“!

— Самъ господинъ лакей графа Толстого гово-

рилъ! Была у него тетрадка! въ рукахъ его, *его!!..* даже написалъ на ней!

— Написалъ на тетрадкѣ! *самъ?!—* поразился я.— Но вѣдь это же драгоценность, если фак-си-ми-лэ!.. Дайте посмотрѣть!

Но тутъ... Ваня заявилъ, что тетрадка у переплетчика. Такъ я и не видалъ тетрадки: была все еще у переплетчика.

Осталось тайной: написалъ ли и что написалъ Ванѣ Сахарову графъ Толстой. Какъ-то отецъ Ванинъ рассказалъ потомъ, что — „такъ его тотъ графъ за глупые пустяки отдѣлалъ, что три дня Ванька ходилъ, какъ мокрый. Дурака ему написалъ“. Такъ и не разъяснилось. Но портретъ былъ самый настоящій, съ самой настоящей надписью. Были и тутъ неясности. Сначала Ваня восторженно говорилъ, закатывая глаза, словно молился на небо, что это самъ графъ Толстой „прислалъ“ ему свой портретъ. Потомъ... какъ-то ужъ выяснилось, что портретъ купилъ Ваня въ городѣ за два рубля и уговорилъ „человѣка изъ Хамовниковъ“ упротить графа расписаться, и далъ ему за это пять цѣлковыхъ.

Какъ бы тамъ ни было, но я съ того случая проникся къ Ванѣ почтеніемъ и сталъ мечтать, что вотъ накоплю два рубля, куплю портретъ Толстого, отправлюсь въ Хамовники и умолю лакея — не отойду отъ дверей! — выхлопотать и мнѣ подпись. А пока принялся читать „Собраніе сочиненій Л. Н. Толстого“, въ роскошномъ переплетѣ, появившееся въ Ваниной комнаткѣ, на отдѣльной полочкѣ, за занавѣской изъ кумача.

А вскорѣ произошло событіе...

Случайно ли это вышло, или Ваня наконецъ-то осуществилъ мучившую его мечту—„прочь... отъ ужасныхъ сихъ оковъ“, только произошелъ пожаръ въ баняхъ. Самыя то бани уцѣлѣли, — сырыя, что ли, онѣ

были, — вода и грязь! — а „Сѣмѣйныя номера съ мрамѣрными ванными“ сгорѣли какъ есть дотла, а съ ними сгорѣла и завѣтная комнатка съ книгами и портретомъ Толстого съ надписью. Ваня метался на пожарѣ и умолялъ отстоять. Не отстояли. Говорили, что онъ былъ вдрызгъ пьяный, кидался въ огонь, какъ чумный, и его отвезли въ больницу. Недолго пожилъ послѣ этого случая: отъ скоротечной чахотки померѣ. Рассказывали у насъ, что красавица Танечка ушла будто бы въ монастырь: грамотная стала, по-церковному бойко читать могла.

Приходилъ къ намъ Ванинъ отецъ, тяжелый человекъ, съ нависшими вѣками, безглазый,—рассказывалъ:

— Моя вина, не доглядѣлъ. Книжками этими до смерти зачитался. Отъ нихъ, знаете... получается въ головѣ! И книжки его сгорѣли, и его за собой потащили.

Съ нимъ соглашались и жалѣли: всякія бываютъ книжки... а на слабую-то голову если...!

А я оставался при своемъ: прикупить два рубля, купить портретъ, пойти въ Хамовники, — домъ-то я ужъ разглядывалъ, — повидать того самаго „человѣка“ и черезъ него какъ-нибудь дойти. Рѣшилъ написать романъ и уже заглавіе придумалъ — „Два лагеря“. Мечталъ: напишу, получше перепишу и понесу на судъ самому Толстому. И вдругъ, онъ скажетъ, что...

Чудесное это было время. Радость надеждъ и священный трепеть.

1927 г.

Какъ я сталъ писателемъ

Вышло это такъ просто и неторжественно, что я и не замѣтилъ. Можно сказать, вышло это непредумышленно.

Теперь, когда это вышло на самомъ дѣлѣ, кажется мнѣ порой, что я не дѣлался писателемъ, а будто всегда имъ былъ, только — писателемъ „безъ печати“.

Помнится, — нянька, бывало, говорила:

— И съ чего ты такая балаболка? Мелеть-мелеть нивѣсть чего... какъ только языкъ у тебя не устанетъ, балаболка!..

Живы во мнѣ донинѣ картинки дѣтства, обрывки, миги. Вспомнится вдругъ игрушка, кубикъ съ ободранной картинкой, складная азбучка, съ буквой, похожей на топорикъ или жука, солнечный лучъ на стѣнкѣ, дрожащій зайчикомъ... Вѣтка живой березки, выросшей вдругъ въ кроваткѣ, у образка, — зеленой такой, чудесной. Краска на дудочкѣ изъ жести, расписанной ярко розами, запахъ и вкусъ ея, смѣшанный съ вкусомъ кровки отъ расцарапанной острымъ краемъ губки, черные тараканы на полу, собравшіеся залѣзть ко мнѣ, запахъ кастрюльки съ кашкой.. Боженъка въ уголкѣ, съ лампадкой, лепеть непонимаемой молитвы, въ которой свѣтится „дѣворадуйся“... Обрывокъ няниной пѣсенки —

. . . . .
Туру-ногу пишетъ,

На золотомъ блюдѣ,
Селебrenomъ стулѣ,
Яво жена Марья
Сына породила,
Царя Кистинки-на...

И страхъ, и радость.

Черная кочерга у печки — Бабы-Яги нога. Посто-
ить — да вдругъ и поѣдетъ по полу со звономъ.

. . . . .
Сидитъ Баба-да-Яга,
У ей костяна нога,
У ей рѣщены рога,
Желѣзная пятка,
А ж..а-то мягка...
Пошелъ котикъ во лясокъ,
Нашелъ котикъ поясокъ...

Я говорилъ съ игрушками — живыми, съ чурбач-
ками и стружками, которые пахли „лѣсомъ“, — чѣмъ-то
чудесно-страшнымъ, въ которомъ „волки“. Что это —
„лѣсъ“? Не знаю. А — „волки“?... Страшное.

Онъ зубами — лясъ-лясъ,
А хвостикомъ — трясъ-трясъ...

А „лѣсъ“... —

Во ягоровомъ лясу
Лиса лычки драла,
Лиса лапотки пляла...
Пѣтушки ня цойте,
Волки ня войте,
Дитѣ успокойте...

Но и „волки“ и „лѣсъ“ — чудесные. Они у меня — мои.

Я говорилъ съ бѣлыми, звонкими досками, — горы ихъ были на дворѣ, — съ зубастыми, какъ страшные „звѣри“, пилами, съ блиставшими въ трескѣ топорами, которые грызли бревна. На дворѣ были плотники и доски. Живые, большіе плотники, съ лохматыми головами, и тоже живыя доски. Все казалось живымъ, моимъ. Живая была метла, — бѣгала по двору за пылью, мерзла въ снѣгу, и даже плакала. И половая щетка была живая, похожая на кота на палкѣ. Стояла въ углу — „наказана“. Я утѣшалъ ее, гладилъ ея волосики.

Все казалось живымъ, все мнѣ рассказывало сказки, — о, какія чудесныя! Буравчикъ, похожій на червячка, былъ добрый: онъ высверливалъ дырки-глазки, чтобы доски могли глядѣть. И онѣ глядѣли, и я черезъ нихъ глядѣлъ, въ свѣтлую дырочку, на небо.

— А ты гляди, покажу-то тебѣ что... — говоритъ мнѣ плотникъ и ставитъ тонкую доску, съ сучочками. — На сучочки-то погляди, на солнышко! Кровь-то у ней какъ ходитъ! Кровь-смола въ ней, красная-то какая, какъ вишенька...

Я смотрю на сучочки, и свѣтится все, какъ кровь. Живыя доски!.. Все напѣвало пѣсни: и бѣлая бревна, въ капелькахъ — въ горькихъ слезкахъ, и тоненькія стружки, падавшія съ досокъ колечками, и звонкіе зубчики пилы. Пѣсни-то распѣвали плотники, — всякій знаетъ, — а мнѣ казалось, — и такъ хотѣлось! — что это поетъ рубанокъ. Рубанокъ имѣлъ языкъ, синенькій язычокъ изъ щелки, лизавшій доски, гладившій ихъ до лоска. Гладилъ — и пѣлъ, и пѣлъ.

А что говорить о садѣ, гдѣ глухіе углы, сырые, заросшіе лопухами и крапивой, казались страной чудесной! Тамъ у меня былъ „лѣсъ“, въ которомъ водились „волки“ — бѣлые чурбачки. Бывало, лежишь подъ лопухами, подъ крапивой. Черезъ нихъ — свѣтло, зе-

лено, если глядѣть на небо. Зелень такая сочная, живая. И на этомъ „небѣ“, на этомъ живомъ небѣ, плаваетъ большая птица, съ желтыми крыльями, — залетѣвшая бабочка. И еще птички, красныя: мелкія бабочки въ крапивѣ. И неотрывно смотришь, какъ царапается ползѣтъ тяжелая, похожая на ягодку-рябинку, поменьше только, божья коровка — для меня настоящая коровка, ползѣтъ по „небу“. А „волки“, бѣлые чурбачки, пасутся. И вотъ, помню испугъ и счастье: пришла коса! Добрый, лохматый плотникъ всталъ надомной, надъ „лѣсомъ“...

— А ну-ка, выбирайся... а то порѣжу, вострая у меня коса! — страшно сказалъ онъ мнѣ, взмахивая косой надъ „небомъ“.

Я закричалъ, заплакалъ. А онъ показалъ мнѣ зубы и поманилъ:

— А ты гляди-ка, какая штука!

И досталъ изъ кармана дудочку — поиграть. Но я не умѣлъ играть. Дудочка была бѣлая, въ кружочкахъ, въ дыркахъ. Онъ повертѣлъ ее, заигралъ пальцами по дыркамъ, и дудочка запѣла. Плотникъ присѣлъ ко мнѣ и игралъ долго-долго. И пѣлъ знакомую пѣсенку, которую пѣлъ и я.

Ды-я поѣду на родину,
 На родинѣ дубъ стоитъ,
 На дубу сова сидитъ,
 Сова-то мнѣ те-о-ща,
 Воробушекъ шу-у-ринъ,
 Глазыньки прищу-у-риль...

— Валяй и ты про сову, — сказалъ онъ ласково и далъ мнѣ дудочку поиграть, — валяй-дуй!

Я сталъ дуть въ дудочку, но она не хотѣла пѣть, только сипѣла-плакала, — капало изъ нея на травку. А плотникъ звенѣлъ косой. Падали лопушки, крапива, —

мои „лѣса“, звякало въ нихъ косою: зык-дзык... зык-дзык... Смерть имъ пришла — я зналъ. Смерть — очень страшное. Это я видѣлъ на картинкѣ, у плотниковъ, на стѣнкѣ: смерть, изъ костей, съ косою. Когда плотникъ усталъ косить, я сказалъ:

— Это ты у „смерти“ взялъ косу?

Онъ вдругъ посмотрѣлъ на меня страшными глазами, замахнулся косою на небо и зарычалъ:

— Я теперъ самъ смерррт!..

Это былъ первый ужасъ. Я заметался съ крикомъ. Меня унесли изъ сада.

Дудочка и коса... и смерть! Я помню: и страхъ, и радость.

Помню я „перемѣнки“ въ пансіонѣ и старенькое лицо учительницы, Анны Димитріевны Вертесъ. Какъ я ея боялся, въ первые дни ученья! Я думалъ: оборотень она! За бѣлой дверью, гдѣ учились большія дѣвочки, она говорила непонятно:

— Мед-муазель!..

Иногда вскрикивала строго, — будто понятное — „сортиръ!“ — но это было совсѣмъ другое, а вовсе не то, что называется такъ у насъ. Что значитъ „оборотень“ — я зналъ отъ плотниковъ. Она не такая, какъ всякій крещеный человѣкъ, и потому говоритъ такое, какъ колдуны. Стоя за ея стуломъ, я всматривался въ ея спину и затылокъ, въ кучку волосъ за сѣткой. Перекрестить если, она sproкинется! Я незамѣтно крестилъ ее и шепталъ: „а ну, sproкинься!“ Но она оставалась все такая. Потомъ я понялъ, что это—„столпотвореніе вавилонское“. Батюшка намъ рассказывалъ и показывалъ въ книжкѣ башню, почему стали разные языки. И я подумалъ, что и Анна Димитріевна строила большую башню, и у ней смѣшались всѣ языки. Я спросилъ ее, было ли ей страшно — „столпотвореніе вавилонское“, и сколько у ней языковъ. Она долго

смѣялась, велѣла высунуть мнѣ языкъ и показала свой. Нѣтъ, у ней былъ только одинъ языкъ.

— Скоро и у тебя будетъ „столпотвореніе“, — сказала она, смѣясь, — будешь учить Марго и, конечно, плакать.

Тутъ она позвала изъ-за бѣлой двери большую дѣвочку и велѣла „долбить Марго“. Дѣвочка плакала надъ книжкой и все долбила:

„Сеньоръ-бениль-увраж... Сеньоръ-бениль-увраж...“.

Мнѣ стало неприятно: если и мнѣ такъ будетъ! Скоро узналъ я многое.

Аничка Дьячкова, самая красивая дѣвочка, выско-чила изъ-за бѣлой двери, взяла меня за ручку и крикнула:

— Пойдемъ, я научу тебя танцевать, хочешь?

Она завертѣла меня по залу, подъ музыку рояля, топала и кричала весело:

— И-разъ-два-три... и-разъ-два-три!.. и-разъ-два-три... и-разъ-два-три!..

Потомъ понеслась со мной по коридору, присѣла передо мной, какъ маленькая, дала мнѣ изо рта мятную карамельку въ ротъ и стала учить стишкамъ:

Рэгардэ-машер-сестрица,
Кельжолли-идеть-гарсонъ,
Сэтасэ-Богу-молиться,
Намъ-пора-алямэзонъ!

— А, хорошее „столпотвореніе“? — спросила она меня, цѣлуя.

— Хорошее... — сказалъ я, слыша, какъ пахнетъ карамелькой, — пропой еще!

Она пропѣла еще, и я безъ ошибочки повторилъ. Она взяла меня за ушки и поцѣловала въ губки. Съ тѣхъ поръ, на урокъ танцевъ, я съ замираніемъ ждалъ, когда Аничка схватитъ меня вертѣться. Такъ весь и

обомлѣешь, какъ она разбѣжится черезъ залу, раскатится въ прунелевыхъ башмачкахъ на тонкихъ ножкахъ, сдѣлаетъ мнѣ такъ ручкой и присядетъ. Коричневое ея платьице такъ и надуется и развѣдется по полу, какъ вѣтеръ, и мнѣ почему то стыдно, словно на насъ всѣ смотрятъ, и это очень нехорошо. И мы вертимся-вертимся... пока Анна Димитріевна не крикнетъ отъ рояля:

— Анэтъ, вы его совсѣмъ, бѣдненькаго, завертѣли... сэтасэ!

А мнѣ хоть бы безъ конца вертѣться. Но только съ Аничкой.

У ней были синіе синіе глаза, а губки аленькія и сладкія, и всегда отъ нихъ пахло карамелькой. Она часто утаскивала меня въ темный коридоръ, усаживала на большой сундукъ и приказывала рассказывать. Я многое ей рассказывалъ, чего и она не знала. Рассказалъ даже, какъ баринъ отнял у старика жернова, а пѣтухъ его все стращаль: „баринъ-баринъ, отдай стариковы жернова!“ — и какъ баринъ велѣлъ пѣтушка зарѣзать и съѣлъ до перышка, а пѣтушокъ высунулъ изъ барина головку и закричалъ опять — „баринъ, баринъ, отдай стариковы жернова!“ — и какъ баринъ велѣлъ голову пѣтуху рубить, а пѣтухъ-то и уюркнулъ назадъ, а слуги и отрубили барину... Тутъ я не могъ сказать. Она не отставала и все допытывалась:

— Скажи, чего барину отрубили? дамъ еще конфетку!

Я сказалъ, что говорятъ это плотники, а я не могу сказать. Тогда она научила еще стишкамъ и повела меня на другой сундукъ, подъ шубы:

Пуговицы-вицы-вицы,
 Лебутонъ-тонъ-тонъ,
 Баранина-нина-нина,
 Лемутонъ-тонъ-тонъ!

И все-таки я не могъ сказать. Тогда она еще научила:

Кескевуфетъ?
Пошла кошка въ буфетъ,
Нашла фунтъ конфетъ!
Донмуа! Ахъ, нѣтъ!..

Тутъ она развернула карамельку, взяла ее въ зубки и стала меня дразнить:

— Скажи, чего барину отрубили... тогда дамъ! Не скажешь — не дамъ!

И ущипнула меня за носикъ, и очень больно. Но и тутъ я не могъ сказать. Тогда она мнѣ сказала, что она и безъ меня знаетъ, чего отрубили барину. Я началъ спорить:

— А вотъ не знаешь, не знаешь!..

Но она такъ щипнула меня за мягкое, что я вырвался отъ нея и крикнулъ, какъ у насъ плотники:

— Лѣшая голова!

Насъ застала Анна Димитріевна и долго бранила Аничку. Съ тѣхъ поръ Аничка меня не трогала, и я очень по ней скучалъ. Кажется, и она скучала. Пройдетъ мимо меня, сунетъ карамельку въ губы, ротъ мнѣ погладитъ будто, и ничего не скажетъ.

Но уже многія стали приставать, чтобы я рассказалъ имъ сказочку. Сказочекъ я зналъ много, отъ нашихъ плотниковъ. Бывало, меня обступятъ, — и все старшія дѣвочки, — сажаютъ на колѣни и слушаютъ, даютъ даже и шоколадныя конфетки. Я жую и рассказываю, будто бы самъ себѣ. И вдругъ, черезъ головы нагнется... Анна Димитріевна! И скажетъ:

— И чего ты болтаешь все! Ну-ну, рассказывай...

Мнѣ дѣлается стыдно. Развѣ можно при ней рассказывать, какъ попъ на своемъ работникѣ катался и какъ ругался! Или — какъ попадаья сметану воровала, работника угощала, а сама на Миколу-Угодника сва-

лила?! Или вотъ про пилу, которую плотники наши заставляютъ пилить доски, а доски плачутъ и роняютъ опилки-слезки, и даже пила плачетъ! Она засмѣется и пристыдитъ:

— Ну, какъ ты... такія глупости!

А сама любитъ слушать. И сколько разъ бывало, — взглянетъ на свои золотые часики на цѣпочкѣ до живота и вскрикнетъ:

— Мед-муазель... кляс! кляс!..

Много у меня было, о чемъ рассказывать. Народъ на нашемъ большомъ дворѣ мѣнялся, какъ мѣнялся народъ на улицѣ: приходили и уходили плотники, столяры, маляры, штукатуры, кровельщики, конопатчики, кузнецы, колесники, кирпичники, глиномялы, землекопы, плотогоны, лѣсовалы, свайщики, парильщики, баньщики, водоливы, барочники, ѣздоки... — всякихъ дѣлъ и ремесель люди. Приходили они совсюду, со всѣхъ губерній округъ Москвы, со своими рассказами и пѣснями, съ радостями и горемъ, каждый — со своимъ говоромъ. Многого я послушалъ, отъ первыхъ дней. Многое мнѣ запало въ душу.

Должно быть за постоянную болтовню прозвали меня въ первомъ классѣ гимназiи — „римскiй ораторъ“, — и кличка эта держалась долго. Въ бальникахъ то-и-дѣло отмѣчалось: „оставленъ на полчаса за постороннiе разговоры на урокахъ“.

Это былъ, такъ сказать, до-письменный вѣкъ исторiи моего писательства. За нимъ вскорѣ пришелъ и „письменный“.

Въ третьемъ, кажется, классѣ, я увлекся романами Жюль-Верна и написалъ длинное — и въ стихахъ! — путешествiе нашихъ учителей на луну, на воздушномъ шарѣ, сдѣланномъ изъ необъятныхъ штановъ нашего латиниста „Бегемота“. „Поэма“ моя имѣла большой успѣхъ,

читали ее даже и восьмиклассники, и она, наконецъ, попала въ лапы къ инспектору. Помню пустынный залъ, иконостасъ у оконъ, въ углу на лѣво, — 6-ая моя гимназія! — благословляющаго дѣтей Спасителя, — и высокій, сухой Баталинъ, съ рыжими бакенбардами, трясетъ надъ моей стриженной головой тонкимъ костлявымъ пальцемъ, съ отточеннымъ остро ногтемъ, и говоритъ сквозь зубы, — ну, прямо, цѣдить! — ужаснымъ, свистящимъ голосомъ, втягивая носомъ воздухъ, — какъ самый холодный англичанинъ:

— И сто-съ такое... и сс-такихъ лѣтъ, и сс-такъ неуважительно отзываеся, сс-такъ пренебрежительно о сстарыхъ... о наставникахъ, объ учителяхъ... нашего посстеннаго Михаила Сергѣича, сына такого нашего великаго историка позволяеся себѣ называть... „Мартѣвской“!.. По рѣшенію педагогическаго совѣта...

Гонораръ за эту „поэму“ я получилъ высокій — на шесть часовъ „на воскресенье“, на первый разъ.

Долго рассказывать о первыхъ моихъ шагахъ. Расцвѣлъ я пышно на сочиненіяхъ. Съ пятаго класса я до того развился, что къ описанію Храма Христа Спасителя какъ-то приплелъ... Надсона! Помнится, я хотѣлъ выразить чувство душевнаго подъема, которое охватываетъ тебя, когда стоишь подъ глубокими сводами, гдѣ паритъ Саваоѣъ, „какъ въ небѣ“, — „и вспоминаются ободряющія слова нашего славнаго поэта и печальника Надсона“:

„Другъ мой, братъ мой... усталый, страдающій
братъ!

„Кто бъ ты ни былъ — не падай душою!

„Пусть неправда и зло полновластно царятъ

„Надъ омытой слезами землею...

Баталинъ вызвалъ меня подъ кафедру и, потрясая тетрадкой, началъ пилить со свистомъ:

— Сто стакое?!.. Напрасно сситеате книзки, не-
включенныя въ усенискую библіотеку! У насъ есть
Пускинъ, Лермонтовъ, Дерзавинъ... но никакого вашего
Надсона... нѣтъ! Сто такой и кто такой... На-дсонъ!
Вамъ дана тема о Храмѣ Христа Спасителя, по плану...
а вы приводите, ни къ селу — ни къ городу, какого-то
„страдающаго брата“... какіе-то вздорные стихи! Было
бы на четверку, но я вамъ ставлю три съ минусомъ. И
зачѣмъ еще тутъ какой-то „фило-совъ“... съ „в“ на
концѣ! — „филосоввъ Смальсъ“?! Слово „философъ“ не
умѣете написать, пишете черезъ „в“, а въ философію
пускаетесь? И во-вторыхъ, былъ Смайльсъ, а не „смальсъ“,
что значитъ — свиное сало! И никакого отношенія онъ,
какъ и вашъ На-дсонъ, — онъ говорилъ, ударяя на
первый слогъ, — ко Храму Христа Спасителя не имѣли!
Три съ минусомъ! Ступайте и вдумайтесь.

Я взялъ тетрадку и попробовалъ отстоять свое:

— Но это, Николай Иванычъ... тутъ лирическое
отступленіе у меня... какъ у Гоголя, напримѣръ?..

Николай Иванычъ потянулъ строго носомъ, отчего
его рыжіе усы поднялись, и показались зубки, а зеле-
новатые и холодные глаза такъ уставились на меня, съ
такимъ выраженіемъ усмѣшки и даже холоднаго пре-
зрѣнія, что во мнѣ все похолодѣло. Всѣ мы знали, что
это его улыбка: такъ улыбается лисица, перегрызая гор-
лышко пѣтушку.

— Ахъ, во-отъ вы ка-акъ... Го-голь!.. или, можетъ
быть, гоголь-моголь? Во-отъ какъ... — и опять страшно
потянулъ носомъ. — Дайте сюда тетрадку...

Онъ перечеркнулъ три съ минусомъ и нанесъ со-
крушительный ударъ — коломъ! Я получилъ „колъ“
и — оскорбленіе. Съ тѣхъ поръ я возненавидѣлъ и На-д-
сона и философію. Этотъ „колъ“ испортилъ мнѣ „пе-
ресадку“ и „средній баллъ“, и меня не допустили къ
экзаменамъ: я остался на второй годъ. Но все это было
къ лучшему.

Я попалъ къ другому словеснику, къ незабвенному Оедору Владиміровичу Цвѣтаеву. И получилъ у него свободу: пиши, какъ хочешь!

И я записалъ ретиво, — „про природу“. Писать классныя сочиненія на поэтическія темы, напримѣръ, — „Утро въ лѣсу“, „Русская зима“, „Осень по Пушкину“, „Рыбная ловля“, „Гроза въ лѣсу“... — было одно блаженство. Это было совсѣмъ не то, что любилъ задавать Баталинъ: не „Трудъ и любовь къ ближнему, какъ основы нравственнаго совершенствованія“, не „Чѣмъ замѣчательно посланіе Ломоносова къ Шувалову „о пользѣ стекла“, и не „Чѣмъ отличаются союзы отъ нарѣчій“. Плотный, медлительный, какъ-будто полусонный, говорившій чуть-чуть на „о“, посмѣивающійся чуть глазомъ, благодушно, Оедоръ Владиміровичъ любилъ „слово“: такъ, мимоходомъ будто, съ лѣнцою русской, возьметъ и прочтетъ изъ Пушкина... Господи, да какой же Пушкинъ! Даже Данилка, прозванный „Сатаной“, и тотъ проникался чувствомъ.

„Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
„И голосъ, шуму водъ подобный.

Пѣвуче читалъ Цвѣтаевъ, и мнѣ казалось, что — для себя.

Онъ ставилъ мнѣ за „разказы“ пятерки съ тремя иногда крестами, — такія жирныя! — и какъ-то, тыча мнѣ пальцемъ въ голову, словно вбивалъ въ мозги, торжественно изрекъ:

— Вотъ что, муж-чи-на... — а нѣкоторые судари пишутъ „муш-чи-на“, какъ, напримѣръ, зрѣлый мужи-чи-на Шкробовъ! — у тебя есть что-то о... нѣкая, какъ говорится, „шишка“. Притчу о талантахъ... по-мни!

Съ нимъ единственнымъ изъ наставниковъ, помѣнялись мы на прощанье карточками. Хоронили его — я плакалъ. И до сего дня — онъ въ сердцѣ.

И вотъ — третій періодъ, уже „печатный“.

Отъ „Утра въ лѣсу“ и „Осени по Пушкину“ я перешелъ незамѣтно къ „собственному“.

Случилось это, когда я кончалъ гимназію. Лѣто передъ восьмымъ классомъ я провелъ на глухой рѣчущкѣ, на рыбной ловлѣ. Попалъ на омутъ, у старой мельницы. Жилъ тамъ глухой старикъ, мельница не работала. Пушкинская „Русалка“ вспомнилась. Такъ меня восхитило запустѣнье, обрывы, бездонный омутъ, съ „сомомъ“, побитыя грозою, расщепленныя ветлы, глухой старикъ — изъ „Князя Серебрянаго“ мельникъ!.. Какъ-то на ранней зорькѣ, лова подлещиковъ, я тревожно почувствовалъ... — что-то во мнѣ забилося, заспѣшило, дышать мѣшало. Мелькнуло что-то, неясное. И — прошло. Забылъ. До глубокаго сентября я ловилъ окуней, подлещиковъ. Въ ту осень была холера, и ученье было отложено. Что-то — не приходило. И вдругъ, въ самую подготовку на атестатъ зрѣлости, среди упражненій съ Гомеромъ, Софокломъ, Цезаремъ, Виргилиемъ, Овидіемъ Назономъ... — что-то опять явилось! Не Овидій ли натолкнулъ меня? не его ли „Метаморфозы“ — чудо?..

Я увидалъ мой омутъ, мельницу, разрытую плотину, глинистые обрывы, рябины, осыпанныя кистями ягодъ, дѣда... Живые, — они пришли и взяли. Помню, — я отшвырнулъ всѣ книги, задохнулся... и написалъ — за вечеръ! — большой разсказъ. Писалъ я „смаху“. Правиль и переписывалъ, — и правилъ. Переписалъ отчетливо и крупно. Перечиталъ... — и почувствовалъ дрожь и радость. Заглавіе? Оно явилось само, само очертилось въ воздухѣ, зелено-красное, какъ рябины — тамъ. Дрожащей рукой я вывелъ —

У МЕЛЬНИЦЫ

Это было мартовскимъ вечеромъ 1894 года. Но и теперь еще помню я первыя строчки перваго моего разсказа:

„Шумъ воды становился все отчетливѣй и громче: очевидно, я подходилъ къ запрудѣ. Вокругъ росъ молодой, густой осинникъ, и его сѣрые стволыки стѣной стояли передо мною, закрывая шумѣвшую неподалеку рѣчку. Съ трескомъ я продирался чащей, спотыкался на остренькіе пеньки осиноваго сухостоя, получалъ неожиданные удары гибкихъ вѣтокъ“...

Разсказъ былъ жуткій, съ житейской драмой, отъ „я“. Я сдѣлалъ себя свидѣтелемъ развязки, такъ ярко, казалось, сдѣлалъ, что повѣрилъ собственной выдумкѣ. Но что же дальше? Литераторовъ я совсѣмъ не зналъ. Въ семьѣ и среди знакомыхъ было мало людей интеллигентныхъ. Я не зналъ и „какъ это дѣлается“, — какъ и куда послать. Не съ кѣмъ мнѣ было посоветоваться; почему-то и стыдно было. Скажутъ еще: „э, пустяками занимаешься!“ Газетъ я еще не читалъ тогда, — „Московский Листокъ“ развѣ, но тамъ было смѣшное только или про „Чуркина“. Сказать по правдѣ — я считалъ себя выше этого. „Нива“ не пришла въ голову. И вотъ, вспомнилось мнѣ, что гдѣ-то я видѣлъ вывѣсочку, узенькую совсѣмъ: „Русское Обзорѣніе“, ежемѣсячный журналъ. Буквы были — славянскія? Вспоминалъ-вспоминалъ... — и вспомнилъ, что на Тверской. Объ этомъ журналѣ я ничего не зналъ. Восьмиклассникъ, почти студентъ, я не зналъ, что есть „Русская Мысль“, въ Москвѣ. Съ недѣлю я колебался: вспомню про „Русское Обзорѣніе“ — такъ и похолодѣю, и обожгусь. Прочитаю „У мельницы“ — ободрюсь. И вотъ я пустился на Тверскую — искать „Русское Обзорѣніе“. Не сказалъ никому ни слова.

Помню, прямо съ уроковъ, съ ранцемъ, въ тяжеломъ ватномъ пальто, сильно повыгорѣвшемъ и пузырившемся къ поламъ, — я его все донашивалъ, поджидая

студенческаго, чудеснаго! — въ резиновыхъ, грязныхъ, ботикахъ, шагаль я по „ботвиньѣ“, въ мокромъ снѣгу навозномъ. День былъ весенній, солнечный, бойко текли канавки, дворники скидывали съ крышъ снѣгъ. Переписанная въ тетрадку „рукопись“ лежала въ ранцѣ. Помню, — иду и думаю: „и никто не знаетъ, что я написалъ рассказъ... и вотъ я его несу, и его, можетъ быть, напечатають, и тогда узнають“. Что я стану писателемъ, что за этотъ рассказъ что-нибудь мнѣ заплатятъ, — совсѣмъ не думалъ. Просто, не приходило въ голову. А вотъ и вывѣсочка, нашелъ. Взглянулъ — и обмеръ: „Русское Обозрѣніе“! Въ этихъ словахъ, написанныхъ церковно, буквами необычными, почувствовалось мнѣ вдругъ, мелькнуло, что въ этомъ — важное для меня и страшное. Мелькнуло — и забылось. Другимъ покрылось, сегодняшнимъ: а ну, какъ выго- нять?..

Спросилъ, помню, извозчика, — гдѣ журналъ? Извозчикъ не зналъ. И никто не зналъ. Какой-то студентъ долго глядѣлъ на вывѣску, глядѣлъ въ переулокъ и на небо. И онъ не зналъ. Я пошелъ, наудачу, въ переулокъ. Попавшійся почтальонъ довелъ меня до крыльца и бросилъ: „теперь найдете“. Крыльцо съ каменными ступеньками, домъ унылый. Въ полутемныхъ сѣняхъ пустынно. Я позвонилъ, робко. Встрѣтилъ меня швейцаръ: „вамъ чего?“ — чуть пріоткрывши дверь. Я виновато сказалъ, что принесъ рассказъ. Онъ поглядѣлъ на мой ранецъ, на грязные ботики, подумалъ: впускать или не впускать? Такъ показалось мнѣ. И рѣшилъ, что впускать нестоитъ.

— Ну, давайте... — сказалъ онъ вяло, — самъ отдамъ имъ. Приходите черезъ два мѣсяца.

Тутъ же, въ сѣняхъ, у двери, — я насилу могъ справиться съ волненьемъ, отстегивая ранецъ, — досталъ я завѣтную синюю тетрадку. И меня охватило

страхомъ: а вдругъ обманетъ, не передастъ?.. Я держался за синюю тетрадку, которую онъ тянулъ.

— А можно мнѣ самому отдать... главному отдать?..
— спросилъ, попросилъ я робко.

Я забылъ даже, что „главный“ -то называется — редакторъ. Мы встрѣтились глазами. Швейцаръ подморгнулъ мнѣ хитро, совсѣмъ нестрога, — будто я ему нравился, — тронулъ за локоть даже и сказалъ совсѣмъ ласково:

— Сами написали? Ну, хорошо... ладно! Сами и мѣ и отдадите.

Онъ отворилъ дверь пошире, впустилъ въ высокую комнату и указалъ мнѣ на желтенькій диванчикъ: подождите. Потомъ пріоткрылъ огромную, подъ орѣхъ, дверь и, сунувъ голову въ щель, что-то проговорилъ кому-то. Тамъ—скучно крякнуло. Сердце во мнѣ упало: крякнуло, будто, строго?.. Швейцаръ медленно шель ко мнѣ.

— Пожалуйста... желаютъ васъ сами видѣть.

Чудеснѣйшій былъ швейцаръ, съ усами, бравый! Я сорвался съ диванчика и, какъ былъ, — въ грязныхъ, тяжелыхъ ботикахъ, въ шубѣ, съ тяжелымъ ранцемъ, ремни котораго волоклись со звономъ, — все вдругъ отяжелѣло! — вступилъ въ святилище.

Огромный, очень высокій кабинетъ, огромные шкапы съ книгами, огромный письменный столъ, исполинская надъ нимъ пальма, груды бумагъ и книгъ, а за столомъ, широкій, красивый, грузный и строгій — такъ показалось мнѣ — господинъ, профессоръ, съ сѣдьющими по плечамъ кудрями. Это былъ самъ редакторъ, приватъ-доцентъ московскаго университета, Анатолій Александровъ. Онъ встрѣтилъ меня мягко, но съ умѣшкой, хотя и ласковой:

— Ага, принесли рассказъ?.. А въ какомъ вы классѣ? Кончаете... Ну, что же... поглядимъ. Многонько напи-

сали... — взвѣсилъ онъ на рукѣ тетрадку. — Ну, зайдите мѣсяца черезъ два...

Я зашелъ, въ самый разгаръ экзаменовъ. Оказалось, что надо „заглянуть мѣсяца черезъ два“. Я не заглянулъ. Я уже сталъ студентомъ. Другое пришло и захватило, — не писанье. О разсказѣ я позабылъ, не вѣрилъ. Пойти? Опять: „мѣсяца черезъ два зайдите“.

Уже въ новомъ мартѣ я получилъ неожиданно конвертъ — „Русское Обозрѣніе“ — тѣмъ же полуцерковнымъ шрифтомъ. Анатолій Александровъ просилъ меня „зайти переговорить“. Уже юнымъ студентомъ вошелъ я въ чудесный кабинетъ. Редакторъ учтиво всталъ и черезъ столъ протянулъ мнѣ руку, улыбаясь.

— Поздравляю васъ, вашъ разсказъ мнѣ понравился. У васъ довольно хорошій діалогъ, живая русская рѣчь. Вы чувствуете русскую природу. Пишите еще.

Я не сказалъ ни слова, ушелъ въ туманѣ. И, вскорѣ, опять забылъ. И совсѣмъ не думалъ, что сталъ писателемъ.

Въ первыхъ числахъ іюля 1895 года я получилъ по почтѣ толстую книгу въ зеленовато-голубой — ? — обложкѣ, — „Русское Обозрѣніе“, іюль. У меня тряслись руки, когда раскрывалъ ее. Долго не находилъ, — все прыгало. Вотъ, оно: „У мельницы“, — самое т о, м о е! Двадцать съ чѣмъ-то страницъ — и, кажется, ни одной поправки! ни пропуска! Радость? Не помню, нѣтъ... Какъ-то меня пришибло... поразило? Не вѣрилось.

Счастливъ я былъ — дня два. И — забылъ. Новое приглашеніе редактора — „пожаловать“. Я пошелъ, не зная, зачѣмъ я нуженъ.

— Вы довольны? — спросилъ красивый профессоръ, предлагая кресло. — Вашъ разсказъ многимъ нравится. Будемъ рады дальнѣйшимъ о-пытамъ. А вотъ и вашъ гонораръ... Первый? Ну, очень радъ.

Онъ вручилъ мнѣ... во-семь-де-сять рублей! Это было великое богатство: за десять рублей въ мѣсяць я хо-

диль на урокъ черезъ всю Москву. Я растерянно су-
нулъ деньги за борть тужурки, не въ силахъ промол-
вить слово.

— Вы любите Тургенева? Чувствуется у васъ не-
сомнѣнное вліяніе „Записокъ Охотника“, но это прой-
детъ. У васъ и свое есть. Вы любите нашъ журналъ?

Я что-то прошепталъ, смущенный. Я и не зналъ
журнала: только „іюль“ и видѣлъ.

— Вы, конечно, читали нашего основателя, слав-
наго Константина Леонтьева... что-нибудь читали?..

— Нѣтъ, не пришлось еще...—проговорилъ я робко.

Редакторъ, помню, выпрямился и поглядѣлъ подъ
пальму, — пожалъ плечами? Это его, кажется, смутило.

— Т е п е р ь... — посмотрѣлъ онъ грустно и лас-
ково на меня, — вы о б я з а н ы его знать. Онъ откро-
етъ вамъ многое. Это, во-первыхъ, большой писатель,
большой художникъ...—Онъ сталъ говорить-говорить...
не помню уже подробности, — что-то о „красотѣ“, о
Греции... — Онъ великій мыслитель нашъ, русскій, не-
обычайный! — восторженно заявилъ онъ мнѣ. — Ви-
дите — этотъ столъ?.. — Это его столъ! — И онъ
благоговѣнно-нѣжно, погладилъ столъ, показавшійся мнѣ
чудеснымъ.—О, какой свѣтлый даръ, какія пѣсни пѣла
его душа! — нѣжно сказалъ онъ въ пальму, и вспом-
нилось мнѣ недавнее:

„Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ,

„И голосъ, шуму водъ подобный.

— И эта пальма — его!

Я посмотрѣлъ на пальму, и она показалась осо-
бенно чудесной.

— Искусство, продолжалъ говорить редакторъ, —
прежде всего, благоговѣніе! Искусство... ис-кусть! Ис-
кусство — молитвенная пѣснь. Основа его — религія.
Это всегда, у всѣхъ. У насъ — Христово Слово! „И

Богъ бѣ Слово“. И я радъ, что вы начинаете въ его домѣ... въ его журналѣ. Какъ-нибудь заходите, я буду давать вамъ его творенія. Не во всякой они библиотекѣ... Ну-съ, молодой писатель, до свиданія. Желаю вамъ...

Я пожалъ его руку, и такъ мнѣ хотѣлось поцѣловать его, послушать о немъ, невѣдомомъ, сидѣть и глядѣть на столъ. Онъ самъ проводилъ меня.

Я ушелъ, опьяненный новымъ, чувствуя смутно, что за всѣмъ этимъ, моимъ, — случайнымъ? — есть что-то, великое и священное, незнаемое мною, необычайно важное, къ чему я только лишь прикоснулся.

Шелъ я, какъ оглушенный. Что-то меня томило. Прошелъ Тверскую, вошелъ въ Александровскій садъ, присѣлъ. Я — писатель? Вѣдь я же выдумалъ весь рассказъ!.. Я обманулъ редактора, и за это мнѣ дали деньги!.. Что я могу рассказывать? Ничего. А искусство — благоговѣнне, молитва... А во мнѣ — ни-чего-то нѣтъ. Деньги, во-семьдесятъ рублей... за это!.. Долго сидѣлъ я такъ, въ раздумьи. И не съ кѣмъ поговорить... У Каменнаго Моста зашелъ въ часовню, о чемъ-то помолился. Такъ, бывало, передъ экзаменомъ.

Дома я вынулъ деньги, пересчиталъ. Во-семьдесятъ рублей!.. Взглянулъ на свою фамилию подъ рассказомъ, — какъ-будто и не моя! Было въ ней что-то новое — совсѣмъ другое. И я — другой? Я впервые тогда почувствовалъ, что — другой. Писатель? Этого я не чувствовалъ, не вѣрилъ, боялся думать. Только одно я чувствовалъ: что-то я долженъ сдѣлать, многое узнать, читать, вглядываться и думать... — готовиться. Я — другой, другой.

1929—1930 г.г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Родное	3
Веселый вѣтеръ	18
Розстани	37
Миша	124
Какъ мы открывали Пушкина	131
Какъ я узнавалъ Толстого	141
Какъ я сталъ писателемъ	151

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Вышли изъ печати:

- 1 и 2. Д. С. Мережковский. — „Наполеонъ“ т. I и II.
- 26 и 27. Д. С. Мережковский. — „Атлантида—Европа“.
- 3, 4, 16, 29 и 30. Е. Н. Чириковъ. — „Отчий Домъ“, ром. т. I, II, III, IV, V.
5. А. В. Амфитеатровъ. — „Заря русской женщины“, очерки.
14. А. В. Амфитеатровъ. — „Русскій попь XVII вѣка“.
6. Э. Н. Гиппиусъ. — „Синяя книга“.
7. Б. К. Зайцевъ. — „Разказы“.
8. А. И. Купринъ. — „Елань“, разказы.
20. А. И. Купринъ. — „Колесо времени“, разказы.
9. И. С. Шмелевъ. — „Въѣздъ въ Парижъ“, Разказы.
10. А. М. Ремизовъ. — „По карнизамъ“, повѣсть.
11. К. Д. Бальмонтъ. — „Въ раздвинутой дали“, поэма о Россіи.
12. И. А. Бунинъ. — „Грамматика любви“, разказы.
15. В. Н. Ладыженскій. — „За рубежомъ“, разказы.
18. Б. А. Лазаревскій. — „Лиза“, разказы.
- 19, 22 и 23. С. П. Мельгуновъ. — „Трагедія адм. Колчака“, ч. I, II и III, т. I.
21. Н. Рошинъ. — „Журавли“, разказы.
25. В. Оболенскій. — „Очерки минувшаго“.
17. Н. Теффи. — „Книга Юноя“, разказы.
32. И. С. Шмелевъ. — „Родное“.—Воспоминанія и разказы.

Учебники:

- Л. М. Сухотинъ. — „Исторія Среднихъ Вѣковъ“.

Печатаются:

28. С. П. Мельгуновъ. — „Трагедія адмирала Колчака“, ч. III, т. II.
33. Игорь-Съверянинъ. — „Классическія розы“, стихи.
- Л. М. Сухотинъ. — Учебникъ: Исторія Новаго Бремена.

Готовятся къ печати:

13. А. М. Ремизовъ. — „Ровъ львиный“, романъ.
24. А. В. Амфитеатровъ. — „Русскій уѣздный городъ XVII в.“
31. И. Лукашъ. — „Сны Петра“. Трилогія въ разказахъ.
34. А. В. Амфитеатровъ. — „Дщери чловѣчскія“, разказы.
35. Е. Н. Чириковъ. — „Вечерній звонъ“. Разказы.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Вышли изъ печати:

1. И. С. Шмелевъ. — „На морскомъ берегу“.
2. Е. А. Елачичъ. — „Сильные духомъ“, разказы.

ДѢТСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Вышли изъ печати:

1. Народныя Русскія Сказки, вып. 1, 2, 3, 4, 5, 6.
7. Саша Черный. — „Серебряная елка“, сказки.
8. Саша Черный. — „Румяная книжка“.
9. Вѣра Буличъ. — Сказки, книга I.
10. В. Буличъ. — Сказки, книга II.

Печатаются:

11. И. А. Еленевъ. — „Бѣлая башня“.

Цѣна 30 динаръ.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМИССИЯ
Палата Академије Наука.
Јакшићева ул., бр. 2. Београд.